

ФУДЖИ
ТЕМАТОИ

КНИГА
ОТКРОВЕНИЙ

Руперт Томсон

Книга откровений

Будет ли когда-нибудь явлено нам для догадок что-то еще, кроме внешнего облика?

Кожа, наружность - в этом вся величайшая загадка человека.

Стефан Хертманс

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Даже теперь я вижу все это так ясно... В студийной столовой никого нет, я сижу в углу у окна. Луч солнца падает на край стола, разделяя гладкую поверхность светлого дерева на две половины - темную и светлую. Помню, что мне это напоминает фамильный герб - щит, разделенный пополам. Напротив меня стоит пепельница, солнце клубится в ее массивном стекле, рядом чья-то недопитая чашка давно остывшего кофе. Обычный момент обычного дня - перерыв между репетициями.

Не успел я открыть блокнот и приготовиться делать записи, как справа послышались легкие, танцующие и в то же время решительные шаги. Я поднял голову и увидел Бриджит, мою девушку. Она шла ко мне в темно-зеленом трико, на колготках были спущены петли; ее волосы стянуты на затылке бледно-лиловой бархоткой. Она хмурилась - у нее кончились сигареты и в автомате нет ни одной. Может, я сбегаю и куплю ей пачку?

Я с удивлением уставился на нее.

- Разве я не купил тебе пачку сигарет только вчера?

- Я их выкурила.

- Ты выкурила двадцать сигарет со вчерашнего дня? Бриджит молча взглянула на меня.

- Ты заработаешь рак легких.

- Мне все равно.

Мы и раньше ссорились по этому поводу, так что я вскоре сдался. Мне было приятно чем-нибудь услужить ей. Когда я теперь оглядываюсь назад, то вспоминаю эту характерную готовность угодить, сделать приятное, я всегда хотел сделать ее счастливой, с самого первого мгновения, как увидел ее. Мне навсегда запомнилось то утро, когда она вошла в студию, юная выпускница балетной школы, как она стояла у рояля, закалывая в пучок свои блестящие каштановые волосы. И я всегда буду помнить, как несколькими днями позже, когда мы оказались в постели, она склонилась надо мной и на ее лице было это странное выражение - смесь высокомерия и экстаза. Ее глаза так потемнели, что зрачки слились с радужной оболочкой...

Бриджит уже отошла к окну, она стояла, глядя на улицу, подбоченясь одной рукой. Улыбаясь, я потянулся за свитером, натянул его поверх старой рваной рубашки, которую всегда надевал для занятий танцами.

- Я быстро, - сказал я.

Погода была замечательной. Хотя до начала мая оставалось еще две недели, солнце ощутимо грело спину, пока я шел по улице. Я увидел, как через мост переезжает на велосипеде молодой мужчина и громко что-то поет - я часто наблюдаю такие сценки в Амстердаме. Полы его длинного льняного сюртука развевались на ветру. Я заметил выражение ожидания на его лице, ожидания лета и грядущей жары...

Мы с Бриджит жили вместе уже семь лет, снимая два верхних этажа в доме на берегу симпатичного, не так уж хорошо известного канала Эгелантирсграхт. Дома у нас были экзотические растения, аквариум с рыбками, большие окна в мансарде. Наша веранда выходила на юг, там мы обычно завтракали летом. Работая в одной труппе, мы были вместе двадцать четыре часа в сутки. Вообще за все время, с тех пор как поселились вместе, мы едва ли провели врозь больше чем три-четыре ночи. Как танцорам нам сопутствовал успех, удалось объехать весь мир - Осака, Сан-Паулу, Тель-Авив. Мы нравились как публике, так и критикам. Меня даже начали хвалить за хореографию (я поставил три одноактных балета для нашей труппы, последний из которых был отмечен международным призом). Мне было двадцать девять лет, и у меня были все основания считать, что в жизни мне повезло. Я ничего не хотел бы в ней изменить, всем был доволен. Я шел в магазин тем утром с единственным желанием, чтобы Бриджит бросила наконец курить...

Шел привычным маршрутом. Перейдя через мост, повернул налево, спустился по улице, идущей вдоль канала, потом свернул чуть вправо на тенистую узкую аллею. Здесь пахло сырой штукатуркой и стоячей водой, а кирпичные стены домов были покрыты древним белесым мхом. Я прошел мимо часовой мастерской, в окне которой спал, вытянув лапы, роскошный дымчатый кот-, миновал магазинчик, торгующий восточными вазами, лампами с цветными стеклянными абажурами и бронзовыми статуэтками. Как и у того человека на велосипеде, у меня в голове звучала мелодия, музыкальная тема Жуана Мартена, которую я собирался использовать в своей следующей балетной постановке...

Пройдя до середины аллеи, до того места, где она сворачивала налево, я остановился и посмотрел вверх. Пятиэтажные дома, казалось, клонились друг к другу, заслоняя дневной свет. Небо сужалось до размера узенькой голубой полоски. Когда я опять посмотрел перед собой, то увидел их - три фигуры в длинных плащах с капюшонами, как будто возникшие из ниоткуда среди бела дня. Их появление не удивило меня, я, кажется, даже улыбнулся, подумав, что это уличные актеры или просто местные жители, которые направляются на костюмированную вечеринку...

Как бы там ни было, они вполне нормально смотрелись на этой улочке. Но поразило меня не их появление, а то, что они меня узнали. Они назвали меня по имени, сказали, что видели меня в балете, притом много раз. Сказали, что я был великолепен. Одна из женщин восхищенно захлопала в ладоши, другая в порыве восторга взяла меня под руку.

Пока они кружили вокруг меня, задавая разные вопросы, я вдруг почувствовал острую боль в тыльной стороне правой ладони. Взглянув на руку, я увидел блеск иглы, быстро вынутой из вены. Я слышал себя, спрашивавшего: «Что вы делаете?» - потом все поплыло, я упал навзничь, капюшоны склонились надо мной, а в вышине виднелась ленточка голубого неба и на ней расплывались, как след от самолета, слова «Что вы делаете?»...

От нашей студии до магазина, где продают прессу и сигареты, всего пять минут ходьбы. Мне бы понадобилось не больше пятнадцати минут, чтобы сходить туда и обратно. Но прошло

полчаса, три четверти часа, а я не появлялся.

Последний раз я видел Бриджит, когда она, подбоченившись, стояла у окна студии. Интересно, как долго она пробыла в этой позе, о чем думала, глядя на улицу из окна? Может быть, подумала, что наша маленькая размолвка огорчила меня? И что я решил ее наказать?

Наверное, наконец она отошла от окна, поправила волосы, затянув потуже бархотку на затылке. Может, даже пробормотала что-нибудь по-французски, типа: «Вот подлость! Черт побери!» Ей не терпелось выкурить сигаретку, ее нервы были напряжены.

Может, потом в конце концов она стрельнула одну «Мальборо» у Фернандо и выкурила ее у телефона-автомата в коридоре студии.

Вряд ли в тот день она хорошо станцевала.

Когда вечером я не вернулся домой, Бриджит позвонила некоторым из моих друзей. Потом в Англию, моим родителям. Никто ничего не знал. Никто ничем не мог помочь. Через два дня популярная голландская газета опубликовала заметку, в которой кратко описывалась моя балетная биография и к ней прилагалось мое фото. Это еще не тянуло на сенсацию для первой полосы. Я был всего лишь танцовщиком и хореографом, который неожиданно исчез. Вот так. В нашей труппе возникли разные предположения по поводу моего исчезновения - нервный срыв, личные проблемы, но никто не заподозрил криминала. Мои родители объявили о награде за любую информацию, которая могла бы пролить хоть какой-то свет насчет моего местопребывания. Никто не откликнулся.

Обо всем этом я узнал позже.

В какой-то момент Бриджит начала ненавидеть меня за то, что я поставил ее в такое трудное положение. Ей казалось унижительным, что я исчез, не сказав, куда отправляюсь. Она ощущала себя посмешищем. Очевидно, именно тогда ей пришло в голову, что я мог уйти от нее к другой женщине. Она считала меня трусом, который просто скрылся, побоявшись прямого объяснения. Бриджит была наполовину француженкой, наполовину португалкой, что объясняет природу ее гордости, которая больше походила на гнев и в которой не было ни ровного спокойствия, ни горделивого постоянства - она вспыхивала как зажженная спичка. Когда ее опрашивали полицейские, она заявила, что я оставил ее как предатель. Она ничем не могла этого доказать, поскольку за все годы нашей совместной жизни не было ни одного случая, когда я был ей неверен. Тем не менее полицейские восприняли ее показания со всей серьезностью. В конце концов, у нее могла сработать женская интуиция, да и знать меня она должна была лучше, чем кто-либо, - как-никак жили вместе. Так что если она так считает, то... Полиция не стала организовывать поисковые группы, чтобы прочесывать окрестности со служебными собаками и прощупывать местные каналы баграми. Не были даже расклеены листовки с моим портретом и подписью «Разыскивается». И зачем все это надо было делать? Для всех я стал еще одним мужчиной, который завел интрижку на стороне.

Об этом я тоже узнал позже.

И еще. Последним человеком, который видел меня до исчезновения, оказался Стефан Элмере, а не Бриджит. Стефан был фотографом, работал с нашей труппой по договору. Он снимал нас в танце на черно-белую пленку, а потом эти фотографии печатались в программках и рекламных проспектах. Мы с Бриджит считали Стефана нашим общим другом.

В тот день, когда я шел по улице вдоль канала и уже почти свернул в узкую тенистую аллею, Стефан проехал мимо меня на своей машине. Обычно он в таких случаях останавливался, чтобы перекинуться со мной парой слов, либо какой-нибудь шуткой окликал меня из окна машины - как правило, это была какая-нибудь скабрёзность, но в этот раз все было

по-другому: прямо позади него ехала еще одна машина, и он не мог притормозить, просто покати́л дальше.

Возможно, в тот момент я выглядел вполне довольным собой.

Во всяком случае, в течение следующих восемнадцати дней никто не имел ни малейшего представления о том, где я нахожусь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Придя в себя, он ощутил во рту странный сладковатый привкус чего-то химического, вроде сахарина. Что-то случилось со зрением - все предметы вокруг вращались, все было размытым, как в дымке. Некоторое время лежал неподвижно, с повернутой набок головой. Доски пола. Белая стена.

В отдалении слышались звуки скрипок, а может, это были виолончели. Он старался прислушиваться к музыке, как будто это помогло бы ему понять, что с ним произошло. Музыка все звучала и звучала без конца, без каких-либо вариаций. Казалось, что мелодия подпитывает сама себя и никак не может насытиться.

Прошло какое-то время.

Музыка все еще звучала, хотя нельзя было понять, ни откуда она доносится, ни действительно ли она существует.

Наконец он смог приподнять голову. Он лежал на спине, руки и ноги были закованы в кольца из нержавеющей стали. Каждое кольцо соединялось с отдельной перекладиной при помощи другого, меньшего кольца. Обе перекладины были крепко привинчены к полу. Четыре маленьких кольца были зафиксированы каждое на своей перекладине при помощи металлических проушин, тоже прикрепленных к полу на определенном расстоянии друг от друга. Все сооружение озадачило его. Оно выглядело таким сложным и тщательно спроектированным. Но для чего и почему? Он ничего не соображал. У него не находилось никаких ответов на эти вопросы. Он огляделся. Большое прямоугольное помещение. В дальней стене -единственная дверь. На потолке три светильника с металлическими абажурами, и ему показалось, что свет, исходящий от них, такой же прямой и безжалостный, как освещение на скотобойне или в лаборатории. Все окрашено в белый цвет, даже трубы, идущие от пола до потолка справа от него, даже кирпичная стена слева. В помещении не было окон, только крошечный застекленный люк, похоже, забитый гвоздями. Голые, нестроганные и пыльные доски пола были положены кое-как.

Он снова откинулся навзничь и ощутил под собой бугристость черного резинового коврика, который напомнил ему занятия в спортзале, он пах точно так же, как и спортивный мат. Запах резиновой грелки и пота. Он посмотрел вверх, на заколоченный люк, в простой белой оконной раме виднелся квадрат голубого неба. Этот лазурный кусочек смутно напомнил ему узкую голубую полосу неба, каким он видел его в тенистой аллее.

«Сигареты, - подумал он. - Я так и не купил сигареты».

Он представил себе лица тех женщин, лица, затененные капюшонами, их фигуры, завернутые в черные плащи с развевающимися полами, которые напомнили ему плавные движения электрических скатов, скользящих по дну океана. Он слышал их голоса, звучавшие

одновременно: мы видели, как вы танцевали на прошлой неделе... мы сидели во втором ряду... вы были великолепны... Он так и не мог разобраться, которая из женщин что говорит. Разумеется, он привык получать комплименты от незнакомых людей, научился быть терпимым и любезным... Впрочем, кажется, одна из женщин все время молчала, то и дело наклоняя голову, чтобы лучше его рассмотреть. А может, ей просто было не по себе? Уже в тот момент он почувствовал, что в этой неожиданной встрече с женщинами что-то не так - нет, не их восторженность, восторженность была неподдельной. Он уже собирался извиниться и идти дальше, когда почувствовал эту острую, холодную боль в кисти правой руки. Он содрогнулся, вдруг вспомнив, как игла выскользнула из вены, словно жало змеи...

Подкожная инъекция.

Шприц.

Он все еще помнил блеск отраженного от черепичной крыши солнечного луча, луча, падающего на крышу дома в конце аллеи. Это было его последним воспоминанием. Дальше - ничего, а теперь... теперь вот эта белая комната без окон. Его пленение...

Еще раз он приподнял голову и огляделся вокруг. На этот раз он заметил, что все стены покрыты необычными креплениями: всякими скобами, крючками, болтами, вид которых совсем его не успокоил, так как не удалось найти им никакого разумного объяснения. Справа и немного позади от него располагалась неглубокая ниша, внутри которой стояли стиральная и сушильная машины. Обе были сделаны в Германии. Вид этих домашних предметов должен был бы успокоить его - они были знакомой частью нормальной семейной, повседневной жизни, но в сочетании с резиновой подстилкой, металлическими кольцами и креплениями на стенах даже они выглядели угрожающе.

Его окатило горячей волной страха, который он остро почувствовал всей кожей.

Внезапно ему ужасно захотелось помочиться.

Он не слышал звука открывающейся двери, хотя она должна была открыться, потому что сейчас эти три женщины приближались к нему, цепляясь подолами своих черных накидок за шершавые доски пола. Они остановились, глядя на него сверху вниз; ему показалось, что они смотрят на него, лежащего на дне глубокого колодца.

- Ты теперь наш.

Он не разобрал, которая из них сказала это. Он посмотрел вверх, на заколоченный люк - на этот голубой прямоугольник, пустой и равнодушный.

Та же женщина заговорила снова. Она была самой высокой из трех. Он разобрал легкий американский акцент.

- Ты принадлежишь нам, - сказала она, - ты наш. Первым его побуждением было спросить, что она имела в виду, но он переборол себя. Ему не хотелось, чтобы она услышала его голос. По крайней мере пока. Ему захотелось воспротивиться ей, хоть как-то. Возможно, голос - это единственное, что у него еще не отняли.

Впрочем, она казалась вполне удовлетворенной оттого, что оглядела его с ног до головы...

Из-за ее плеча показался самолет, серебристый всплеск на голубом фоне. Он подумал, что на борту сидят люди - читают газеты, журналы, слушают музыку, пьют вино. Так странно - они не знают о том, что он лежит в этой комнате здесь, внизу, скованный цепями... Он следил глазами за самолетом, который уже скрывался за верхним углом застекленного люка. Он летел так ровно и спокойно, как будто ничего здесь не происходило.

Потом он исчез.

Женщины тихо перешептывались, их голоса приглушали капюшоны. Несмотря на то что они стояли склонившись над ним, он не мог разобрать, ни что они говорят, ни кто из них говорит.

Наконец они отошли от него. Он лежал неподвижно. Все звуки были приглушенными. Он подумал, что в комнате, возможно, сделана звукоизоляция. Скорее всего так. Тогда можно объяснить то, что в его голове звучала музыка, когда он очнулся, - это он слышал, как кровь пульсировала в сосудах его головы, как будто полсотни смычков медленно водили по полусотне струн...

Так же и теперь приглушенно звучащие голоса женщин кружили над ним в воздухе, снова и снова, а он никак не мог понять смысла их слов.

«Теперь ты наш. Ты принадлежишь нам».

Трудно было сообразить, сколько именно времени прошло. Голубой квадрат люка потемнел, хотя еще не наступила ночь. Он только начал чувствовать первые признаки голода, когда дверь распахнулась и вошла одна из женщин, неся в руках поднос. Она осторожно, чтобы ничего не расплескать, приблизилась к нему и поставила поднос на резиновую подстилку. Он разглядел холодное мясо, салат, сыр, свежие фрукты и бутылку воды. В этой пустой бесцветной комнате содержимое подноса смотрелось абсурдно экзотически.

Опустившись возле него на колени, женщина взяла бутылку с водой и в течение нескольких секунд пыталась открутить крышку. То ли у нее были слабые пальцы, то ли она очень нервничала. Она резко выдохнула, когда крышка наконец поддалась, и поднесла наполненный стакан к его губам. Он с жадностью выпил воду. Ей пришлось все делать за него - даже вытирать ему салфеткой подбородок, когда он слишком торопливо опустошил стакан, чуть не захлебнувшись.

Теперь в голове у него прояснилось, и он понял, что пора осмыслить случившееся и собрать как можно больше информации о происшедшем. Он наблюдал, как женщина снимает с яблока зеленую кожуру, которая спиралью закручивалась вокруг ее большого пальца, обнажая влажную белую мякоть. У нее были красные грубые руки со слегка опухшими суставами и обкусанными ногтями. Ее голова была склонена, и он не мог видеть глаз, хотя несколько раз уловил их быстрый блеск, когда она протягивала ему лист салата или кусочек мяса. Вдруг он почувствовал слабый запах нафталина, когда она протянула к нему руку; запах, который бывает у залежавшихся вещей, недавно вынутых из шкафа. Откуда эти накладки? Принадлежат ли они этим женщинам?

В первый ли раз эта троица проделывает такое?

Вдруг он представил себе помещение театра, залитое светом в преддверии спектакля, в фойе клубятся толпы людей, к театру подъезжают такси...

- Который сейчас час? - спросил он.

Женщина покачала головой, давая понять, что ему не следует задавать вопросы. Но он не мог не спрашивать, он должен был узнать.

- Послушайте, у меня сегодня вечером спектакль. Казалось, она даже не слышит его.

- В семь тридцать я должен быть на сцене - чувствуя себя ужасно глупо, он добавил: - Я танцую.

Она была как глухая.

- Значит, я не могу у вас ничего спросить? - сказал он.

Женщина, поняв, что он напился и наелся, поднялась с колен, взяла поднос и направилась к двери. Он следил за ней, приподняв голову, напрягая до предела мышцы шеи. До него вдруг дошло, что за все время она не произнесла ни одного слова. Ни разу.

Откинувшись на спину, он подумал о том, что, возможно, его похитили с намерением взять за него выкуп. Он представил, как отец получает от похитителей письмо с требованием выкупа. Отец был всегда так прижимист в отношении денег! От этой мысли он громко расхохотался.

В тот первый день вся троица вернулась, когда совсем стемнело и под потолком зажглись лампы. На этот раз они остановились у двери, в дальнем конце комнаты. Кажется, совещались.

Наконец женщины повернулись и направилась к нему. Как и раньше, они окружили его. При ходьбе их накидки волочились по полу, взметая крошечные облачка пыли, которые, как маленькие вселенные, кружились вокруг него и оседали на пол...

Он решил ничем не показывать своего состояния, прятаться за маской апатичности, точно так же, как эти женщины прятали от него свои лица за капюшонами. Он постарается дать им как можно меньше информации о себе. Но в то же время хоть что-то разузнать самому. Выяснить, если удастся, кто такие эти женщины, где они его держат и что у них на уме.

- Что вы хотите? - спросил он. Женщины переглянулись.

- Вам нужны деньги? Да?

- Деньги? - повторила одна из них. - Нет, нам не нужны деньги.

Это была не та женщина, которая говорила с ним раньше. У этой голос был ниже и с хрипотцой, как будто она только что покурила. У нее почти не ощущалось никакого акцента.

- Тогда что вам нужно? - спросил он.

Женщина подняла руку к шее, оттягивая ворот капюшона, как будто он давил ей горло. Хотя ткань накидки не производила впечатления грубой, казалось, она натерла ей шею. Он подумал, что у нее, должно быть, очень чувствительная кожа. У нее были белые руки с тонкими пальцами, ногти покрашены темно-бордовым лаком, отчего казалось, что пальцы выпачканы в крови или дешевом вине. Он мог видеть только их руки и старался получше их рассмотреть.

- Мы уже получили то, что нам нужно, - сказала женщина. Затем, повернувшись к своим соучастницам, спросила: - Вы согласны?

Обе утвердительно кивнули.

Да. Несомненно, это голос другой женщины. Она говорила более властно. Может быть, она даже у них главарь. В каждой группе есть свой лидер.

- У нас есть определенные правила...

Женщина повернулась и подошла к нише. Двигалась она медленно, тяжело ступая, с чувством собственной значимости.

Так обычно ходят судьи. Она сказала, что он ни под каким видом не должен пытаться сбежать. Это просто невозможно. Они предприняли все необходимые меры предосторожности. Все предусмотрели. Она также предупредила, что он не должен

проявлять никакой агрессии, хотя ей и так известно, что это не в его характере. И еще пообещала, что если он будет хорошо себя вести, то с ним будут хорошо обращаться. Тут она сделала паузу, возможно, ожидая его комментариев, но он промолчал. Тогда она продолжила. Рядом с его правой рукой находится пульт. Если он голоден, хочет пить или в туалет, ему надо нажать...

- Собственно, я хочу в туалет сейчас, - сказал он.

- В туалет? Он кивнул.

Женщина подала знак другим - просто слегка наклонила голову, как бы давая разрешение. Обе повернулись и вышли из комнаты. Пока они выходили, он изучал так называемый пульт. Квадратная пластина, сделанная из алюминия, была привинчена к полу рядом с подстилкой. В центре пластины находилась большая белая кнопка, похожая на дверной звонок или электровыключатель. Он нажал на нее, но ничего не услышал.

- Только если тебе что-нибудь нужно, - предупредила женщина.

Но тут вернулись две другие, неся наручники и кандалы. Одна присела у него в ногах, другая подошла к изголовью. Впервые он обратил внимание на то, что каждая из двух перекладин была продублирована, напоминая вместе с загнутой, дублирующей ее частью ручку обыкновенного зонтика. Приглядевшись к обеим перекладинам, к которым были прикованы его ноги, он увидел, что они напоминают разорванную посередине букву S.

Женщина, сидевшая у него в ногах, освободила два маленьких металлических кольца, так что их можно было свободно передвигать по перекладинам, как по полозьям, потом сдвинула вместе его щиколотки и надела на них оковы. Только после этого она разомкнула большие металлические кольца. Когда его ноги были надежно закованы в кандалы, вторая женщина повторила ту же процедуру с руками, сцепив их у него за спиной наручниками. Обе женщины действовали быстро и слаженно, не произнося ни слова. Ни на секунду ни одна часть его тела не была свободна от пут. По тому, насколько четко прошла вся процедура, было понятно, что она заранее хорошо отработана.

Они осторожно помогли ему подняться на ноги. Мышцы его невероятно затекли, хотя он и пролежал без движения всего несколько часов. Он пропустил обычную дневную тренировку и теперь чувствовал, что ему срочно нужно подвигаться. Он стоял между двумя женщинами, шевеля руками и ногами, разминал мышцы шеи, вращая головой. Как будто готовился все равно выйти на сцену...

Кандалы и наручники, затруднявшие движения, звенели и клацали. Женщины взяли его под руки и повели к двери. Скованный по рукам и ногам, он передвигался с трудом.

Интересно узнать, что там, за пределами комнаты. Но его постигло разочарование. Увидел он лишь коридор с белыми стенами и потолком, а на полу ковер темно-серого, «производственного» цвета. В коридоре были две белые двери - одна слева от него, другая в дальнем конце коридора. Окон здесь не было. Единственный звук, который он слышал, это мерное жужжание ламп дневного света у него над головой. Все помещение казалось только что отремонтированным, но трудно было представить, как здание выглядит снаружи, и еще труднее - в какой части Амстердама оно находится, если это все же Амстердам.

В туалет вела дверь слева. Одна из женщин осталась сторожить в коридоре, а другая прошла с ним внутрь. Комната была лишь крошечной, восемь футов длиной и четыре шириной. Прямо перед ним стоял унитаз с черным сиденьем и белым бачком. Справа выступала из стены маленькая раковина. И на унитазе, и на раковине виднелось свежее название фирмы-производителя «Сфинкс». Самая популярная в Голландии фирма сантехники. Увидев название, он мрачно хмыкнул и сказал: «Просто отлично», - но женщина никак не

прореагировала на его слова. Как и в коридоре, здесь не было ни окон, ни зеркал.

Без всякого намека на стеснение или колебание женщина стянула ему брюки от тренировочного костюма и вытащила пенис через ширинку трусов. Он опустил на сиденье, чтобы помочиться, - раньше он никогда этого не делал, решил, что так облегчит себе ситуацию, даже если придется повернуться лицом к женщине. Она тоже должна была ощущать мучительную неловкость, очутившись наедине с ним в таком специфическом месте. Он слышал ее дыхание, пока не полилась струя. Должно быть, ужасно жарко в этой ее накидке с капюшоном на голове, подумал он. И вроде бы даже уловил терпкий запах пота - так пахнет забродивший весной в цветах сок. Вдруг он понял, которая это из женщин - та, с грубыми руками и обкусанными ногтями. Это она принесла ему еду в первый раз. Это ее голос, единственной из трех, он еще не слышал. Неожиданно он почувствовал прилив сил, что было удивительно не к месту и не имело никакой причины. У него даже перехватило дыхание. Это ощущение было мимолетным - едва возникнув, тут же исчезло.

Когда он закончил мочиться и встал, женщина подняла ему тренировочные брюки и, протянув мимо него руку, слила воду. И опять он не заметил в ее поведении никакого смущения или неловкости, только лишь четкое следование инструкции - есть задание, которое надо выполнить, и она выполняет его. Это лишь усугубляло нелепость его положения. Его действия оживили в памяти тот период жизни, о котором он, собственно, и не мог помнить. Несколькими простыми действиями она перечеркнула все тридцать лет его жизни, вернув к первым мгновениям пребывания в этом мире.

Сводив его в туалет, женщины моментально снова приковали его к полу, затем повесили наручники и кандалы на крючки в стене, оказавшиеся очень удобными для этого. Теперь кандалы висели за его спиной, вся троица отошла на какое-то время в левый угол комнаты.

Затем женщина с белыми руками и темным лаком на ногтях выступила вперед. Она стояла так близко, что он мог рассмотреть небольшую дырочку в плаще на уровне бедра, как будто след от зацепившегося ногтя; видны были и пятнышки высохшей грязи по краю подола.

- Ну что, лучше?

Он утвердительно кивнул.

Она стояла и смотрела на него сверху вниз. Из-под плаща высывались туфли на резиновой подошве.

- Тебе не холодно?

Он отрицательно покачал головой.

- Ну да, - сказала она, - здесь довольно тепло.

Она опустилась на колени и пристально уставилась на него. Возможно, из-за того, что ее лицо было прикрыто капюшоном, казалось, что глаза у нее сверхъестественно светятся.

- Видишь, мы совсем не хотим тебя мучить, - сказала она, - совсем наоборот...

Как будто повинуюсь таинственному сигналу, остальные женщины приблизились и тоже опустились перед ним на колени. Одна расположилась у него в ногах, а другая осторожно стянула с него свитер через голову. Под свитером у него была только старая рваная рубашка. Женщина начала расстегивать на ней пуговицы. У нее были изящные и сильные пальцы. Этот процесс раздевания отличался от того, которому он подвергся в туалете. Она это делала вкрадчиво, как будто в ожидании чего-то.

Пытаясь затруднить ей задачу, он попробовал повернуться на бок, но из этого мало что

получилось, так как его руки и ноги были прикованы к полу. Оставалось только следить за тем, как прозрачные перламутрово-белые пуговицы выскакивают из петель.

- О да! - сказала или скорее выдохнула одна из женщин. Их пристальный интерес к нему витал в воздухе, его можно было, казалось, пощупать.

Он закрыл глаза, прибегнув к темноте как форме отрицания, попытке избежать унижения. Но обнаружилось, что с закрытыми глазами он может видеть даже лучше руки женщин и ощущать их действия. Вот их пальцы на поясе спортивных брюк, медленно развязывают узел, распускают шнурок...

- А ты очень красив, - слышит он.

- Такая гладкая кожа, - говорит другая.

Третья женщина что-то пробормотала, соглашаясь с ними.

Он почувствовал, как они начали ощупывать его, то осторожно, то с настойчивым любопытством. В конце концов не осталось ни одной складочки на теле, которую они не обследовали бы.

Ему трудно было определить по времени, как долго длился этот ритуал поклонения.

В какой-то момент он почувствовал, что освещение в комнате изменилось, и открыл глаза. Одна из женщин выключила электрический свет, а другая внесла в комнату зажженные свечи. Вся обстановка стала другой, более интимной и в то же время какой-то средневековой. Изменчивое подрагивание пламени свечей, его распахнутая одежда, как кожа препарированного животного... Его нагота - и три фигуры в капюшонах, склонившиеся над ним...

Он снова закрыл глаза.

В какой-то момент он почувствовал начинающуюся эрекцию, это накатывающее из глубины чресл напряжение, медленный, предательски упоительный прилив крови. Его тело восставало против него, изменяло ему. Глаза были все еще закрыты, но он услышал голоса женщин:

- Смотри.

- Он готов.

- Кто будет первой?

Потолка больше не было, стены расступились; наконец перед ним развернулись огромные пространства, а над ним нависало ярко-голубое небо. Перед глазами мелькал меняющийся пейзаж, Он видел искрящиеся соляные разводы на морском песке, тянущиеся на мили; луга с высокой травой, колышущейся под нависающими темно-серыми тучами. Видел желтые прерии в окружении гряды гор, погруженных в тень и из-за этого казавшихся окрашенными в черный цвет и цвет индиго. Его лица коснулся свежий порыв ветра, запутавшийся в волосах. Дождя не было, но в воздухе пахло дождем; может, он только что прошел или вот-вот начнется. В воздухе пахло пространством. Оно простиралось вокруг, огромное и трагичное, пространство, каким он никогда его не видел. И он здесь был один. Один, но не одинок. Было ощущение того, что он находится в центре, как ось в колесе, в центре вселенной, представленной во всех измерениях. Когда-то очень давно он уже испытывал похожее ощущение. Может, это было просто ощущение своей юности.

Он то стоял на месте, то бежал, но все время был один; никто не тревожил его, он был

удивительно, сосредоточенно восторжен...

Хотя какой-то частью себя он сознавал, что вдруг может открыться дверь и зажечься свет - яркий и безжалостный, и что-то произойдет, вернув его назад, туда, где он реально находился - в ту белую комнату, где его руки и ноги скованы цепями.

Даже во сне присутствовала та часть его, которая это знала.

Пробуждение в темноте, в неизвестности. Потом - слабый свет, мягко падающий на него из окошка в потолке, падающий как легкий снег.

Ночь.

Он тихо лежал и прислушивался. Снаружи не доносилось никаких звуков. Ни сигналов патрульных полицейских машин, ни пьяного пения припозднившихся гуляк - ничего.

И вдруг он вспомнил. Запах резины, слабый, почти успокаивающий. Стальной холод наручников. Металлическое позвякивание цепей при каждом движении...

После того как женщины закончили возиться с ним, после того, как все завершилось, они приладили кольца таким образом, чтобы у него была большая свобода движений. Он мог менять положение во время сна. Мог перевернуться при желании на живот или лечь на бок. Можно было даже поднести руки к лицу или согнуть ноги в коленях. Ему стало свободнее двигаться, но он не был свободен.

Что там сказала эта женщина?

«Ты теперь наш. Ты принадлежишь нам».

Он не испытывал ничего, кроме стыда и унижения. Нет, не совсем так. Он ощущал что-то еще. Было еще чувство, притаившееся за другими, смутное и коварно-предательское, - странное возбуждение...

Как только у него появилась эрекция, он тут же кончил - сперма выплеснулась из него фонтаном, залив ему весь живот. Женщины по очереди склонялись над ним, чтобы слизать ее теплыми влажными языками. Они даже поспорили, кому достанется мутноватая капелька на кончике пениса, последнее свидетельство свершившегося оргазма. В какой-то момент он попытался что-то сказать, но одна из женщин закрыла ему рот рукой, на которой был его запах.

- Нет, не говори ничего. Ты только этим все испортишь.

Потом ему нужно было помочиться. На этот раз его не повели в туалет. Наверное, не хотели нарушать настроение. Просто предложили воспользоваться металлическим судном, которое принесли с собой.

Потом они полностью раздели его, тщательно обмыли. Ему казалось, что все происходящее нереально: вокруг были темнота, цинковый тазик, наполненный до краев водой, его обнаженное тело в колеблющемся отсвете свечей. На стене движутся тени, как будто толпящиеся зрители, спешащие на представление.

Женщины вытерли насухо его тело и одели в чистую одежду. Под голову ему подсунули подушку, задули свечи, вышли из комнаты и закрыли за собой дверь.

- Теперь поспи, - были их последние слова.

Опять он проснулся с первым лучом дневного света, лежа на боку, рука под щекой. Рядом на

деревянном полу - две-три капли свечного воска, похожие на упавшие старинные монеты, настолько старинные, что их поверхность почти стерлась за многие годы. Он осмотрел свое тело. На нем были белая футболка и белые трусы. Это была не его одежда. Внезапно он вспомнил события минувшей ночи, и к горлу подкатила тошнота. Он позволил этим женщинам делать с ним все, что они хотели. Подчинился им безоговорочно, без всякого сопротивления. Что же он за мужчина, подумал он, если вот так подчиняется?

Он перевернулся на спину и стал смотреть в окно люка на проплывавшие по небу облака. Существовало еще одно измерение в том пространстве, в котором все произошло. Измерение, которое очень трудно осмыслить, - испытанное им странное возбуждение, ощущаемое помимо воли. Может, женщины как-то показали, что нуждаются в нем? Может, он невольно спровоцировал их? Несет ли он, в самом прямом смысле, ответственность за все это?

Такой взгляд на себя был для него в новинку. Возможно, это всего лишь попытка оправдать то, что он выбрал путь наименьшего сопротивления.

Он так еще и не решил, как относиться ко всему, что произошло, когда дверь открылась и вошла женщина. Она несла тот же цинковый тазик, из которого его обмывали прошлой ночью. По тому, с какой осторожностью она двигалась, стараясь не расплескать воду, он догадался, что тазик полон до краев. Она поставила его на резиновый коврик возле него. Потом, выйдя из комнаты, вернулась с полотенцем, губкой и туалетной сумочкой. Устроившись рядом с ним, вытащила из сумочки одноразовую бритву и флакон пены для бритья без запаха. Встряхнув флакон несколько раз, она выдавила немного пены на ладонь и нанесла ему на лицо и шею. Он обратил внимание на ее пальцы, которые казались обрубками из-за обкусанных ногтей.

Она побрила его по-своему, совсем не так, как он бы сделал это сам. Начала с ложбинки и складок у носа, короткими вертикальными движениями проводя бритвой до верхней губы. Потом теми же короткими движениями прошла по скуле до уха. Покончив с правой стороной лица, она вернулась к верхней губе, а затем проделала то же самое с левой стороной лица, после чего наступила очередь подбородка и шеи. Он заметил, что каждый раз, когда лезвие касалось кожи, она задерживала дыхание, а после, уже откинувшись назад и промывая лезвие, резко выдыхала. Он подумал, что точно так же делают дети, когда увлечены рисованием. Как ни старался, он не мог вспомнить, чтобы его кто-нибудь когда-либо брил. У нее это очень хорошо получалось, и ему даже не пришло в голову, что она может его порезать.

Женщина почти управилась с бритьем, когда у него вдруг схватило живот. Он сказал, что ему срочно нужно в туалет. Она сразу же вышла и вернулась с напарницей. Он молча наблюдал, как вдвоем они совершали уже знакомый ритуал снятия колец и надевания наручников, и опять был поражен быстротой и слаженностью их действий, как будто все это было много раз отрепетировано. Как и первый раз, одна из женщин -самая высокая - осталась ждать снаружи, а другая, с обкусанными ногтями, проводила его внутрь. Она находилась с ним рядом все время и не вышла наружу даже тогда, когда он не только помочился, но и сходил по-большому. В нос ему ударил острый гнилостный запах, так пахнет протухшая дичь. На этот раз капюшон женщины полностью закрывал лицо, она как бы давала понять, что не смотрит в его сторону, проявляя некоторый тае.

Когда он облегчился, она начисто вытерла его, натянула на него трусы и слила воду. Все ее движения были четкими, экономными, обыденными, совсем как прошлой ночью. Подойдя к раковине, она тронула пальцем небольшую трещину, темневшую на керамической поверхности у крана с горячей водой. Казалось, она хотела стереть или снять налипший волос. Сообразив, что это просто трещинка, она недовольно пробормотала что-то, как будто ругая того, кто хотел подшутить над ней, подстроив такой обман зрения.

Пока она мыла руки горячей водой, он с удивлением подумал: как странно, что кто-то моет руки вместо тебя. Отступив назад, он осмотрелся. С потолка свисала голая лампочка фирмы «Филлипс» на 60 ватт, на полу темно-серый линолеум в белую крапинку - как точечный пунтир на экране телевизора, когда все передачи закончены. Слева от туалетного бачка виднелись два больших белесых пятна, похожих на пробелы, оставленные малярами. Чья-то небрежность приободрила его, ему необходимо было знать, что людям свойственно ошибаться, проявлять небрежность.

По возвращении в белую комнату он выждал, когда женщины удалятся, и повернулся на бок, лицом к стене. После вчерашней ночи в комнате все еще пахло свечами, и этот запах внезапно напомнил ему о Бриджит. Когда бы Бриджит ни оказалась в церкви, она всегда ставила свечи - за упокой умерших родственников и во здравие всех живущих, даже двоюродной сестры, Эсперанцы, которую никогда не видела. Бриджит ставила одну свечку за другой, и ее лицо сохраняло при этом такое таинственно-отрешенное выражение, какое бывает у трехлетних детей. «Чтобы свечных дел мастера делали без тебя?» - сказал он ей однажды, когда они стояли у базилики Ассизи, на что она ответила непонимающим взглядом, затем улыбнулась и что-то там сказала про специфическое чувство юмора у англичан. Ей никогда не понять этот юмор, заметила она, проживи хоть сто лет.

А теперь, когда его нет рядом с ней, ставит ли она свечку и за него?

Он представил ее себе такой, какой видел всего восемнадцать часов спустя... Стоящей у окна столовой и смотрящей на улицу. Вспомнил, как до этого она подошла к нему, немного хмурясь, словно что-то ее тревожило. Попросила купить ей сигарет. Он сказал, что она может заработать рак от курения. Она пожала плечами и сказала, что ей все равно. Глупая перепалка. Мелочная и ненужная. Он опять прокрутил в голове всю эту сцену, с самого начала, представив, как все нужно было бы сказать и сделать. В этой новой версии ей не было бы необходимости просить его сбегать за сигаретами, когда она подошла к нему. Просто потому, что пачка сигарет уже лежала бы на столе, там, где она ее оставила, - невольный натюрморт из пепельницы, сигарет и чашки недопитого кофе. Она бы наклонилась, вытянула сигарету из пачки, закурила бы, стоя у его стула и почти касаясь бедром его плеча. Он мысленно видел, как она поддерживает локоть ладонью, как прижимает сигарету к губам, даже когда не затягивается, и как сигаретный дым превращается из сизого в голубой, попадая в столб солнечного света... Докурив сигарету, она тушит ее в пепельнице, и они вместе возвращаются в студию репетировать балет, премьеры которого должна состояться через две недели. Репетиция заканчивается в семь, они принимают душ и переодеваются. Потом едут домой на машине, все как обычно.

Но теперь это только версия того, как все должно быть.

Только игра воображения...

Интересно, что Бриджит делает сейчас. Может, разыскивает его? Как обычно разыскивают людей, которые исчезают без предупреждения, не оставив никаких следов?

Он вспомнил, как возил ее на Крит. Они тогда остановились в деревушке, расположенной на южном побережье, у подножия гор. Каждое утро они садились на взятый напрокат мопед и мчались за несколько километров на заброшенный пляж.

Однажды утром Бриджит плавала, а он улегся с книжкой на плоский камень, чтобы почитать в свое удовольствие. Оторвавшись от книги, он увидел ее вдалеке, у родника со свежей водой, который они случайно обнаружили накануне. Она обмывала свое обнаженное, оливковое тело пресной водой, красная полоска бикини ярким пятном выделялась на камне рядом с ней.

Улыбнувшись, он опять погрузился в чтение. А когда снова поднял глаза от книги, пляж был

пуст. Сначала он не заволновался, подумав, что она опять пошла в воду. Он оглядел залив, яркое утреннее солнце слепило глаза, поверхность воды казалась кусками разорванной фольги. Ее нигде не было видно. Спокойствие начало покидать его, постепенно подкрадывалась паника.

С камня, на котором он сидел, он изучил каждый уголок пляжа, но Бриджит нигде не было.

Он встал, натянул плавки. Ему казалось, что двигается он очень медленно, хотя, будь он проворнее, все равно ничего не изменилось бы. Он почувствовал себя глупо. Может, лучше сесть опять за книжку?

Он пошел вдоль пляжа, а потом перешел на бег, как только осознал, что уже упустил много времени. Могло произойти что-то ужасное. Вдруг он понял: каждая минута на счету.

Он добежал до того места, где последний раз видел ее. Так, внимательно осмотреться: вот отпечаток ее ступни на мокром песке. Всей кожей плеч и головы он ощущал, как сильно палит солнце. Пятнистый, оранжевый с серым пляж изгибался в сторону скалистого мыса. Пустота, царившая на нем, казалась такой естественной... Вокруг было разлито какое-то безразличие, и любые его переживания выглядели здесь неуместной суетливостью.

Вдруг ее изнасиловали, а потом ударили камнем по голове? Вдруг убили? Вдруг она просто пропала?

Бриджит, без которой он не мыслил себе жизни. Бриджит, которую он боготворил.

Он представил, как она нагишом пьет воду из родника. С расстояния в сотню ярдов он не мог различить ее лица, но знал, что только она могла так по-балетному прогнуться в талии, как это делают лишь танцовщицы - линии спины и бедер образуют идеально прямой угол...

Именно так это и бывает, подумал он, когда кто-то пропадает. Пустой пляж. Тишина. Он нес ответственность за Бриджит. Если она действительно пропала, это будет его вина, так же как и ее смерть, если она погибла.

Он нервно сглотнул.

Отходя от родника, он направился к мысу, хотя уже не питал никаких надежд на то, что найдет ее. Бриджит не было уже почти час. Он не мог представить, что случилось, не мог найти никакого разумного объяснения.

Вдруг кто-то окликнул его по имени. Он остановился, поднял голову. Бриджит стояла над ним на скале, все ее тело было мертвенно-серым, даже лицо. На мгновение ему показалось, что это ожил его кошмар - она убита и теперь перед ним ее призрак...

Все объяснилось более чем просто: исследуя мыс, она наткнулась на совершенно особую лечебную грязь, которая очень хорошо действует на кожу...

В тот вечер, когда они сидели на открытой веранде деревенского ресторанчика, попивая охлажденную ретсину [1], он наблюдал, как она поворачивает голову, чтобы выпустить сигаретный дым наружу, между столбиками веранды. Он все еще не мог поверить, что с ней ничего плохого не случилось, что она не погибла и не пропала, как он боялся.

- Что ты? - спросила она.

Он покачал головой. Такова уж была Бриджит - ей и в голову не приходило, что он мог волноваться, разыскивать ее. Он слишком хорошо ее знал, чтобы даже упомянуть об этом, все равно она бы его не поняла. С нее бы стало отнестись к его страхам с высокомерным презрением.

- Ничего, просто так

Оглядываясь назад, можно позволить себе негодовать по поводу того, как некоторые люди живут, замкнувшись в своей скорлупе, не имея понятия, каково приходится вам, в вашей шкуре. Не просто не представляют, а даже не проявляют ни малейшей попытки узнать. Им и в голову это не приходит.

Именно поэтому ему было так трудно представить себе реакцию Бриджит на его исчезновение. Она настолько привыкла быть в центре внимания - что произойдет, если это изменится? Каждый раз, когда он пытался представить, что она делает в данный момент, воображение подсказывало только самые простые вещи, обыденные, привычные дела: вот она бросает в аквариум корм рыбкам; вот принимает горячую ванну, слушая записи Боба Дилана (песни которого она обожала, а он дразнил ее этим); вот сидит на иолу в углу студии, вытянув ноги -разминаясь, наклоняясь головой к коленям. Другими словами, она вела обычный, нормальный образ жизни. Жила так, как если бы он был там, с ней. Была ли хоть крупица правды в этих видениях, которые преследовали его (не то чтобы его отсутствие совсем не повлияло на нее, но продолжает ли она жить так же, как жила, несмотря на его отсутствие)? А может, эти видения только доказывают бедность его воображения?

Еще одно воспоминание пришло к нему. Это случилось много лет тому назад, когда они только познакомились. Однажды после репетиции он пошел за своей машиной, которую припарковал за несколько кварталов. Подъехал к дверям и ждал ее с включенным мотором. Наконец дверца машины распахнулась и Бриджит села рядом, обдав его запахом мыла «Шанель», которым тогда пользовалась; ее волосы были еще мокрыми.

- Почему ты так на меня смотришь? - спросила она.

А у него словно язык отнялся, он буквально был заморожен ее красотой и мог только смотреть на нее.

Даже тогда - возможно, особенно тогда - она почувствовала всю тяжесть его любви к ней, давление этой любви, которая иногда утомляла ее. Это не значило, что она не любила его. Но его любовь предвосхищала ее чувство. Он полюбил мгновенно, неукротимо и одержимо, в то время как ее чувство росло медленно, как бы в ответ на его любовь.

Но если это все еще было так, если его любовь временами давила на нее, то сейчас, когда эта тяжесть бесследно исчезла, может, она испытывает (на каком-то глубинном уровне) некоторое чувство облегчения?

А может, ощущает себя сорвавшейся с якоря лодкой? Потерянной и беспомощной?

На второй день женщины появились ближе к заходу солнца. Одеты они были так же, как и прежде - одинаково, во все черное. Они напомнили ему двери во тьму. Ни одна из таких дверей не ведет на волю.

- У нас есть просьба.

Это сказала самая высокая, с американским акцентом. В ее голосе чувствовалась некоторая пронзительная резкость, как будто она привыкла раздавать указания. Он ничего не ответил, ожидая продолжения.

- Мы хотим, чтобы ты мастурбировал для нас.

Он отвернулся. В течение дня, пока он был один, он размышлял об опасностях «сотрудничества». Одной из них была опасность того, что женщин невозможно будет удовлетворить, что они станут все больше требовать от него. Их просьба, как они это

назвали, только подтверждала его опасения.

Теперь они наперебой говорили с ним, их голоса звучали настойчиво и искушающе, совсем так же, как и тогда, в темной аллее.

- Мы хотим видеть выражение твоего лица... -Как оно меняется...

- Как будто ты потерялся в себе. Так бывает во время твоего танца...

Он отрицательно покачал головой и повернулся на бок. Потоки вечернего солнца падали сквозь стекло люка в потолке, образуя яркий прямоугольник на досках пола. Прямоугольник был немного шире с одной стороны. Казалось, что в комнату внесли ярко-оранжевый гроб.

Женщины продолжали уговаривать его. Хотя он не хотел слушать, но было невозможно отгородиться от их голосов.

- Все, что от тебя требуется, - это мастурбировать...

- Не так уж много мы просим.

Одна из них подошла настолько близко, что закрыла все видимое ему пространство своим черным плащом. На мгновение ему показалось, что он теряет сознание.

- Ты помнишь, что случилось вчера ночью?

Ему был уже знаком этот голос, он принадлежал женщине с ногтями, покрытыми темным лаком. Очевидно, старшей среди них. До него дошло, что он уже начал отличать женщин одну от другой. Может, следует как-то обозначить их личности, дать им имена?

Она опять повторила свой вопрос:

- Ты помнишь, что случилось вчера?

- Конечно, я помню, - ответил он.

- Мы засняли все это на видео.

Он в изумлении уставился на нее, не веря своим ушам. Она отвернулась, отошла на несколько шагов.

- Конечно, это только для нашего личного пользования. Нашего собственного... - последовала короткая заминка, -удовольствия.

Женщина прислонилась к белым трубам, которые шли из пола в потолок.

- Однако, - продолжала она, - мы всегда можем сделать копию. И послать ее твоей подружке, например. У тебя ведь есть подружка? Или отправить копию твоим шефам...

- Зачем вы делаете все это? - пробормотал он. Женщина слева опустилась на колени рядом с ним.

- Потому что ты красив, - произнесла она странным тихим голосом. - Потому что... - она заколебалась, склонила голову, - мы любим тебя.

Женщина, стоявшая за ее спиной, засмеялась.

- Ну? - спросила та, которую он считал старшей. - Что ты решил?

Он инстинктивно понял, что она не блефует. Хотя он и не заметил никакого кинооборудования, в такой комнате вполне могла быть установлена скрытая камера. Это очень даже сочеталось с наручниками, резиновым ковриком и прочими штучками. Если не подчиниться их требованиям, они вполне могут отправить кассету по почте. Он даже не осмелился представить себе, каким будет лицо Бриджит, когда она ее получит.

- Ладно, - сказал он тихо.

- Ты сделаешь это? - Да.

Старшая опять приблизилась к нему, пальцы ее рук были сплетены почти в молитвенном жесте. Казалось, под черным капюшоном затаилась довольная улыбка. Его взгляд упал на пол за ее спиной. Форма ярко-оранжевого пятна изменилась, и оно передвинулось ближе к двери и больше не напоминало форму гроба. А если это хороший знак?...

- Может, мы сумеем как-то помочь тебе, - сказала женщина, - ну, чтобы тебе было легче...

Он с удивлением взглянул на нее, не понимая, что она имеет в виду.

- Иногда мужчинам нужен какой-нибудь стимул, - добавила она, - порнография, например - она помолчала. - А знаешь... - он был уверен, что она все еще улыбается. - Многие мужчины дорого заплатили бы, чтобы оказаться на твоём месте.

- Если бы мне довелось платить, то это был бы мой выбор.

- Но ты все равно сделаешь это, не так ли?

Той ночью он проснулся оттого, что не мог пошевелиться. Что-то навалилось на него, придавило к полу - теплое и живое... Через мгновение он понял, что это одна из женщин.

Она лежала рядом, ее голова покоилась на его груди. Он мог разглядеть густые, курчавые волосы, изгиб плеча, освещенного легким серебристым светом, падающим из крошечного окошка в потолке.

Похоже, она была обнаженной.

Наверное, надо что-нибудь сказать? А хотя - что? Внезапно ему захотелось расхохотаться.

Всего лишь несколько часов тому назад женщины устроили для него целое представление. Двое из них уселись на изогнутые пластиковые стулья, а третья встала напротив него и медленно, дразнящим движением расстегнула свой плащ, под которым не было ничего, кроме огненно-красного нижнего белья. Его сразу же поразил резкий контраст между формой ее тела и телами танцовщиц, к которым он привык. Ее тело было мягче и нечетко очерченным. На его профессионально натренированный взгляд, оно было как бы размыто, бесформенно, и на долю секунды он увидел на ее фоне другое тело - стройную подтянутую фигуру балерины, делающую утреннюю разминку... Женщина завела руки назад и, расстегнув лифчик, отбросила его в сторону. Хотя фигура у нее была стройной, грудь оказалась непропорционально тяжелой. Она спустила трусики, и стало видно, что этой зимой она, должно быть, загорала, так как под ними сразу обнаружилась полоска незагоревшего тела. Высоко на левом бедре у нее был круглый маленький шрам размером с мелкую монету. Он попытался мастурбировать, как его просили, но вскоре понял, что не может добиться даже эрекции.

Одна из женщин решила, что он недостаточно старается.

- Я делаю все, что могу, - возмутился он, - но все равно, невозможно «стараться». Так ничего не получится.

Женщина, которая только что разделась перед ним, неловко нагнулась и быстро подобрала свою одежду. Затем, зябко закутавшись в свой черный плащ, повернулась к двери. Странно, но ему захотелось извиниться перед ней.

Другие женщины встали со стульев.

- Пожалуйста, не посылайте видео, - попросил он.

Они вышли из комнаты, не проронив ни слова, не посмотрев в его сторону, и он почувствовал, что зря унижал себя просьбами.

И вот теперь одна из них вернулась...

Как только его глаза привыкли к темноте, он смог различить бледный овал ее бедра и плавные линии ступней, одна на другой.

Он ощущал ее легкое дыхание на своей коже, как будто поглаживание перышком.

- Не беспокойся, - услышал он, - это только сон.

- Но я не сплю, - ответил он.

- Сон... - пробормотала она, - всего лишь сон.

В конце концов он сделал то, что они хотели. Все-таки ему это удалось, хотя и пришлось вызвать в памяти эротические воспоминания о Бриджит. В какой-то момент он приоткрыл глаза и увидел, что одна из женщин поглаживает себя, бесстыдно, извращенно повторяя его собственные движения. Как будто он смотрел в кривое зеркало. В то же время невидимая связь между ним и этой женщиной была такой интимной, что у него создалось впечатление, будто он вовлечен в странную форму измены.

В тот раз они оставили его в покое до конца дня, но он знал, что это только естественная передышка. В них проглядывала жадная ненасытность. Конечно, последуют другие требования, и вряд ли они будут легче. Он это знал точно, хотя и представить себе не мог, что они могут изобрести. Невозможно заглянуть в их мысли и предвидеть направление их фантазий.

Его единственным утешением, если это можно так назвать, было то, что теперь он мог отличать женщин одну от другой. Даже на физическом уровне они начали терять свою таинственность. Например, однажды, когда старшая из них повернулась к другим, он заметил выглядывавший из-под капюшона острый кончик носа. Немного, но все-таки что-то. К этому можно было уже добавить чувствительную кожу, темный лак на ногтях, хрипловатый прокуренный голос. Ему казалось, что их плащи и капюшоны становятся понемногу прозрачнее. Как будто их маскировка неизбежно обречена на раскрытие.

Конечно, самое главное оставалось еще тайной. Что объединяет этих женщин? Как они сошлись вместе? Вопросы порождали еще больше вопросов. Что они делают вне этой комнаты? На что живут? Кто их друзья? Как долго они уже вместе? Может, они подруги детства? Если так, то где они росли? Связаны ли каким-нибудь родством?

«Не так быстро, - сказал он себе, - притормози».

Похоже, женщины образовали некий союз, своего рода организацию, но не следует забывать, что каждая в отдельности является личностью. Две из них обладают решительным и бескомпромиссным характером, поэтому с ними будет труднее сладить. Но есть еще третья - более мягкая и не очень разговорчивая. Это она украдкой пробралась в комнату ночью и пристроилась рядом, положив голову ему на грудь - просто чтобы побыть с ним. Возможно,

думал он, - хотя не стоит обольщаться, - ему удалось нащупать слабое звено в этой структуре, знать бы только как, и вообще удастся ли воспользоваться этим. Первым делом необходимо сосредоточиться на том, чтобы составить как можно более четкое представление о каждой из трех женщин. Надо проникнуть за преграду из плащей и капюшонов. Превратить их в живых, реальных людей.

Гнев не выбираешь. Нет, гнев сам выбирает тебя. С того момента, как прекратилось действие наркоза, в который его погрузили, спокойствие ему почти не изменяло. При данных обстоятельствах это спокойствие было необычным, если не сказать противоестественным. Возможно, это был шок. Или невозможность поверить в происходящее. А может, на глубинном уровне его сознание анализировало ситуацию. Искало стратегию поведения. Может быть, единственное, что ему было ясно, - в нем начали происходить изменения. Что-то накапливалось.

Однажды вечером одна из женщин зашла в комнату, держа зажженную свечу и стакан воды. Он узнал ее по неуверенным шагам - это была женщина с обкусанными ногтями. Она поставила свечу на пол, у его изголовья, затем, пыхтя, опустилась рядом на коврик.

- Как долго вы собираетесь меня здесь держать? Впервые он задал вопрос - и услышал, как дрожит его голос. Что-то вроде нервного напряжения, чему он сам удивился.

Женщина не ответила. Просто поднесла стакан с водой к его губам. Ее тень на задней стене причудливо колебалась.

Лежа ничком, он приподнял голову и, сделав глоток, взглянул на нее.

- Я спросил, долго ли вы намерены держать меня здесь? Опять ответа не последовало.

Когда она снова поднесла стакан к его губам, он резко отвернулся. Она притворялась невозмутимой, как служанка, но делала это таким образом, что было件нятно, на чьей стороне превосходство. В ее манере было что-то такое приторно-правильное, почти набожное, что ему стало противно.

Он прикрикнул на нее:

- Я задал тебе вопрос. Спросил, сколько вы будете меня здесь держать. Что с тобой? Ты глухая?

Похоже, его ярость наконец-то нашла отклик: его прижали лицом к полу, все тело оказалось распластано в форме буквы Х. Каждый раз, когда он начинал кричать, ему приходилось приподнимать голову с коврика, сильно напрягая мышцы шеи. А если он хотел посмотреть в сторону женщины, нужно было еще поворачивать голову, чтобы взглянуть через плечо. Она спокойно сидела в той же позе, глядя на пламя свечи отсутствующим взглядом и все еще держала в руке стакан, хотя он был уже пуст. Даже что-то тихо начала бормотать, как бы напевая. В этом мычании не было никакой мелодии - во всяком случае, он не мог различить ничего, кроме череды невыразительных звуков, казалось, бесконечных. Все это только разъярило его. Он грязно выругался, стараясь подобрать самые грубые слова, какие знал.

Наконец она взяла свечу и поднялась. Ему показалось, что она украдкой взглянула на него. Затем повернулась и пошла в дальний темный угол комнаты. Он слышал, как она задула свечу и как за ней закрылась дверь.

Оставшись один в темноте, он продолжал кричать. И кричал до тех пор, пока не начало саднить горло, пока не ощутил во рту привкус крови.

Никто не появился.

Женщина, на которую он накричал, была той, которая приходила к нему прошлой ночью и тихо лежала около него.

«Не беспокойся. Это только сон».

Хотя для кого?

Только не для него.

У времени, которое было отпущено ему, имелся свой предел. Карьера мужчины-танцовщика не длится долго - все эти поддержки на сцене, ... Человеческое тело может выдержать определенную долю нагрузок, а уж его карьера будет короче, чем у других. Травмы начали преследовать его с двадцати четырех лет. У него от рождения была очень прямая спина. Ее мышцы не отличались гибкостью, а это значило, что при прыжках нагрузка на позвоночник была очень большой. Часто после спектакля он ощущал такое сильное напряжение в спине, что с трудом мог зашнуровать ботинки.

Порой на сцене он чувствовал приближение боли в травмированной спине. Это было похоже на то, как сгущаются тучи, как будто наблюдаешь перемену погоды. И он ничего не мог с этим поделать. Совсем ничего. Просто научился использовать весь свой опыт, чтобы отработать спектакль до конца. После спектакля Бриджит подходила к нему. «Сегодня опять болела спина?» - Физиотерапевт пытался убедить его отдохнуть несколько недель, но ему всегда было некогда. Отдых был для него пыткой. Он ведь танцовщик, а танцовщик живет на сцене. Здесь нет другого выбора.

Через три месяца ему исполнится тридцать лет, и он знает, что это значит - стремительный закат карьеры. Конечно, есть еще возможность заниматься хореографией - ему повезло, что у него к этому обнаружился талант. Но танец был его первой и единственной любовью, настоящей страстью. И вот он заперт в комнате, находящейся неизвестно где, без какой-либо возможности двигаться...

У него украли последние мгновения, остававшиеся ему для танца.

Уже несколько часов было темно, когда открылась дверь и кто-то зажег все лампочки. Он зажмурился от неожиданно резкого, яркого света, быстро заморгал, пытаясь привыкнуть к нему. Нет, незачем смотреть по сторонам, он устал от всего этого. Взгляд его опустился на тыльную сторону правой ладони, на то место, куда вонзилась игла. Там темнело вокруг вены небольшое пятно желтовато-лилового цвета, оно еще немного побаливало.

Позади послышались шаги, отдававшиеся в досках пола. Он чувствовал себя нестерпимо беззащитным, лежа ничком на животе, и с трудом сдержал желание - возникшее внезапно, на уровне инстинкта - взглянуть через плечо. Наконец в поле зрения, медленно сужая его, попала приближающаяся женщина. На ней были короткие кожаные шорты, кружевной атласный лифчик и высокие узкие черные сапоги, вместо привычного капюшона лицо прикрывала резиновая маска, обтягивающая всю голову целиком - только щели для глаз и рта. Маска была черного цвета с матово-серым оттенком, что придавало неестественный ярко-красный цвет губам. От женщины пахло дорогими духами и алкоголем, с ощутимой примесью никотина.

- Хорошо проводишь вечер? - его сарказм был приглушен вынужденным шепотом - после крика еще саднило горло.

- Ты тут шумел, - сказала женщина.

Это была та самая, которая насмеялась над ним. «Мы хотим, чтобы ты мастурбировал для нас. Не так уж много мы просим». И это она сняла с себя одежду, соблазняя его. У нее было

тело, типичное для реклам в бульварных газетенках и порнографических журналов: молодое, подтянутое, с большой грудью. Сейчас ему не хотелось смотреть на нее.

- Ты тут кричал. - В ее голосе звучала жесткость.

Он повернул голову так, чтобы правая щека лежала на подушке, а взгляд был направлен вровень с полом. Тем не менее он заметил что-то в ее левой руке. Что-то вроде жгута плеток с пряжками на концах. Он нервно сглотнул.

- Ты огорчил мою подругу, - сказала женщина.

Она пересекла комнату по диагонали, пока снова не оказалась в поле его зрения. Вернее, перед его глазами был носок ее сапога - начищенная до блеска качественная кожа, а также острый высокий каблук.

Ее голос посуровел:

- Ты огорчил мою подругу.

- Я просто задал вопрос, - сказал он. - А она не захотела отвечать.

- И поэтому ты начал вопить...

Вдруг терпение его кончилось. С самого начала у него было такое чувство, что, встретив он эту женщину при обычных жизненных обстоятельствах, на равных, она бы ему не понравилась. Эта ее резкость, спесь, манера унижать...

- Да, я начал кричать, ну и что? - огрызнулся он.

Она отступила назад, оперлась о стену, заложив руки за спину. Казалось, она изучает его.

У нее были тонкие руки, тяжелая грудь - что еще он видел тогда? Бледная полоска незагорелой кожи по линии бикини, вспомнил он, и маленький шрам в форме монеты на левом бедре. Во всем остальном ее тело было безупречно, тело, о котором могут мечтать некоторые мужчины. Он решил, что она на год или два моложе его. Ей лет двадцать семь - двадцать восемь.

Пока он мысленно представлял ее, она отошла от стены и прошла мимо него к двери. Уходит, что ли? Послышалось какое-то слабое металлическое звяканье. Прежде чем он успел посмотреть через плечо, она появилась справа от него. Интересно, что это она держит в руке? Теперь он понял. Спереди к ее кожаным шортам был пристегнут искусственный член, с удивительной точностью воспроизводящий все натуральное мужское хозяйство в деталях - мошонку с выпуклыми венами и прочим...

- Знаешь, мне всегда хотелось попробовать, каково это, - медленно произнесла женщина.

Она откинулась назад, потом подалась всем телом к нему, потом снова изогнулась назад... В ее движениях сквозило жуткое бесстыдство.

- Приятные ощущения, - сказала она. И улыбнулась одними губами, в глазах застыл холод.

Его голова покоилась на подушке, во рту он ощущал ужасную горечь. Как хотелось забыться сном!

- Наше терпение не безгранично, - продолжала она, - мы, конечно, входим в твое положение, но до определенного предела... как бы это сказать - пока ты не вынуждаешь нас тебя наказывать.

- Я не буду больше кричать. - пробормотал он, - я обещаю.

- А, теперь ты запел по-другому. Но ты уже опоздал со своими обещаниями, понятно? Как собака, завидевшая палку.

Он почувствовал холодный комок страха в желудке, в районе солнечного сплетения, тяжелым камнем он давил на него изнутри.

- Я же сказал, что больше этого не повторится. - он пытался подобрать слова. - Мне очень жаль, что твоя подруга огорчилась, я не думал, что она такая чувствительная.

Женщина присела перед ним на корточки и вытащила из кармана маленькую бутылочку. Это оказалось оливковое масло, сделанное в Италии. На ярлыке стояло: Extra Virgin.

- Очень мило, ты не находишь? - сказала она.

Он непонимающе смотрел на нее.

- Тебе так будет приятнее, - ухмыльнулась она, - конечно, я полагаю это у тебя в первый раз.

Комок страха медленно перекатился из желудка вниз живота. Он резко дернул за кольца наручников, но только содрал кожу на запястьях.

- Не так уж это ужасно. Ты, может, даже получишь удовольствие.

Она вытащила подушку у него из-под головы и, свернув ее пополам, подсунула ему под живот, так чтобы приподнять ягодицы. Он смотрел на кирпичную стену справа. Вдруг фокус его зрения поменялся - он увидел свое отражение в металлическом кольце на правой руке. Вернее, всего лишь правый глаз, который был похож на глаз, принадлежащий кому угодно, но только не ему.

Женщина расположилась сзади, между его ног.

- Мне всегда хотелось попробовать это, - прошептала она. Он закричал, как только почувствовал, что искусственный член входит в него.

- Если хочешь, можешь сопротивляться, - снова прошептала женщина.

Она обхватила его бедра обеими руками и вошла в него еще глубже. В узкой полоске металла на его руке отражался жалкий глаз незнакомого ему человека.

- Ты ведь знаешь, кто ты есть, правда? - спросила она. - Ты - пизда.

Она выпрямилась, расстегнула лифчик, отбросила его на резиновый коврик и снова склонилась к нему - он чувствовал ее дыхание на шее, от нее пахло сигаретами, духами и алкоголем.

Соски ее груди ритмично касались его спины в такт ее движению.

- Пизда, - шептала она ему в ухо.

И повторяла это снова и снова в ритме движений... После, уже когда она ослабила кольца на его руках и он смог повернуться на бок, она опять заговорила с ним:

- Тот вопрос, который ты задавал... В общем, ответ на него -нет. Мы с тобой еще не закончили. Отнюдь нет, - она помолчала. - Я правильно выразилась? - Скорее не кончили. Хм... Как-то странно звучит.

Тем же вечером, когда дверь снова открылась, он невольно напрягся. Он уже выучил эту последовательность звуков - скрип поворачиваемой дверной ручки, щелчок замка, скрип петель... Для него это значило, что опять что-то будет происходить - что-то, чего невозможно ни избежать, ни предвидеть. Он лежал без движения, с ощущением жжения в чреслах, весь мокрый. Сквозь слегка прикрытые веки он наблюдал, как одна из женщин приглушила свет. Он вздохнул с облегчением, так как на протяжении многих часов нестерпимо яркое освещение, казалось, проникало через закрытые веки внутрь головы, мучая его. Никуда не возможно было спрятаться, даже внутрь себя.

Он видел, как две женщины направляются к нему, в руках у них был таз с горячей водой и стойка белых мягких полотенец. Они опустили на колени по обе стороны от него. Из таза поднимался пар. Одна из женщин намочила и отжала полотенце... Потекла прозрачная струйка воды...

Он дернулся, как только они прикоснулись к нему, и одна из них пробормотала что-то по-голландски - очевидно, пытаясь приободрить и успокоить его. Его смутила эта неожиданная забота. Опять он подумал о том, что среди женщин нет согласия, что действия одной из них могут вызвать неодобрение других, что между ними существуют разногласия, которые он еще не научился обращать в свою пользу.

По сути, после сегодняшнего унижения он ни на что не чувствовал себя способным. Им овладела апатия. Ему слишком хорошо запомнилось испытанное им ощущение - не столько насилия, сколько ощущение случившего с ним оргазма. Оргазма, в котором он не принимал участия, к которому он не стремился, автономная реакция его тела. Это было как присутствие на уроке, во время которого ему объяснили значение слова «беспомощность».

«Ты, может, даже получишь удовольствие».

Какой же циничной была эта женщина! Какой порочной! Он бы никогда не назвал это удовольствием, хотя и осознавал, что имела место определенная физическая реакция в виде пульсации, прошедшей вдоль его пениса, пульсации, которую он почему-то визуально представил себе в виде колец. Это был ненормальный оргазм, потому что он был спровоцирован изнутри, и в какой-то момент он испытал любопытное, хотя и неприятное ощущение задержки: как будто он эякулировал, и в то же время сто сперма находилась внутри, еще не выплеснувшись. Именно в тот момент женщина что-то прошептала ему на ухо, он не помнил, что это было, но, несомненно, какая-нибудь очередная насмешка.

Он разглядывал женщин по обеим сторонам от него - одна с блестящими, слегка опухшими суставами пальцев, другая с темным лаком на ногтях, которые казались черными. Хотя они обмывали его с обычной тщательностью и смирением, он уловил некоторую надломленность, настороженность, даже обиду. Он нарушил правила. Был агрессивен. Понимая, что лучше не провоцировать их, он лежал неподвижно, с закрытыми глазами, притворяясь спящим. Он пытался дать телу отдых от напряжения. Пытался ни о чем не думать...

Наконец женщины покинули его. Он дождался, пока они выключат свет и закроют за собой дверь, и только тогда открыл глаза. И вдруг увидел комнату по-другому - искусственное пространство, декорация, что-то вроде сцены. Для него это было знакомой обстановкой с единственным отличием - он не имел здесь права голоса. Оставалось представить себе, что ему предложили исполнить роль в спектакле, который неизвестно когда закончится. Если он хочет выжить, ему необходимо воспринимать ситуацию как проверку характера, выдержки.

Несомненно, это будет самым трудным испытанием в его жизни.

Он проснулся среди ночи, вверху по стеклу люка барабанил дождь. Он знает имена женщин! Непонятным образом это знание пришло к нему. Он даже не задумывался над выбором имен. Они просто были. Готовые к употреблению.

Первое - Астрид. Так зовут самую высокую из женщин, ту, с американским акцентом и телом фотомодели. С самого начала он почувствовал в ней недоброжелательность. Именно от нее исходила опасность. И это подтвердилось. К тому же, когда она разделась перед ним, а он не смог должным образом отреагировать на нее, это ее оскорбило и усилило враждебность по отношению к нему. Враждебность, которую она полностью выплеснула на него той ночью, когда физически унизила его. Заявив, что наказывает его, она проявила такую свирепость, которая не соответствовала обиде, якобы нанесенной ее подруге. Имя Астрид подходит ей. Оно красиво, как и сама она, но в то же время от него несет холодом и бессердечием. Оно почти означает НЕСЧАСТЬЕ.

Следующее имя - Гертруд. Это имя может означать силу и лидерство, оно идеально подходит для женщины с белыми руками и ногтями, покрашенными темным лаком. Она в первый же день установила правила поведения. Она говорила больше всех и носила такие туфли, которые носят женщины-полицейские. Не исключено, что именно она разработала план его похищения; у нее есть все необходимые качества лидера - четкость, авторитарность, отвага. Кажется, что она несколько старше остальных, хотя это только догадка, основанная на тембре ее голоса и на манере двигаться по комнате. Так это или нет, но он готов поспорить, что именно она принимает все основные решения.

Третье, и последнее имя - Мод. С одной стороны, в нем есть что-то уютное, зависимое; в другой - что-то тяжелое, неуклюжее, какая-то косность. Оно для этой женщины с обгрызенными ногтями как невод, накапливающий всякий уродующий ее хлам. В конце концов, это она выполняет здесь всю черную работу. Она кормит, моет, бреет его, водит в туалет. Она покладиста и ни на что не жалуется. В ней чувствуется еще и некоторая наивность, которая не противоречит имени Мод. Она редко открывает рот, а если что-нибудь говорит, то остальные считают ее слова забавными. «Потому что мы любим тебя. Потому что ты красив». А однажды он проснулся и обнаружил ее - это могла быть только она - лежащей рядом с ним в темноте, она прижималась к нему, ища близости и утешения...

Дождь все еще шел, покрывая стекло люка серебряными брызгами.

Гертруд, Астрид, Мод...

Имена оказались очень подходящими, подразумевающими иерархию, секретный заговор, в котором каждой женщине отводилась определенная роль. В то же время каждое из имен заканчивалось на букву «д» - как будто их скрепляла общая основа. Это звено, объединяющее имена, к тому же являлось намеком на какое-то сложное переплетение отношений между самими женщинами, суть которых ему пока не удавалось разгадать. Лежа в этом их тайнике, он вдруг подумал: неприкрытая враждебность к нему Астрид, почти мазохистская угнетенность Мод... А Гертруд?... Можно предположить, что все три женщины в чем-то ущербны. Каждая по-своему. Может, эта ущербность свела их вместе?

Сейчас его сердце громко колотилось. Он повернул лицо к кольцу, держащему его правую кисть, и подмигнул сам себе правым глазом, который отразился в узкой полоске стали.

Еще долго он не мог уснуть.

Они пришли рано утром, когда в комнате было темно из-за низких туч, а окошко люка у него над головой дрожало от раскатов грома. Они вошли и встали прямо перед ним, все трое, в своих обычных плащах с капюшонами. Он ухмыльнулся помимо воли - они и не подозревали о том, что он дал им имена. Он открыл для себя новый вид силы - несомненно скромный, не идущий в сравнение с их властью, но тем не менее представляющий для него определенную ценность. Из-за того, что они ничего об этом не знали, женщины казались не такими уж и опасными.

- Ты хорошо себя сегодня чувствуешь? - спросила Астрид. Он продолжал улыбаться, не

отвечая.

Вперед вышла Гертруд, сказала, что у них есть к нему предложение. Если он согласится, то его наградят. Он взглянул на нее, представляя ее вздернутый нос, чувствительную кожу. Что еще за награду они придумали? Свобода? Это вряд ли. Но он все равно не в том положении, в котором можно торговаться.

- Что за предложение? - спросил он.

Она объяснила, что завтра ночью предстоит банкет, и они решили, что он должен принять в нем участие. Более того, все действие будет происходить вокруг него - в буквальном смысле. Вместо того чтобы расставить блюда на столе, они разложат все угощения на его обнаженном теле. Гости рассядутся вокруг него на подушках. Чудесная идея, не правда ли? Просто дар вдохновения.

Прежде чем он смог как-то отреагировать на ее слова, Гертруд сообщила, что во все время обеда его лицо будет скрыто под колпаком. Ясно, что он не должен видеть гостей - это одна причина, а еще - его инкогнито будет сохранено. Гости просто увидят перед собой красивого мужчину - прекрасного незнакомца.

Мод что-то пробормотала, но Гертруд проигнорировала ее. Его ноги останутся прикованными, продолжала она, но руки будут свободны. Однако он не должен ни приподниматься, ни говорить, по крайней мере без особой необходимости. Конечно же, он должен молчать, иначе все испортит.

- Если ты вдруг заговоришь, то будут иметь место последствия.

Ему не захотелось уточнять, какие последствия могут возникнуть.

- А награда? - спросил он.

- Об этом поговорим после... - Гертруд помедлила. - Мы можем положиться на тебя?

Он медленно кивнул.

- Правда? - переспросила она. - Мы ожидаем в гости очень важных для нас людей.

- А что, у меня есть выбор? - хмыкнул он.

В ту ночь ему приснилось, что Мило, танцор их труппы, умер. Во сне он ехал на автобусе по какой-то незнакомой местности. Наверное, он был на гастролях. Позади него сидели Вивьен и Кармела и обсуждали, как это печально, что Мило умер. Он повернулся к ним и сказал, что ничего не слышал о его смерти, неужели это правда?

- О да, - сказала Вивьен, ее ресницы были мокрыми от слез. У него просто остановилось сердце.

- Но я видел его только в эту пятницу...

- Это случилось так неожиданно, - сказала Вивьен. Она обняла Кармел, которая начала рыдать.

Он откинулся на спинку сиденья и стал смотреть в окно. Автобус сбавил скорость. Сейчас они ехали в горах, вокруг были роскошные зеленые холмы, затянутые туманной дымкой... Перед его глазами всплыл Мило - с болезненно бледным лицом, с подтянутой, мускулистой фигурой. Он вспомнил, как Мило изображал боли в желудке во время утренних репетиций - в труппе его прозвали Милодрама, - и все равно, несмотря на свою немочь (мнимую или

реальную), несмотря на маленький рост, Мило мог делать прыжки выше, чем кто-либо другой, он мог заставить пространство расколоться... Ему вспомнилось, как однажды в ресторане Буэнос-Айреса Мило выпил три бокала шампанского, а потом блестяще станцевал с Фернандой танго-экспромт. Когда танец закончился, все посетители ресторана встали и устроили им бурю оваций. Малыш Мило мертв...

Проснувшись, он лежал тихо, объятый мучительной тревогой, хотя и понимал, что это всего лишь сон. Тем не менее его не оставляло ощущение, что сон этот вещий, предсказывавший жуткую реальность в будущем и одновременно странным образом уже казавшийся реальностью или даже воспоминанием. От этого ощущения он еще острее осознал, что у него отняли. Большинство людей не имеют представления о внутреннем мире танцовщика - насколько он хрупок, интимен и целен; это мир внутри мира, там есть все, что нужно - работа, дружба, страсть, смех, любовь. Это был мир, в котором он жил с четырнадцатью лет, а теперь его вырвали из него и этот мир продолжает существовать без его участия. Ему ничего не известно о том, что там происходит, он погружен в одиночество, жуткое одиночество. Сон выявил это ощущение яснее, чем любые слова и действия трех женщин. Он пытался снова и снова прокрутить свое сновидение в голове, стараясь вспомнить все детали того путешествия, все слова из разговора, пока дверная ручка не повернулась и в комнату не вошла женщина, которую он назвал Мод.

Она опустилась на колени рядом с ним. - Тебе плохо?

- Я видел плохой сон, - ответил он

- Ты можешь мне рассказать, если хочешь... Он отрицательно покачал головой: -Нет.

- Ну, - сказала она, - мне очень жаль, что ты видел плохой сон.

Может, из-за ее несовершенного английского или из-за того, что она пыталась проявить сочувствие к нему, в этот момент он четко представил себе, как она выглядит. У нее круглое, с кулачок, лицо - о таком говорят: одни щеки. Лоб и подбородок совсем незаметны. Когда ей что-то кажется забавным, она щурится, как кошка, и поджимает губы. Наверное, она долго не состарится, может, не состарится совсем.

Он позволил ей почистить себе зубы, умыться себя, отвести в туалет. Вид клейма «Сфинкс» вызвал у него привычную усмешку. Когда они вернулись в комнату, она принесла ему завтрак. Ему начали давать на завтрак еду, к которой он привык: например, кукурузные хлопья и фрукты, а потом две или три чашки травяного чая.

Почти сразу же после еды началась подготовка к банкету. Пока шли приготовления, он лежал с завязанными глазами, прислушиваясь к разговору женщин, который они вели на голландском языке. То и дело они окликали его, как будто хотели разделить с ним свое приподнятое настроение, но он никак не мог выйти из тоскливого забытья, в которое впал после сегодняшнего сна.

Когда через час с его глаз сняли повязку, он обнаружил, что находится внутри какой-то конструкции, напоминающей тент, которая была сооружена из роскошных пурпурных, фиолетовых и золотистых тканей и уставлена тропическими растениями. Пол был застелен шелком ручной работы с разбросанными на нем кожаными подушками, отделанными бархатом, стеклярусом и замшей. Как будто он перенесся во владения берберов высоко в Атласских горах.

- Ну? - спросила Гертруд. - Как тебе все это?

Он не ожидал увидеть такой тщательно продуманной роскоши и сказал ей об этом, что явно ей понравилось.

День тянулся медленно. У него было странное ощущение, что его вовлекли в какую-то дикую забаву, что устраивают они ее все вчетвером... Вечером его отвели в туалет. И предупредили, что это его последнее посещение туалета до конца банкета. Они не могут позволить себе никаких сбоев, вечер должен пройти без сучка и задоринки.

По возвращении в комнату женщины накрыли резиновый коврик золотистой тканью, потом велели ему лечь на спину с вытянутыми по бокам руками и выпрямленными ногами - по стойке «смирно», только лежа. Через длинный узкий проем, оставленный между покрытием тента и полом, они начали расставлять на его теле разные яства. Между щиколоток положили сердцевинки артишоков, сверху добавив маслины и оливки, а маринованные огурчики и лук разместили вдоль его икр, а далее выложили морковь, сельдерей, парниковые помидоры и зеленую стручковую фасоль. Колени послужили подставкой для ризотто из аспарагуса и креветок. Бедро были устланы салатными листьями с салатом из зелени с водяным крессом, вечерницей и цикорием. Все это уже было приправлено слабым раствором уксуса. Мошонку обложили кусочками жареных баклажанов и красного перца, украшенных белыми кружками репчатого лука и полукружьями дикого чеснока. Мягкие волосы лобка украшали морские деликатесы - тут были устрицы, креветки, моллюски, морские гребешки - все свежайшее, куплено только этим утром (так ему сообщили). На животе у него располагался запеченный целиком лосось, приправленный лимоном и петрушкой. В области солнечного сплетения разместились разнообразные соусы и приправы: горчица, хрен, майонез с чесноком, голландский соус к рыбе. Грудь украсили кружочками холодного мяса - салями, итальянская ветчина, говядина с черным перцем. Жареные перепела гнездились под мышками и на ключицах, а его плечи покрывала кольчуга из кусочков индейки, утки и телятины. Не менее часа ушло на то, чтобы расположить всю эту еду на его теле, и теперь на нем не осталось непокрытым ни дюйма. Хотя он и лежал совершенно обнаженный, но чувствовал себя странно одетым.

Мод вышла из комнаты и вернулась с двумя канделябрами, которые она осторожно поставила: один у его головы, а другой - в ногах. Все его тело, покрытое разнообразными яствами, переливалось в теплом золотистом свете.

- Пир, - сказала Гертруд, - настоящий пир.

- Произведение искусства, - сказала Астрид.

- Запомни, - сейчас Гертруд обращалась непосредственно к нему, - ты не должен издать ни звука. Только в случае крайней необходимости. Если тебе нужно будет пошевелиться, то делай это очень медленно. Никаких резких, неожиданных движений. Ясно?

Он покорно кивнул.

В этот момент где-то в глубине дома раздалась грубая трель звонка. Мод наклонилась и осторожно натянула ему на голову колпак, который был сшит из ткани, а вокруг шеи затягивался шнурком. Невольно он потянулся рукой к лицу.

- Тебе будет легко дышать, - сказала Гертруд

- Да, - подтвердила Мод, - я сама опробовала его на себе.

Это был очень долгий вечер, который, казалось, никогда не кончится. Насколько он мог судить, всего собралось десять человек - семеро женщин и трое мужчин. Двое из мужчин были американцами, и оба свободно говорили по-голландски. На ком-то из гостей (очевидно, на женщине) были надеты браслеты из черепаховой кости или из янтаря - они громко постукивали друг о друга, когда скользили вверх или вниз по руке. Еще кто-то все время курил во время еды. Слева от себя он слышал регулярные щелчки зажигалки.

Сначала он чувствовал прикосновения по всему телу, пока гости пробовали разные блюда. Потом прикосновения почти прекратились, и каждый раз, когда кто-нибудь касался его, он вздрагивал. Странно, но к середине застолья он даже задремал. Может, на него так подействовала темнота в колпаке, а может, убаюкали голоса, звучащие одновременно с разных сторон, журчание разговоров, содержание которых он до конца не понимал.

Его разбудил запах. Тяжелый, тошнотворный запах марихуаны. Говорил один из американцев - на этот раз по-английски.

- Ну и что у нас на десерт? - спросил американец Кто-то сдавленно рассмеялся, послышался звон стаканов.

Затем заговорила Астрид:

- Это сюрприз. Догадайся, какой.

- Насколько я вижу, на столе осталось только одно блюдо... Наверное, он сказал что-то очень остроумное, потому что все рассмеялись. Когда смех стих, наступила тишина, тишина предвкушения - мягкая и плотная, как бархат.

Он слышал, как кровь стучит у него в висках.

Теплая, скользкая (как будто смазанная маслом) рука дотронулась до его бедер. Тот же человек - или кто-то другой, - схватил его пенис, почему-то напрягшийся, и взял его в рот.

У него перехватило дыхание.

Потом он почувствовал чью-то руку у себя на предплечье - он был уверен, что рука женская. Хотя прикосновение и было легким, возможно, его никто и не заметил - он знал, что для него это предупреждение, напоминание. В то же время женщина давала ему понять, что нужно расслабиться и пусть все идет своим чередом.

«Запомни, ты не должен издать ни звука».

Он глубоко, полной грудью, вздохнул. По ребрам потекла жидкая подлива, которая собралась в ложбинке между ключиц.

Тем временем гости по очереди прикладывались к нему. Некоторые из них были довольно грубы. Он чувствовал прикосновение колючей бороды, небритого подбородка, зубов. Другие были осторожны и почтительны - осмеливались на прикосновения почти неосязаемые. Невесомая бабочка, опускающаяся на лепесток. Когда она взлетала, он представлял, что следует за ней, мимо огромных пестрых пятен цветов, вверх, в воздух, где она игриво трепещет крылышками, подхваченная легким порывом ветра.

Когда женщины наконец сняли с него колпак, он увидел, что освещение под тентом тусклое и какое-то интимное - оно исходило от почти догоревших свечей. Тем не менее после долгих часов сплошной темноты он сначала почти ослеп. Он разглядывал себя из-под прищуренных век: потемневшие листья салата прилипли к ногам, прозрачные, похожие на водоросли моллюски, запутались в лобковых волосах. Все тело покрывали пятна от соусов, соков, следы слюны. Он выглядел как выброшенный на неведомый морской берег обломок корабля. Почему-то у него все болело, как будто его на самом деле швыряло в море на скалы.

Справа от него стояла Гертруд, привалившись к стене. Руки сложены под грудью, на голове черный конусообразный капюшон, на руке выше локтя - браслет из чеканного серебра. Больше на ней ничего не было. По обнаженному телу скользили тени от догоравших свечей. В первый раз ему было позволено увидеть ее. Она выглядела крепко сбитой, но статной. Плечи той же ширины, что и бедра. Казалось, что у нее нет талии. Хотя форма груди была

слегка приплюснутой, это не портило общего впечатления от фигуры, в которой, казалось, нет ничего лишнего. Она напомнила ему древнегреческие статуи, поддерживающие крыши храмов - кариатиды. Это впечатление было для него неожиданным. По ее движениям в одежде можно было предположить, что ее тело тяжелее, «мясистее». Слева от него находилась Астрид. Она лежала на боку, на горе из шикарных подушек, подпирая рукой голову. Она тоже была обнаженной, только лицо прикрывала та же матово-черная резиновая маска, которая была на ней в ту ночь, когда она надругалась над ним. Она курила сигарету, средний палец левой руки украшало кольцо с шипами длиной в дюйм. Он нигде не видел Мод. Интересно, где она. Наверное, моет посуду внизу.

- Вечер имел успех, - сказала Астрид, глубоко вдыхая дым сигареты.

- Это триумф, - подтвердила Гертруд, - настоящий триумф.

- Особенно хорош был десерт... Обе женщины рассмеялись.

Он перевел взгляд с одной на другую. Хотя по возрасту они и были близки - по крайней мере ближе, чем он предполагал, у Гертруд кожа была анемично бледной, в то время как у Астрид кожа светилась, как драгоценность. У Астрид была аккуратная голова круглой формы с коротко стриженными волосами. Под маской угадывались правильные черты лица. Может, Гертруд тайно завидует тому, как выглядит Астрид? Может, поэтому им нужна Мод, которая оттеняет обеих, отвлекает их внимание на себя и дает им повод для подтрунивания. Интересно, как женщины ведут себя друг с другом, когда они одни. Дверь, ведущая из комнаты в другие помещения, была для него волшебной дверью в фантастический мир - как только женщины входили туда, они как бы дематериализовывались, становились невидимыми, переходили в другое измерение.

- Ты хорошо себя вел, - сказала Астрид, изучая кончик сигареты.

- Ты вел себя безупречно, - согласилась с ней Гертруд. - И мы хотим тебя за это наградить.

Она подошла к нему, повиливая бедрами, ее груди вызывающе подрагивали. К собственному изумлению, он почувствовал начинающуюся эрекцию. Казалось, она ничего не заметила - а если и заметила, то не подала виду. Вблизи он разглядел, что у нее красные глаза, наверное, она была пьяна.

- Что бы ты хотел? - спросила она.

- Конечно, в пределах разумного, - прозвучал из-за ее спины голос Астрид.

Когда он взглянул на Гертруд, то ему показалось, что воздух перед ним заколебался. Сначала он не понял, что это было, но потом увидел волос, который выскользнул из-под капюшона Гертруд - один-единственный волос, плавно опустившийся между ними на золотистую ткань подстилки. Волос (который проплыл так близко от его лица, что он не сразу разобрал, что это такое), упавший всего в нескольких дюймах от его локтя. Разглядывая его, он увидел, что волос рыжего цвета, слегка волнистый, длиной в палец.

Гертруд, казалось, ничего не заметила.

- Скажи мне, что бы тебе хотелось, - проговорила она, обдавая его винными парами, - что бы ты хотел получить в награду...

- Отпустите меня, - сказал он. Она отвернулась.

- Нет, это не вариант.

- В пределах разумного, - напомнила Астрид, гася сигарету.

Он все смотрел на рыжий волос - ключ к тайне, свидетельство, вещественное доказательство. Сколько времени он провел в заточении в этой комнате? Пять дней? Шесть? Он уже потерял счет времени. Его привели сюда днем в понедельник. Может, уже наступило воскресенье? Он перевел взгляд на свое тело, которое, казалось, ему уже не принадлежит. Он почти физически ощущал, как его тело теряет упругость. Тело было единственным его календарем, показателем времени, которое измерялось для него в единицах атрофированных мышц, убытков, унижения. Он почувствовал, как у него от отвращения сжалось горло.

- Ну должно ведь быть что-то, чего бы тебе хотелось, - продолжала Гертруд.

Его легкие были забиты пылью. Он едва мог дышать.

- Мне необходимо движение, - сказа;! он. - Мне нужен свежий воздух.

Когда на следующее утро женщины вошли в комнату, он сразу уловил напряжение, которое обычно сопровождает неразрешенный спор. Наверное, они спорили по поводу его просьбы. В их движениях сквозила некая скованность. Он мог видеть под колыханием плащей их локти, бедра, пальцы рук. Следя за тем, как они подходили и выстраивались перед ним, он думал о том, как мог бы представить их движения в хореографии танца. Какую музыку можно было бы подобрать? Звучание резкого диссонанса, передающего их настроение, или медленная, нежная мелодия как элемент иронии?

После того как его руки и ноги были закованы, женщины помогли ему встать. Мод надела ему на голову капюшон. Вернее, колпак - тот самый который ему надевали прошлой ночью, он пах мясом, вином и сигаретным дымом. Его повели к двери. Он, должно быть, выглядел как человек, идущий на эшафот.

- Это и есть моя награда? - спросил он.

Им почему-то овладели необычная легкость и игривое настроение. Ему трудно было удержаться от шуточного тона, на который женщины совсем не реагировали.

Они вышли из белой комнаты в коридор. Он знал, что слева - туалет, а впереди, футах в пятнадцати, находится вторая дверь. Этим его познания заканчивались. Он ничего не мог видеть, а все посторонние звуки заглушались бречением цепей на руках и ногах при малейшем его движении. Из-за капюшона он не чувствовал свежие запахи. Нужно вычеркнуть из памяти все, что связано со вчерашним банкетом. Труднее всего было почему-то избавиться от застрявших в памяти запахов. Они прошли через вторую дверь и попали в помещение, казавшееся довольно просторным. Наверное, площадка между этажами. Уже что-то новое.

Они свернули налево, прошли шагов десять, повернули направо и остановились. Одна из женщин предупредила его, что начинаются ступеньки лестницы. Он осторожно вытянул ногу, как будто пробуя температуру воды. Кожей рук он почувствовал дуновение прохладного воздуха. Это ощущение наводило на мысль о сыром подвале. Казалось, что пахнет штукатуркой - запахом, который у него всегда ассоциировался с новыми домами, но лестница оказалась широкой и крутой, что говорило о том, что дом этот старый. Хотя женщины и подстраховывали его с двух сторон, ему удобнее было спускаться боком, как на лыжах. Он прошел один лестничный пролет и начал одолевать следующий. Одна из женщин поддерживала его под руку.

Наконец они достигли первого этажа. У него под ногами уже не было коврового покрытия. Наверное, плитка или бетон, догадался он. Вниз на одну ступеньку, несколько шагов, еще ступенька, опять прошли немного. Одна из женщин повернула ключ в замке и толкнула дверь, которая с трудом поддалась, и вот они на свежем воздухе...

Даже через капюшон первый вздох вызвал у него прилив приятного возбуждения. Он уже забыл, что воздух может быть таким насыщенным. Он пах ветром и дождем, землей, черноземом, горьковатым соком растений. Еще он ощущал запах плесени, которым пахнут рамы парника, запах ржавых заклепок на ручке садовой лейки. Потом до него донеслось теплое, песчаное дуновение - очевидно, от кирпичной стены. Помимо всех этих запахов, он различал слабые, но разнообразные запахи города: велосипедные шины, вода в каналах, маринованная сельдь, электрические трамвайные кабели, пиво, разлитое у входа в бар, - и вдалеке, на самой границе обоняния, едкие соленые брызги волн Северного моря, которые бились о берег. Он стоял у двери и дышал. Просто дышал.

- Хороший сад, - произнес он через некоторое время.

Это была, конечно, только догадка, но по застывшему молчанию женщин он понял, что она верна. Он улыбнулся под покровом колпака. Вдруг он почувствовал себя остроумным и веселым. Несмотря на цепи, на то что он был в руках этой странной троицы, он чувствовал себя хозяином положения. Он покачал головой:

- Знаете, я думаю, вы сделали ошибку.

Молчание женщин затянулось, он как будто говорил сам с собой, находясь совсем один. В то же время он ощущал, как они обмениваются напряженными взглядами.

- Вам не следовало выпускать меня из той комнаты, - он еще раз вздохнул полной грудью, почувствовав, как воздух наполняет легкие до краев. - Вы слишком хороша ко мне относитесь, слишком добры ко мне, - поймав себя на неприкрытой иронии, он добавил: - Я хочу сказать, что это такой риск...

Он подался вперед. Никто его не остановил. Не было произнесено ни слова. Он понял, что стоит на траве. Так приятно было ощущать под ногами ее упругость, то, как трава слегка поддавалась под его ступнями. Трава была мокрой - он чувствовал это через тонкую подошву туфель. Вдруг откуда-то справа послышался звук тормозящего поезда. Всего за два квартала отсюда, ну от силы - три.

- Во-первых, - продолжал он, - вы не заткнули мне рот, а ведь я могу позвать на помощь, и как знать, может, кто-нибудь откликнется.

- А ты собираешься звать на помощь? - это был голос Астрид, бесстрастный и в то же время угрожающий.

Он ее проигнорировал.

- А еще кто-нибудь с верхнего этажа может меня увидеть, -он запрокинул голову, как бы глядя вверх, - и что они увидят? Трех женщин в черных плащах и мужчину с колпаком на голове, стоящих в сад}' воскресным утром. Зрелище довольно странное, даже для Голландии.

- Сегодня не воскресенье, - сказала Гертруд. Он отмахнулся и от ее реплики.

- Ну, это незначительные детали. Я говорю отвлеченно, - он покачал головой. - Все это дает мне возможность воссоздать полную картину. Где я нахожусь. С кем имею дело.

Он повертел головой, как будто оглядываясь и видя, где стоит каждая из них. Он находился в приподнятом настроении, ощущая легкое головокружение. Наверное, это было воздействие кислорода после дней, проведенных взаперти, в духоте.

- Отведите меня к ослику, - попросил он, - спорю, что смогу приколоть ему хвост!

- К ослику? - спросила Астрид, - к какому еще ослику? Он рассмеялся над ней.

- На вашем месте я ни за что не вывел бы меня на улицу. Свежего воздуха ему захотелось! - он насмешливо фыркнул. - Кому нужен свежий воздух? Ну конечно, я совсем забыл! - Тут надо было хлопнуть себя по лбу, но у него связаны руки. - Вы любите меня, на все для меня готовы. - Он снова рассмеялся. - Вы считаете мое искусство замечательным.

Одна из женщин взяла его за руку - просто держала, не пытаясь никуда отвести.

- Знаете, вы все очень хорошо устроили, а потом взяли и испортили. Вы сбились в своей последовательности. Вы понимаете значение этого слова? Я не знаю, как оно звучит по-голландски. Наверное, ужасно. - Посмеиваясь про себя, он покачал головой. - Да, когда я находился в той комнате, все было под контролем. А теперь...

Заразив их умы этой мыслью, он надеялся, что, подобно вирусу, она укоренится и распространится в них, подрывая чувство безнаказанности.

- Пора возвращаться, - сказала Гертруд.

«У тебя рыжие волосы, - подумал он. - Я видел».

Чья-то рука подтолкнула его в спину по направлению к двери. В этом жесте он почувствовал резкость, раздражение, и обрадовался, что наконец сумел задеть женщин за живое.

- Вы, наверное, плохо меня слушали. До вас так и не дошло то, что я говорил.

Он позволил ввести себя внутрь и провести по коридору. Когда он уже поставил правую ногу на нижнюю ступень лестницы, собираясь подняться вверх, позади него раздался звонок.

- Это телефон, да? - спросил он. Женщины не ответили.

- Разве вы не возьмете трубку? Это может быть важный звонок.

Наверное, ему не нужно было так много говорить. Но им завладело неожиданное и неодолимое желание действовать, несмотря на оковы и колпак. В его крови кипел адреналин. Женщины считали, что оказывают ему услугу, выведя его на прогулку на несколько минут. Они считали, что этим наградили его за хорошее поведение. Какая чушь! Он устал от их высокомерия, снисходительности. Он хотел, чтобы они почувствовали себя в глупом положении. И если правильно понял их молчание в саду, то, кажется, преуспел. Интересно, отомстят ли они ему? Кто знает. Возможно, ему лучше было бы придержать свой язык. Просто постоять на воздухе бессловесным животным.

Он смотрел на квадрат белесого неба в окне люка. Погода была унылой. Но он все же живо помнил те мгновения, которые провел на улице, - запах травы после дождя, прикосновение к коже рук свежего весеннего ветерка - все это безжалостно напомнило ему о том, чего он лишился. Он стал думать о Бриджит и ощутил острую боль, которая гнездилась где-то в паху. Он думал о том, что последнее время они почти не занимались сексом, и ощутил что-то вроде раскаяния, хотя прекрасно знал, что такое случается у многих, особенно когда партнеры много работают и очень устают. Он помнил, как это было в самом начале, во время их первого совместного отпуска на Эльбе. Они остановились в маленькой семейной гостинице на окраине Портоферрайо. В их номере был высокий потолок и бледно-зеленый мраморный пол, на котором стояла старомодная двуспальная кровать с металлическим изголовьем и атласным розовым покрывалом. Над кроватью висела картина, изображающая цыганку в белой, спущенной с плеч блузе, с вызывающе поднятым подбородком. Бриджит сказала ему тогда, что эта комната напоминает ей квартиру ее тетушки Сесиль в Марселе, сумасшедшей старой девы. Он смотрел, как она открыла темно-зеленые ставни и, облокотившись на подоконник, загляделась на раскинувшийся внизу город; ее сильные стройные икры напряглись, обозначив выпуклые мышцы. Потом, когда они занимались

любовью, посередине кровати образовалась щель, оказалось, что кровать не двуспальная, а составлена из двух односпальных. Фарфоровая лампа на тумбочке покачнулась и упала на пол, к их удивлению, не разбившись. Внизу все время кричала какая-то женщина. Мари! Марио! В конце концов они очутились на полу между кроватей, все еще лежа на розовом покрывале, будто в гамаке. Было без двадцати восемь июньского вечера, из ресторана внизу доносился звон ножей и вилок, жужжание мопеда с улицы смешивалось с бормотанием Бриджит: «Где я?»

Конечно, на самом деле она знала, где находится. Но их близость была такой сильной и всепоглощающей, что на какое-то мгновение они потеряли ощущение места и времени. А когда пришли в себя, то не сразу поняли, что это за комната и в каком они городе. Для них это был какой-то шок. В тот год они очень много работали: репетировали, выступали, снова репетировали, - у них не было времени ни на что постороннее. И вдруг они обнаруживают себя наедине в каком-то городе, вдали от всего и всех. Это неожиданное перемещение было чудом, в которое с трудом верилось. Она лежала под ним на покрывале с запрокинутыми за голову руками, с расслабленно полураскрытыми ладонями, как будто сдавалась в плен. Он видел впадины подмышек, которые она всегда тщательно выбривала, и заостренные крошечные груди с такими чувствительными сосками, что иногда он мог заставить ее испытать оргазм только прикасаясь к ним. Ее хрупкое тело таило в себе огромный запас энергии, энергии, которая выплескивалась во время танца. Однажды он наблюдал за ее выступлением из-за кулис в театре Сан-Паулу. Она танцевала так, что сердце у него в груди сжалось и оставалось в таком, как бы подвешенном, состоянии до конца ее танца. Он даже вообразить не мог, что она может так танцевать - восторг вызывали не столько балетные па, хотя она выполняла их безукоризненно, но то чувство, которое их порождало. После выступления на сцену из темноты зала полетели охапки цветов, названия которых он даже не знал, и вскоре она стояла, по щиколотку утопая в них... Когда она подошла к нему за кулисами, на его лице, должно быть, все еще сохранялось выражение изумления, потому что она сказала: «Я знаю, я не знаю, что это было, j'avais des ailes» [2]. Потом она рассмеялась и сказала: «Я просто летала», - а он держал ее в своих объятиях, крепко прижимая к себе, ощущая ее напряженные мышцы и жар, исходящий от кожи. Кто-то прокричал позади него: «В посольстве подают напитки, все идет в посольство на банкет!...»

«Где я?» - подумал он.

В белой комнате, где-то в Нидерландах.

Лежа прикованный к полу, он ощущал металлический привкус во рту. Опять кровоточили десна. Когда ему чистили зубы, женщины орудовали щеткой слишком сильно или непривычным ему способом. В то утро он впервые в жизни заметил густые следы крови в слюне, и это потрясло его, как будто его вынудили осознать собственную слабость, тот факт, что он смертен...

Следующие несколько часов дались ему с трудом, с убийственно молниеносными перепадами настроения от ностальгии к отчаянию - это два разных континента, но путешествие от одного к другому почти совсем не занимает времени.

В тот же день, несколько позднее, дверь открылась и вошла женщина. Она затворила за собой дверь и прислонилась к ней. Она была одна. С места, где он лежал, невозможно было определить, которая это из трех. Она стояла в густой тени, и на ней был обычный черный плащ с капюшоном. Он немного опасался реакции женщин на его поведение в саду, поэтому решил всячески подчеркивать свою покладистость.

- Я сожалею о том, что произошло сегодня утром, - сказал он. - Я слишком увлекся. Оказаться на воздухе даже на несколько минут - уже забываешь, что это такое...

Женщина медленно отошла от двери и направилась вглубь комнаты. За нею тянулся шлейф неопределенности, неловкости. Ага, вот он и узнал ее. Методом исключения. Это, конечно, Мод.

- В любом случае я просто хотел бы извиниться, - сказал он.

Она опустилась возле него, отвернув голову, положив ладони на колени, как делала много раз. В этот момент ему показалось, что он может представить ее ребенком. Ее никто не ласкал, никто не любил. Может, даже били. Наверное, поэтому она так двигается, как будто старается занимать как можно меньше места. И голос у нее поэтому хотя и монотонный, но с негодующим оттенком, по интонации напоминающий гусиное шипение. Голос человека, которому либо никогда не позволяли выразить свое мнение, либо он просто не смел это делать.

Она дотронулась до его левой щиколотки, провела рукой вдоль стопы до кончиков пальцев.

- Нога танцовщика... - ее рука задержалась на мозолях и деформированных суставах. - Хорошо, когда дело человека оставляет следы у него на теле, - сказала она. - Например, руки садовника... - она дотронулась до белого шрама на его щиколотке. - Отчего это?

- Солевая шпора, - ответил он. - Соль откладывается на костях, и образуются шпоры. Мне пришлось делать операцию, вырезать ее. Это обычное дело у танцовщиков.

Она вздохнула.

- Я не собираюсь причинять тебе никакого вреда. - В прорезях капюшона блеснули ее глаза.

Он хотел поговорить с ней, поддержать нормальный разговор, но не знал, как начать.

- Если не возражаешь, мне хотелось бы полежать рядом с тобой.

- Конечно, не возражаю, - он постарался придать голосу мягкость.

- Мне нужно раздеться, - сказала она.

Она откинула с ног края плаща, и он увидел черные рабочие ботинки с обшарпанными носами и изношенной подошвой. Она начала развязывать шнурки на ботинках, мурлыча себе под нос что-то совсем без мелодии. Он уже знал, что это признак нервозности. Не желая смущать ее, он отвернулся, подумав, что предвидел такую обувь, удачно совпадающую с образом, который у него сложился - упрямой и не нужной никому женщины.

- Мое тело тебя не возбуждает, - сказала она.

Он повернулся к ней. У нее были тяжелые, рыхлые бедра, довольно большой, складчатый живот, крепкие, круглые плечи пловчихи - хотя он не мог представить ее плавающей, - и неожиданно изящная грудь, которая, казалось, принадлежала другой женщине. Ее тело совместило все тона и виды фактуры, свойственные человеческому телу. Наверное, такое тело понравилось бы художнику.

- Это ничего, - сказала она. - Мне ничего не нужно. - Она помолчала. - Я - не как они.

Он ждал, что она пояснит свои слова. Но она стояла молча, глубоко погрузившись в свои мысли. Вдруг он понял, что должен сказать:

- Это была ты той ночью, да?

Она застыла, не шевелясь, так что он мог видеть, как у нее от дыхания вздымается грудь.

- Несколько дней тому назад я проснулся, а возле меня кто-то лежал. Это была ты, - сказал он, стараясь, чтобы голос был мягким.

Она пристроилась рядом с ним и, повернувшись на бок, положила голову ему на плечо и закинула левую ногу на его бедро. Он посмотрел на ее руку, покоящуюся на его груди, на короткие бледные пальцы, охватывающие его ребра. Он мог даже почувствовать телом стук ее сердца - оно у нее билось, как у маленького зверька.

- Я должна тебя предупредить, - сказала она.

- Предупредить? О чем?

- Они кое-что задумали.

- Что же?

- Такое, что трудно себе даже представить.

- Они сердиты на меня...

- Возможно. Но вообще - все из-за того, что ты находишься здесь. Просто потому, что ты здесь.

- Ты можешь поговорить с ними?

- Поговорить?

- Останови их.

- Не думаю, что получится.

- Пожалуйста.

Она приподняла голову и коснулась пальцами его губ, показывая этим жестом, что просить бесполезно. Ее пальцы пахли луком и воском.

Теперь он лежал тихо, ощущая тяжесть ее тела.

- Это я на тебя кричал, - снова заговорил он через некоторое время.

-Да.

- Извини меня за крик. Ты и представить себе не можешь, каково мне приходится.

- Ты напугал меня.

- Прости.

Он слушал, как по стеклу люка барабанит дождь, думал о людях, спешащих домой на велосипедах, наклонив головы; трамвайные рельсы блестят от дождя... Он представил себе, как облокачивается на черные перила и смотрит на воду канала. Вода кажется шершавой, исклотой каплями дождя, как доска, утыканная гвоздями.

Они кое-что задумали.

Когда он проснулся, Мод уже не было. На его теле остался запах лука и воска, он проникал в ноздри, исходя от тех мест, которых касались ее руки.

Той ночью его сны были наполнены жуткой тревогой. Ему больше не снились живописные

пейзажи, только голые стены белой комнаты, только окно люка с квадратом пустого неба. Он видел себя подвешенным вниз головой в сложной сети паутины, состоящей из веревок и блоков. Его спеленутое тело медленно вращалось, как мясная туша на крюке, кровь прилиwała к затекшим членам, заполняя впадины и пустоты в глазницах. В комнате он был не один - возле двери, в тени, стояла обнаженная женщина, на ее голове был черный колпак. От этого казалось, что у нее совсем нет головы. Получалось, что в комнате стоит безголовое тело, и это тело шепчет: «Прекрасен, так прекрасен...»

Потом он опять проснулся и никак не мог понять, есть ли на самом деле кто-нибудь в комнате, в темных углах, из которых ему слышалось шипение и жужжание, как будто производимое тысячей приглушенных голосов, звучащих одновременно. Он оглядывал свое тело, лежащее как на жертвенном камне, и уже не мог отделить сон от яви. Ужаснее всего было то, что он не знал, что хуже...

В какой-то степени бодрствовать было легче. Он мог по крайней мере контролировать ситуацию. В состоянии бодрствования он мог напрячь свое воображение и перенестись в прошлое, в свое единственное убежище, но поддерживать такое состояние было трудно и, в конце концов, не имело смысла. Как только образы, вызванные из прошлого, начинали расплываться, проявлялась эта комната, как проступает кожа тела под мокрой тканью. Комната всплывала безжалостно белой, но никогда не бесстрастной, как можно было ожидать из-за всех этих колец, цепей и болтов - оборудования, созданного изощренным и извращенным сознанием. Крюки и полозья. Стиральная машина. Матово-черный резиновый коврик. Во всем этом чувствовались бесстрашие, привычная жестокость - предсказуемая, неизменная, без намека на раскаяние. Комната была здесь всегда.

И вот он настал, день его пытки.

Он, как всегда, лежал на полу, когда открылась дверь и в комнату одна за другой проскользнули женщины. Все три были обнаженными, с красными колпаками, целиком прикрывавшими головы. Они выглядели как кардиналы некоего тайного, запретного ордена. У него по коже пробежали мурашки. Он чувствовал, что в женщинах явно произошла перемена, как будто, сбросив одежды, они отбросили в сторону все нормы, правила и запреты. Теперь они были способны на поистине чудовищные поступки.

В этот момент выглянуло солнце. Поток света, проникший через люк до самого пола, был так насыщен цветом, такой густой и золотистый, что, казалось, это большая колонна, под которой стояли женщины, неожиданно накрытые ее тенью. Когда они двинулись к нему, проходя через солнечный столб, создалось странно нереальное впечатление, что это привидения проходят сквозь стену. Как будто нарушилась материальность мира. И тут он понял, что женщины готовы на все.

Мод несла продолговатый металлический ящик, а у Астрид в руке была отвертка. На какое-то мгновение он приободрился. Они просто хотят подправить его наручники, что-нибудь подкрутить. Позже он вспоминал эту пришедшую ему в голову мысль с мрачной усмешкой. Или это еще одно наказание? Они ничем таким ему не угрожали. Не может быть. Просто у них снова разыгралось воображение и они придумали что-то новенькое. Никаких обид, ничего личного. Что там говорила Мод?

«Просто потому, что ты здесь».

Они окружили его, колпаки отбрасывали алую тень на бледную кожу. Он переводит взгляд с бирюзовой вены, извивавшейся по ноге Мод и уходившей в пах, на шрам, похожий на отпечаток монеты, на бедре Астрид, и, наконец, на темно-рыжие волосы на лобке у Гертруд. Остановился его взгляд на металлическом ящике, который Мод поставила на пол возле него. Он когда-то видел нечто подобное у своего деда, самодеятельного актера, у него был такой

ящик, в котором он хранил театральный грим - подводку для глаз, тени, румяна... Но зачем Мод принесла это сюда?

- Это будет больно, - сказала Гертруд У него сжалось горло.

- Что ты имеешь в виду? Что вы собираетесь делать?

- Лучше мы не будем тебе говорить. Она взялась за его трусы и стянула их вниз до щиколоток.

- Нет! - вдруг вырвалось у него. В тишине его голос прозвучал почти резко и странным образом смодулировал голос его отца.

- Ты можешь получить поощрение, награду... со временем, - сказала Астрид.

Ее слова совсем его не успокоили - у него уже имелся некоторый опыт. Он смотрел на отвертку в ее руках. С прозрачной, ярко-желтой ручкой, с острым плоским концом в полсантиметра шириной.

- Вы же не собираетесь... - он запнулся, не в силах высказать свое предположение.

- А больно будет потому, что у нас нет обезболивающего средства, - пояснила Гертруд.

- Но отвертка? - непонимающе пробормотал он.

Он повернулся к женщине, которую он назвал Мод, хотел бы он сейчас знать ее настоящее имя...

- Помоги мне, - взмолился он, - пожалуйста!

Но та лишь склонила голову вниз, как будто в смущении или от стыда.

Две другие женщины быстро заговорили с ней по-голландски. Их голоса звучали спокойно и настойчиво. О чем они говорили ей? Что все будет в порядке? Он наблюдал, как Мод открыла металлический ящик и вынула комочки ваты и бутылочку йода.

Так, это не грим, а аптечка.

- А теперь... - сказала Гертруд, подавая знак Астрид.

Женщины присели на корточки вокруг него, Гертруд - слева, Астрид - справа, Мод - у него между ног. Гертруд зажала ему нос, а когда он открыл рот, чтобы вздохнуть, она засунула между зубов скомканную тряпку, потом, проворно вытащив из ящика рулон серебристой изоленды, оторвала от него приличный кусок и заклеила всю нижнюю часть лица. Тряпка пахла машинным маслом.

Большим и указательным пальцами Астрид оттянула его крайнюю плоть, растянув ее так, что кожа стала почти прозрачной. Она резко проткнула растянутую кожу концом отвертки. Он видел, как тот вышел с другой стороны. Больше всего ему почему-то врезался в память ярко-красный цвет крови. Пронзительно яркий и чистый, какой бывает у совсем свежей крови. Ему запомнились алые капли на волосках лобка, как будто там выросли красные ягоды, запомнились так, словно он наблюдал за всем этим с большого расстояния...

Когда он очнулся, женщины уже проделали в колотое отверстие кольцо. Сначала он не понял, как им удалось сделать это. Потом он разглядел на кольце утолщение - очевидно, защелку. Кольцо было тускло-серебристого цвета, из какого-то сплава, толщиной больше дюйма в диаметре, наверное, купленное специально для этой цели.

Они не стали протыкать его пенис, только крайнюю плоть. Сейчас Мод склонялась над ним, держа в руке ватку. Он почти потерял сознание во второй раз от острой вспышки боли, когда она приложила к ране вату с йодом. Поскольку у него во рту был кляп, он не мог даже закричать. Его боль осталась внутри, не найдя выхода. Они не хотели слышать его крики. Уносимый волнами боли, он периодически терял сознание, а когда всплывал из забытья, его пронизывало острое чувство безнадежности: они могли сделать с ним все, что хотели, - абсолютно все...

Уже потом, после того как его помыли, женщины внесли в комнату кусок цепи. Они прикрепили один ее конец к кольцу, продетому в его пенис, а другой - к металлической скобе, вбитой в стену позади него. Затем они отсоединили кольца на его руках и ногах от полозьев на полу и сгрудились вокруг него. Колпаки, скрывавшие их лица, придавали им странный вид - будто они были полностью лишены всех чувств, совести, сострадания, и это впечатление неожиданно контрастировало со звучанием их голосов, в которых слышались озабоченность и даже поддержка. Ему сказали, что хотя его руки и ноги большую часть времени будут скованы, теперь у него будет больше свободы передвижения. Он сможет вставать и немного ходить. Может быть, даже танцевать. Он отрицательно покачал головой. То, что они говорили, звучало как насмешка. Как можно подвергать его таким бесконечным, гротескным пыткам и в то же время утверждать, что они заботятся о нем? И еще. Больше он уже не старался различать, кому из них принадлежит какой голос. Все равно его надежды найти в лице одной из них союзника или получить хоть какое-нибудь снисхождение обречены на провал. Их голоса больше не звучали как принадлежащие живым людям, отдельным индивидам. Они слились для него в один голос - голос некой твари, которая пыталась его и держала в заключении.

В руке одной из женщин оказались две белые таблетки. Это кодеин, сказала она. Приподняв его голову, она положила таблетки ему на язык и поднесла к губам стакан с водой, чтобы он их запил. Он снова откинулся на подстилку. Небо в окошке люка затянуло облаками. В комнату больше не проникал солнечный свет. В этом новом тусклом освещении жгучая боль в средостении его тела приобретала свой цвет, но его трудно было определить. Слишком он был ослепительным. То и дело эта цветная боль разрасталась до огромных размеров, полностью поглощая его. Временами ему казалось, что он находится внутри ее.

Как сквозь туман он слышал голоса женщин:

- Теперь тебе надо отдохнуть...
- Мы проведем тебя ночью...
- Мы позаботимся о тебе...
- Рана заживет. Не беспокойся... -Теперь отдыхай...

Хотя ночью ему и давали регулярно болеутоляющее, спал он тревожно, все время просыпаясь. Тонкая пленка, отделяющая сон от яви была почти прозрачной, похожей на источенную крайнюю плоть. Это было, наверное, что-то наподобие белой горячки. Сновидения, в которые он временами погружался, навязчиво повторялись снова и снова, мало отличаясь от того, что происходило наяву. Один раз он проснулся, или ему показалось, что он проснулся, и увидел на полу возле себя ярко-оранжевый гроб, - как доподлинный, просто стоял рядом, не перемещаясь и не меняя форму. Это длилось много часов. В другой раз ему приснилось, что он прикован к кирпичной стене, а на его пенисе висит ржавый железный замок, каким обычно запирают заброшенные сараи. Его рана была свежей, липкой, наполненной гноем. Он откинул голову к кирпичной стене, кирпичи которой были почерневшими, как будто подпаленные огнем. Слышались завывание, шум ветра.

В этом сне, как и почти во всех других, присутствовали два уровня сознания, которые

сосуществовали, а порой и пересекались. С одной стороны, его озадачил, потряс и парализовал весь ужас ситуации; с другой стороны, он с нетерпением ждал того момента, когда можно будет стряхнуть с себя остатки дурного сна или того, что он принимал за сон.

Жестокость пробуждения от тихого позвякивания цепи...

Сон и явь слились воедино, а страдание, которое он испытал, повернувшись на подстилке, было неопишным.

Иногда он ловил свое отражение в одном из стальных колец, сковывающих его запястья. Он мог видеть себя только частями - скула, бровь, кусочек уха. Он напоминал себе вазу, разбитую на мелкие кусочки тысячу лет тому назад. Он уже никогда не будет целым. Ему суждено существовать только в отдельных фрагментах. В собственной памяти.

Медленно и осторожно он повернулся на бок и протянул скованные руки к паху, как можно ниже. Само по себе то, что руки были близко к больному месту, уже успокаивало.

В окошке люка брезжил молочно-белый свет.

От досок пола исходил щекощущий ноздри острый запах пыли.

Постоянно непрекращающийся звук - поскуливающий стон - был настолько неотвязным, что приобрел некую материальную форму - сбитой машиной собаки, брошенной на землю пальто, - и этот звук был им самим.

Он не знал, какой день наступил, ему уже было все равно. Страдания сделали его безразличным к таким вещам. Дня него реальными были только боль и необходимость избавиться от нее. Иногда, когда он забывался после приема кодеина, его посещали разные люди. Может, во сне, а может, это были галлюцинации. Собственно, какая разница?

Первой к нему пришла Бриджит. Она села слева от него, лицом к двери, вытянув ноги под прямым углом, сложив руки на коленях. На ней была свободная, бледно-голубая футболка, которую он ни разу еще не видел. Ее волосы были, как обычно, стянуты на затылке розовато-лиловой бархоткой. Он наблюдал, как она согнулась, коснувшись лбом правого колена, потом выпрямилась и вскинула вверх правую руку. Эти движения выглядели свободными, плавными, как будто она не отдавала себе отчета в том, что делает. Взгляд ее темных глаз был устремлен вдаль.

«Наше время почти истекло», - сказала она.

Он почувствовал, как сжалось сердце. Что она имеет в виду?

«Ты и я... - сказала она, как будто прочитав его мысли, - наше время вместе».

«Нет, - воскликнул он, - ты ошибаешься! - у него пересохло в горле. - Тебе только надо подождать, пока я выберусь отсюда. Подожди, когда я освобожусь».

Она подняла обе руки и поправила бархотку, потом повернулась к нему лицом. В ее глазах не было ничего кроме равнодушия. У нее был взгляд человека, который незнаком с ним, который никогда его не встречал.

«Ты никогда не будешь свободен», - сказала она.

«Буду», - ответил он, хотя вдруг сам в это не поверил.

Бриджит отрицательно покачала головой и опять устремила взгляд вдаль.

«Нет», - произнесла она.

Он отвернулся, не в силах найти опровержение ее словам. А когда опять обернулся к ней, ее уже не было.

Через некоторое время, уже в середине ночи, появилась его семья - мать и отец, оба еще молодые, лет пятидесяти; и его брат Эдвард, который работал в банке в Токио. Отец и брат были одеты в приличествующие визиту одинаковые серые костюмы, а на матери была плиссированная юбка и вязаная кофта на пуговицах. Ему часто говорили, что он пошел в мать, хотя он сам этого не замечал. Ну может, только цветом и разрезом глаз, которые у обоих были карими с приподнятыми вверх уголками, что придавало им немного славянский вид. Она с любопытством тянула шею, все еще стройную, пытаясь заглянуть во все уголки комнаты.

"Ну, все не так уж и плохо», - наконец произнесла она.

Отец поднял руку, чтобы пригладить редеющие волосы, и кивнул с отсутствующим видом. Эдвард тем временем измерял шагами комнату, как будто собирался купить ее в собственность. Это было так на него похоже...

Он рассматривал свою семью со смешанным чувством отчаяния и радости. В конце концов мать подошла к нему. Она, казалось, не находила в его положении ничего особенного. Просто улыбнулась ему и опять сказала: «Ничего, дорогой, все не так уж плохо».

Он не знал, как истолковывать их поведение. Неужели они действительно не заметили, что над ним издевались, что его приковали к стене? Или они притворялись, что ничего не замечают, чтобы скрыть неловкость и стыд? Или таким хитроумным способом, почти закодированным, чтобы не догадались его захватчики, пытались придать ему силы, вселить надежду на избавление? Прежде чем он успел решить для себя, в чем же дело, мать увидела в окне люка полную луну и издала легкий вздох удивления и восторга. Потом она начала кружиться, понимая, что все на нее смотрят, и в то же время не обращая ни на кого внимания. В призрачном серебряном воздухе ее юбка раздулась вокруг ног колоколом...

К нему приходили и другие разные люди, с которыми он сталкивался в жизни. Берт Пшер, директор труппы. Стефан Элмере, фотограф. Появилась даже его наставница, Изабель ван Заанен. На ней была длинная шуба, а в ушах - бриллиантовые серьги, она выглядела так, как будто только что вернулась с премьеры спектакля. Изабель много лет работала в его труппе в качестве приглашенного хореографа, и он своим успехом обязан ее советам и поддержке.

Стоя у стены, она зажгла одну из своих египетских сигарет. «Помнишь, что сказал Баланчин? - произнесла она. - Сначала - пот, потом - красота». Изабель улыбнулась сама себе - Баланчин был ее другом. Потом подошла к нему и склонилась над ним так, чтобы он мог коснуться губами ее щеки.

Никто из посетителей не обмолвился о его ситуации, никто даже, казалось, не заметил его положения. Все равно он был рад, что они пришли к нему, для него это было некоторым утешением. Ему важно было знать, что за пределами этой комнаты существуют живые люди. Люди, которым он нужен. Даже если они активно не ищут его, они думают о нем. Это была хоть какая-то связь, живая цепочка.

Правда, иногда его гости приносили ему известия, которые он не хотел слышать.

Ты никогда не будешь свободен...

Наше время истекло...

Ты и я...

Наше время вместе...

Истекло.

Рана заживала медленно, с трудом. Возможно, он сам был в этом виноват - во сне ворочался и невольно раздражал рану, а может, она плохо заживала оттого, что ее натирало кольцо. Как бы там ни было, ему давали антибиотики, чтобы избежать заражения, и кодеин как болеутоляющее. Из-за действия лекарств он почти все время чувствовал себя вялым и заторможенным. Изредка в голове у него прояснялось и он замечал, что женщины, ухаживающие за ним, все время обнажены, хотя на головах по-прежнему надеты колпаки. Часто на ногах у них он видел обувь. Астрид и Гертруд предпочитали туфли на высоком каблуке, а Мод приходила в своих старых рабочих ботинках. То, что они перестали носить свои плащи, было проявлением их вопиющего бесстыдства и в то же время сексуальной потребностью. Сначала им было достаточно лишь видеть закованного в цепи мужчину. Теперь же их возбуждал вид его раны -само ее происхождение и расположение. Когда они водили его в туалет, то по-прежнему заковывали его руки и ноги, но теперь одна из них вела его за цепь, как будто он был неким экзотическим, но прирученным зверем. Когда он лежал на своей подстилке, они ходили кругами около него, бросая жадные взгляды из-под колпаков. Иногда они наклонялись и трогали цепь, при этом их дыхание учащалось и голоса становились приглушенными, как загустевшие взбитые сливки. Временами они осторожно, чтобы не потревожить его пенис, приподнимали цепь - так пытаются вынуть из рук заснувшего пьяницы пустую бутылку из-под пива. А иногда, когда его одурманенное медикаментами сознание прояснялось, он обнаруживал какую-нибудь из женщин сидящей напротив него с запрокинутой головой и рукой, ритмично движущейся между ног...

Он никогда раньше не видел, как женщины мастурбируют -ни одна из его девушек не делала этого перед ним. И сейчас его поразило, что каждая из женщин делала это по-своему. Мод всегда начинала сидя на коленях, затем в какой-то момент она падала вперед, прерывисто дыша, всей своей тяжестью опираясь на левую руку так, что на запястье сморщивалась кожа и ее короткие ногти краснели от прилива крови. При этом правая рука была задвинута между бедер так, что кисти не было видно... Астрид мастурбировала стоя. Она прислонялась спиной к белым трубам, которые шли из пола в потолок, а иногда подходила близко к нему, стоя над резиновой подстилкой. В отличие от Мод она ласкала все свое тело, ее руки порхали везде, они казались странно отстраненными, не принадлежащими ей. Ладони ее ощупывали грудь, скользили по бедрам, терли внутреннюю поверхность ляжек, не задерживаясь на одном месте дольше чем на несколько секунд, достаточных, надо полагать, чтобы оживить ту или иную часть тела. Когда она испытывала оргазм, ее колени слегка подгибались, как будто после приема дозы мышечного релаксанта, ей трудно было удерживать равновесие... Гертруд была более прямой в проявлении своих чувств, чем Астрид, и в то же время более замкнутой. Если это и удивило его, так только потому, что она последней из них показала свое тело. И он подумал, не самая ли она стеснительная из всей троицы. Хотя в том, как она лежала перед ним на спине, широко расставив ноги, не было ничего похожего на стеснительность. Ее вульва была бледно-розового цвета с неровными припухшими губами, похожими на страницы книги, которая упала в воду, а потом страницы высохли и слегка покорежились. Гертруд обычно так глубоко погружала в себя средний и указательный пальцы, что ее рука казалась беспалой; при этом на шее у нее выступали красные пятна. Впрочем, пятна иногда выступали и на груди, и на коже живота... Было только одно, что объединяло трех женщин, - в момент оргазма они все содрогались. Казалось, что это отклик на яростное потустороннее воздействие; так сотрясается верхушка дерева, если потрясти его ствол. Ему вспомнились рассказы о волнах во время прилива и отлива. Когда волна прилива пройдет тысячу километров, она становится одной из многих, накатывающих на берег. Именно так отстраненно он себя и ощущал, когда наблюдал за женщинами. Он видел только малую частицу энергии, он наблюдал лишь рябь на воде.

Вскоре они захотели увидеть его, как выразилась Астрид, «в возбужденном состоянии». Отверстие в его крайней плоти еще не затянулось, но он уже не чувствовал дискомфорта. Можно было ожидать, что после всего, что он перенес, у него не будет возникать эрекции, но это оказалось далеко не так. Эрекция наступала, несмотря на поврежденную крайнюю плоть - иногда она наступала именно из-за повреждения. Когда женщины это заметили, они не смогли скрыть своего удовлетворения. Казалось, что вид его восстающего пениса, пытающегося приподнять цепь, приводил их в экстаз. Они возбуждались, просто наблюдая за этим. Он закрывал глаза, но это не мешало ему слышать чавкающий звук, производимый их пальцами, введенными внутрь тел... Показывали ему порнографические фильмы, кормили его пищей с добавлением афродизи-аков, усиливающих сексуальное влечение. Особенно отличалась Астрид. Она надевала сексуальные наряды, начиная с самых обычных и заканчивая самыми извращенными, которые могли бы возбудить фантазию любого мужчины. Однажды она надела униформу медсестры. В другой раз нарядилась как девушка-ковбой - в джинсы с обрезанными брючинами и огромную ковбойскую шляпу. А еще обтягивала некоторые части тела прозрачной пленкой или обматывалась веревкой. Но в основном отдавала предпочтение коротким юбкам, из-под которых виднелись трусики (они могли быть с отверстием внизу - прямо из секс-каталога или простые, белые, хлопчатобумажные, как у школьницы, но плотно обтягивающие), а временами трусиков не было вообще. Он был, как она и рассчитывала, зачарован ее щелочкой, которая выглядела такой аккуратной, симметричной, как будто это не половой орган, расположенный между ног, а некая экзотическая морская раковина темно-сливового цвета... И все время они держали его обнаженным, для этого комната сильно обогревалась, а десятиметровая цепь, тянувшаяся от его пениса к скобе в стене, напоминала какой-то сюрреалистический вид пуповины...

Именно в этот период эксгибиционизма он заметил перемену в отношениях между женщинами. Хотя разница в поведении Мод и двух других женщин была всегда, но теперь она усилилась. Мод начала отстраняться от того, что происходило в комнате. Например, не предпринимала ни малейшей попытки возбудить его и перестала мастурбировать перед ним. Теперь она явно старалась все время держаться в тени, в стороне. Иногда поворачивалась и уходила, показывая этим, что не желает наблюдать за происходящим. Она больше не заговаривала с ним. Астрид и Гертруд, казалось, не заметили этой перемены, а если и заметили, то не считали нужным признать ее.

Однажды утром его предположение подтвердилось, хотя не совсем тем образом, который бы он предпочел. Дверь открылась, когда он еще дремал. Вошла Мод, одна. Он приподнялся на локтях, позевывая. Она стояла перед ним, носки ботинок были слегка повернуты внутрь, плечи опущены, как бы придавлены тяжестью. Впервые он заметил у нее родинку справа от пупка.

- Ты последнее время какая-то притихшая, - сказал он.

Женщина села рядом, тяжело дыша. Она была к нему так близко, что он мог разглядеть тонкие трещинки на костяшках ее пальцев. В руках она держала старомодную ручку с пером и бутылочку синих чернил.

- Пожалуйста, ляг, - попросила она.

Ее голос звучал твердо, как будто она решила что-то для себя и намерена это сделать несмотря ни на что.

Он медленно лег. Из-за хмурой облачной погоды через люк проникал унылый и размытый свет. Вдали слышался звон церковных колоколов. Не может быть, чтобы уже опять наступило воскресенье.

- То, что происходит, - неправильно, - сказала она. Интересно, что она имеет в виду? Однако

он не стал ее об этом спрашивать, рассудив, что лучше дать ей высказаться.

- Они думают, что могут делать что захотят, - отложив в сторону перо, она начала откручивать крышку на бутылочке чернил. - Они не должны делать все это.

- Ты расстроена, - сказал он. - Да.

Когда крышка была открыта, она поставила чернила на подстилку перед собой. Он опять обратил внимание на то, какие короткие у нее пальцы, с почти круглыми ногтями, и вдруг ему пришло в голову, что она может быть умственно отсталой. В подтверждение этой догадки ему припомнилось, как странно у нее была повернута голова, когда он впервые увидел ее стоящей в аллее. Казалось, она ничего не слышала и не видела, пребывая в своем мире, выключенная из реальности. Он вспомнил, как кричал на нее, а она безучастно сидела, не реагируя, уставившись в одну точку... затем однажды ночью он проснулся и обнаружил ее лежащей рядом с ним, совсем обнаженной, ее сердце колотилось в два раза быстрее, чем его. Оглядываясь назад, он понял, что жестокость других двух женщин соответствовала атмосфере комнаты, тогда как в безмолвном обожании Мод была некая эксцентричность, если не просто ограниченность. Возможно, этим объясняется, почему Астрид так яростно бросилась на ее защиту и наказала его. Моя подруга. Все встало на свои места. Все стало понятно.

Он наблюдал, как она осторожно обмакнула перо в чернила, дотронулась им до края бутылочки, чтобы снять лишнее.

- Если ты будешь сопротивляться, то может быть больно.

- Что ты собираешься делать? Женщина помедлила, держа в руке перо.

- Теперь они узнают правду, - наконец сказала она, - теперь они будут знать, - потом она добавила еще что-то на голландском языке.

Когда она склонилась над ним, ее живот опустился ей на колени. Надавливая на перо, она проколола ему поверхность кожи посередине между левым бедром и пупком. Он невольно охнул и дернулся.

- Не так уж и больно, я думаю, - сказала она, накалывая темно-синими чернилами его кожу.

- Я вздрогнул от неожиданности...

- Не сопротивляйся, пожалуйста.

- Хорошо. Конечно - он покорно посмотрел на нее. - Что ты делаешь?

Он знал, что она делала. Наносила ему татуировку, воспользовавшись теми подручными средствами, которые у нее были.

Ей понадобилось около часа, чтобы завершить задуманное. Каждый раз, наклоняясь над ним, она сначала задерживала дыхание так же, как и во время бритья, а потом, выпрямляясь, резко выдыхала воздух, как будто открывая некий клапан. Потом снова окунала перо в чернила, осторожно прикасаясь кончиком к краю бутылочки, и опять склонялась над ним. Она трудилась медленно, с видимым усилием, с такой заботой, которая в данных обстоятельствах была явно преувеличенной и со стороны выглядела комично. Он не мог видеть ее лица, но предполагал, что от усердия у нее высунут кончик языка. Даже если она и не была умственно отсталой, все равно в ней ощущалось что-то наивное, детское. Хотя вначале он и вздрогнул от боли и хотя сама процедура, когда она склонялась над ним и наносила, казалось, сотни маленьких порезов на его кожу, была довольно болезненной, он испытывал чувство облегчения оттого, что ощущал боль совсем в другом месте. Это отвлекало его от кошмара с

кольцом в его теле, в этом было что-то новое, на чем удавалось сосредоточиться... Через некоторое время уколы пера перестали досаждают ему. Он приподнял голову, чтобы посмотреть, что там происходит. В оцепенении он наблюдал, как капли крови набухают на поверхности кожи и, смешиваясь с чернилами, сползают вниз быстрыми темными струйками - так у девушек растекается с ресниц тушь, когда они плачут. Ему оставалось только покорно наблюдать, как женщина вытравливает на его теле слово, состоящее из четырех букв, притяжательное местоимение, которое выражает самую высокую степень принадлежности:

MIJN [3]

Как только Гертруд вошла в тот вечер в комнату, она сразу же увидела татуировку. Не заметить ее было трудно. К тому времени кожа вокруг букв сильно воспалилась, превратившись в сплошной красный взбухший рубец. Гертруд замерла на мгновение, потом повернула к нему голову, блеснув глазами в прорезях колпака.

- Кто это сделал?

Он вовсе не хотел облегчать ей задачу.

- Я не знаю.

- Как это не знаешь?

- Вы все на одно лицо. Как, ты думаешь, я могу вас различать? По мне это могла быть и ты.

Она склонилась над ним, упершись руками в колени и расставив локти, и стала внимательно рассматривать татуировку, потом резко выпрямилась и быстро вышла.

Через несколько минут она вернулась, ведя с собой остальных женщин. Впервые за много дней вся троица опять облачилась в свои черные плащи, что, по его мнению, должно было показать серьезность ситуации. Гертруд, взяв Мод за плечо, указала на татуировку и потребовала объяснений, но Мод повела себя как ребенок - молча стала вырываться. Гертруд настаивала, задавая все новые вопросы. Когда Мод наконец заговорила, он услышал слово *ziekenhuis*, которое на голландском означает больница. Но как только Мод произнесла это слово, она вдруг осеклась и опустила голову, как будто поняв, что натворила. Две другие женщины сердито посмотрели в его сторону. Хотя их взгляд и озадачил его, но он решил не ломать над этим голову. Его рана была не настолько серьезной, чтобы вести разговор о больнице. Больше всего его заинтересовало то, что в голосе Мод он услышал гнев - раньше такого не было. Впервые она решила постоять за себя.

Подсознательно она пыталась постоять и за него. Ее угнетало все то, что вытворяли с ним, поэтому, сделав ему татуировку, она тем самым выразила свой протест. Это была попытка заявить свои права на него, показать, что он принадлежит только ей, потому что только она по-настоящему заботится о нем. Ему всегда казалось, что поведением женщин руководит некая таинственная сила - все-таки это какое-никакое, но объяснение, однако столь впрямую с ее проявлением он столкнулся впервые. Вероятно, Мод действовала без разрешения и ведома остальных, что было вызовом их команде. Когда он лежал и выслушивал, как ее отчитывали, ему стало понятно, что трещина в отношениях между женщинами стала еще шире. Может, попытаться вбить клин в эту трещину?

Подняв голову, он произнес:

- Да будет вам, ругаться, собственно, не из-за чего. Гертруд резко повернулась и взглянула на него.

- Подумаешь, татуировка, - заявил он, - ничего страшного. Не нужно сердиться на нее.

- Это не твое дело, - отрезала Гертруд.

- А чье же? Ведь татуировку сделали мне.

Гертруд повернулась к Астрид и что-то быстро заговорила по-голландски. Потом все трое вышли из комнаты, причем Гертруд все еще держала Мод за плечо. Когда дверь за ними закрылась, он, улыбаясь, откинулся на подстилку.

Именно Мод выполняла все ежедневные дела по уходу за ним. Однако на следующее утро вместо нее появились Гертруд и Астрид. Стало понятно, что Мод в опале и ей отказано в доступе к нему. Может, даже ее тоже заточили в одной из комнат дома. И она лежит сейчас на узкой кровати, угрюмо отвернув свое крупное, круглое лицо к стене. Когда он спросил Астрид, где же «ее подруга» - он намеренно, с провокационной целью употребил это слово, - Астрид ничего не ответила. Он почувствовал, что женщинам надоела его дерзость, и если он не будет осторожным, то получит еще одно наказание.

Приблизительно в середине дня Астрид снова вошла в комнату. На этот раз она была одна и сменила черный плащ на коричневый замшевый пиджак, джинсы и коричневые кожаные ботинки на низком каблуке. Он понял, что непроизвольно улыбается, хотя когда она появлялась в одиночестве, он каждый раз настораживался, не без оснований - всякий раз ее появление сопровождалось какой-нибудь жестокой выходкой. Многие голландки одеваются точно так же, это почти стало униформой. Интересно, какое у нее лицо - наверное, типично голландское. На мгновение он представил себе ее на велосипеде: светлые волосы коротко подстрижены, большой рот и серо-голубые невыразительные глаза.

Астрид заметила его улыбку, но решила не обращать на нее внимания. Она сообщила ему, что через два дня у него состоится премьера. Ему нужно будет станцевать перед приглашенной публикой.

Ее слова ошарашили его.

- Я не могу танцевать, я не в форме, - запротестовал он, - я не репетировал уже... - он не мог даже сказать, когда последний раз танцевал.

- Будешь танцевать как сможешь, - ответила она.

- А как же это? - он указал на цепь. - Что я с этим буду делать?

- Это часть представления. Проверка твоей... - она сделала паузу, - твоей изобретательности - она повернулась, засунув руки в карманы джинсов, сделала несколько шагов, остановилась и взглянула на него через плечо. - Ты же вроде хореограф, да?

Он откинулся на спину, ничего не ответив. Снаружи слышались резкие, сильные порывы ветра, похожие на свист.

- Для тебя это стоит того, - услышал он ее слова. Он горько рассмеялся.

- Что-то подобное я уже слышал, - подняв голову, он наблюдал, как она идет к двери с самодовольным видом. - Капюшон не сочетается с твоей одеждой и выглядит просто смешно.

Она помедлила у двери.

- А ты, как ты-то выглядишь?

Он сидел в полумраке, привалившись к стене, сбоку от его головы торчала холодная железная скоба. Сколько раз он пытался вырвать эту скобу из стены... Тянул за нее,

расшатывал, дергал, но она ничуть не ослабла. Потом он внимательно осмотрел цепь, пытаясь найти слабое звено. Ничего. Он даже подумал, а не взять ли цепь в обе руки и не вырвать ли кольцо из крайней плоти...

Нет, только не это.

Он не мог опять перенести ту вспышку боли, которую испытал, когда ему разорвали крайнюю плоть, боль, которая охватила его ярким, нереальным взрывом цвета и окутала с ног до головы. И еще он боялся стать калекой.

Наверное, это было трусостью...

Во всяком случае, он дошел до точки, когда внезапно пришло осознание того, что он заслужил свою судьбу. Нет ничего случайного и неожиданного в том, что произошло с ним. Это нельзя назвать невезением. Все эти годы он демонстрировал себя на сцене... Что такое танец, как не демонстрация тела? Собственно, он рекламировал себя.

Прислонившись лбом к стене, он почувствовал ее прохладу, но и это не принесло облегчения. Он ощущал себя беспомощным, ни на что не способным и тупым. Заслужил он свою судьбу или нет, хотелось бы знать, какова она, эта судьба. Единственное будущее, которое он видел, - это бесконечное, безысходное настоящее. Он сидел у стены в состоянии, похожем на транс или полусон. Мозг его пребывал в каком-то подвешенном состоянии, будто в голове не действовали законы земного притяжения.

Ему вспомнилось предложение Астрид. Неожиданно он почувствовал, что это ему нравится. Даже если представление будет пародией на танец, он все же будет танцевать. Это отвлечет его, возможно, подтолкнет к каким-то действиям. Он вернулся на свою подстилку. Свернувшись калачиком и подложив руку под голову, он стал обдумывать, что можно было бы станцевать. Все прежнее пришлось сразу же отбросить как не подходящее к случаю. В конце концов, у него есть возможность выразить через танец свое отношение к тому, что с ним произошло. Для этого больше всего подходит что-нибудь классическое, то, что все знают и любят, то, что уже стало своего рода клише. Ему нужно выразить иронию, ощущение парадокса. Ночью он проснулся и понял, что будет танцевать «Лебединое озеро». Уже лет десять он не танцевал классический балет, но «Лебединое озеро» знал достаточно хорошо, поскольку во время учебы в Лондоне ходил почти на все представления этого балета. Больше всего ему подходил третий акт, который часто называют «черным актом». Во втором акте Принц встречает Одетту, которую злые чары превращают в белого лебедя. Только юноша, который полюбит ее, сможет расколдовать Одетту. Принц клянется, что он и есть этот юноша, однако в третьем акте Принц встречает Одилию, черного двойника Одетты. Принц влюбляется в нее, принимая за Одетту, и объявляет о своем намерении жениться на ней, таким образом предав Одетту. Сказанного не вернешь, и балет заканчивается трагически для обоих: Одетта навсегда остается лебедем, а Принц тонет в озере.

Посмотрев на десятиметровую металлическую цепь, лежащую рядом с ним матово-тусклым клубком, он безрадостно улыбнулся. Конечно, придется импровизировать. Многие па будет невозможно исполнить. Получается, что в течение следующих двадцати четырех часов ему предстоит полностью переделать всю хореографию с начала до конца. Зато есть возможность проявить изобретательность.

Это будет очень необычное «Лебединое озеро» - в трактовке, которой никогда никто не видел и больше не увидит.

Особое представление, только на один вечер.

Лебединое озеро в Цепях.

На следующее утро, он начал репетировать, и в процессе работы в голову приходили все новые и новые идеи. Удивительно, но Астрид оказалась права. Она сказала, что цепь станет для него проверкой на изобретательность, так оно и оказалось. Было совершенно очевидно, что некоторые прыжки, такие как double tour en l'air [4], он просто не сможет исполнить, но именно это дало ему возможность проявить себя, изменив одну из самых известных устоявшихся фигур классического балета. Даже Нуриев, ставя «Лебединое озеро» с Фонтейном в 1966 году, не дерзнул вносить свои изменения в четыре пируэта, которыми заканчивается танец Принца в третьем акте. По иронии судьбы цепь дала ему определенную свободу. Она помогла ему внести изменения в танец, стала также некоей метафорой, позволившей ему выстроить свое собственное, личное видение балета. Он по-своему интерпретировал само содержание. Когда Принц исполняет соло после встречи с Одилией - черным лебедем, он выражает в танце свой восторг оттого, что встретил единственную любовь. Но если Принц танцует соло в цепях, тогда его восторг иллюзорен, он находится в двусмысленной, трагикомической ситуации. Нужна собственная интерпретация «Лебединого озера» с новым подтекстом: он покажет и высмеет любовь этой троицы к нему, любовь, которая, вместо того чтобы быть радостью, несет в себе силу разрушения.

В тот день обед ему принесла Гертруд.

- Итак, - произнесла она, ставя возле него поднос с едой, - ты решил танцевать для нас.

Он кивнул:

- Я собираюсь станцевать «Лебединое озеро». Ну, не все, конечно, а только часть.

- Прекрасный выбор. Думаю, нашей публике это очень понравится.

- Мне пришлось внести некоторые изменения - ясно улыбаясь, он поднял с пола цепь.

- Да, - сказала она в легком замешательстве, - конечно. Она с трудом поддерживала этот разговор и явно испытала чувство облегчения, когда он перешел к более практической теме. Если они хотят, чтобы он танцевал для них «Лебединое озеро», то ему нужно послушать музыку.

Днем появилась Астрид со звуковой системой и дисками с «Лебединым озером», записанным в шестидесятых годах Венским филармоническим оркестром под руководством фон Караяна. Установив динамики и подключив проигрыватель, она отступила назад, сложила перед собой руки и пристально уставилась на него. Казалось, он, впрочем как обычно, возбуждает в ней массу различных чувств - враждебность, настороженность, триумф, - которые с трудом сочетались, и потому ее образ всегда виделся ему каким-то размытым, словно не в фокусе. То, как она иногда замирала перед ним, напоминало ему крылья колибри: они как бы застывали в движении, создавая иллюзию неподвижности, которая возникала в результате очень быстрого возбужденного движения.

Наконец она заговорила. По ее мнению, ему не следовало бы давать это оборудование; если он только попробует использовать его в каких-то других целях, кроме прослушивания музыки, то последствия будут очень серьезными. Он кивнул, показывая, что понял. Тогда, почти не меняя интонации, она сказала, что все они с нетерпением ждут его выступления завтра вечером и уверены в большом успехе. Он опять кивнул в надежде, что она уйдет из комнаты. Она еще мгновение пристально смотрела на него, потом повернулась к двери.

Как только дверь за ней закрылась, он поставил диск, увеличил громкость до максимума, сел у стены и стал ждать.

Зазвучала музыка.

Он провел в тишине дни и недели, слыша лишь поскрипывание досок в доме, дрожание стекла в окне люка и шорох женских плащей по полу. Его лишили музыки. Он почти забыл о ее существовании. О силе ее воздействия, силе и мягкости. Пусть это даже «Лебединое озеро», произведение, которое не имело для него большого значения. Он прослушал музыку всего балета, с начала до конца. В полном оцепенении. Обычно музыка оказывала на него немедленное физическое воздействие - он начинал двигаться, иногда даже танцевать, - но только не в тот день. Он оставался в одном положении в течение полутора часов - ноги вытянуты вперед, спина упирается в стену. Когда он поднял руки к лицу, то, к собственному изумлению, понял, что оно мокрое от слез.

Ему трудно было их разглядеть из-за яркого, слепящего света, в кругу которого он стоял. Похоже, что публика состояла как из мужчин, так и из женщин, одетых в вечерние туалеты. Он разглядел на лицах маски, разукрашенные одни блестящими камнями, другие - зелеными перьями. А еще в темноте виднелись белые треугольники накрахмаленных мужских манишек. Больше всего его поразил запах, запретный и будоражащий - аромат молодых весенних листьев с примесью запахов алкоголя, дождя и выхлопных газов. Они принесли этот ночной запах с собой; он пропитал их одежду, кожу, волосы... Кто они, эти тридцать мужчин и женщин? Может, они принадлежат к тайному обществу, объединенные страстью к извращениям, из-за которой в урочные вечера собираются в анонимных домах на окраинах города? А женщины, которые устроили это представление, принадлежат ли они к тому же тайному обществу? Однажды приобщившись, они теперь организуют варварские ритуальные сборища при свечах в погоне за необычным... Он вслушивался в шелест разговоров, ведущихся шепотом. Откуда они все? Кто они? Ясно только одно - это самая необычная публика, перед которой он когда-либо выступал.

Задолго до того, как их ввели в комнату, он уже успел разогреться и был готов к выступлению. Понадобилось еще несколько минут, чтобы шум разговоров затих. Кто-то кашлянул в последний раз. Он глубоко, всей грудью вздохнул, и тут же из динамиков зазвучала музыка третьего акта «Лебединого озера»... Он решил отнестись к этому выступлению так же, как обычно относился к любому своему выступлению - с полной отдачей. Он должен раствориться в танце, если хочет справиться с ситуацией (хотя он все равно не умел танцевать по-другому). Его нагота, на которой настояли женщины, так же как и цепь, должна была стать основной идеей, на которой строился весь танец, смысловым стержнем, без которого это представление не могло сработать.

И кажется, задуманное ему вполне удалось. С первых же моментов, когда музыка начала звучать тихо, печально, в минорном ключе, он использовал цепь, представив, что это - Одилия. Во всех сценах, где предполагалось, что он танцует с Одилией, он танцевал с цепью, поддерживая ее, поднимая, кружась. Этот прием ему удался еще позавчера, во время репетиции; сейчас же, когда он танцевал медленный вальс в *pas de deux* [5], получилось еще лучше. Ему понравилось позвякивание цепи об пол, как будто кто-то потряхивал в руке мелкими монетами, что передавало настроение нетерпения, нервозности и хорошо дополняло музыкальное сопровождение, играя роль ударных инструментов и вводя тему тревоги. Все шло гладко, пока он не начал танцевать соло Принца, которое само по себе было долгим и технически сложным. Хотя он и сократил многие прыжки, все равно приходилось быть очень осторожным, чтобы не зацепиться за цепь и не искалечить себя. Он постарался ввести в хореографию элементы юмора. Например, когда следовало исполнить *grand temps leve* [6], который и так считается одним из самых сложных прыжков, он просто не смог его сделать из-за цепи. Если при исполнении соло он не смог показать свои физические возможности, то вполне преуспел в выражении скорбного пафоса. Цепь стала символом своенравной сексуальности: было совершенно понятно, что, преследуя Одилию, Принц подчиняется примитивным инстинктам. В то же время цепь, сковывающая его движения, служит своего рода предостережением, помогающим ему многое понять. Открой глаза. Это - не любовь. По окончании соло он остановился, тяжело дыша. Теперь он чувствовал, как

физически ослаб. Интересно, заметили ли это зрители? Музыка тем не менее продолжала звучать. Он делал вид, что наблюдает за танцем Одилии - распутные, вызывающие движения победительницы, соблазвившей его. Сработало. Я его заполучила. Он мой. Он поворачивал голову то в одну сторону, то в другую, показывая этим, что в восхищении следит за ее танцем. Затем он исполнил коду, которая напоминала серию цирковых трюков, остановившись только раз - когда Одилия должна была исполнять одну из самых известных частей балета - тридцать два фуэте без остановки. Он протанцевал до того момента, когда Принц понимает, что он обманут, все кончено. Вместо того чтобы выбежать со сцены за кулисы, как это делал Нуриев, он отодвинулся к задней стене сцены, делая медленные пируэты так, что цепь постепенно обвила его тело, и когда прозвучал финальный аккорд, застыл у стены, полностью опутанный цепью. Танец настолько захватил его, что, полностью отдавшись во власть музыки, он ожидал с финальным аккордом увидеть мерцание позолоты балконов и красный бархат театральных кресел. Ему казалось, что вот-вот из темноты зрительного зала на него накатит волна аплодисментов. На самом деле перед ним была голая комната, в которой сидели и аплодировали тридцать человек. Он медленно распутал цепь, взял ее в правую руку, один раз насмешливо поклонился и, повернувшись к ним спиной, отошел в тень.

Было уже поздно, звуковая система и лампы были сняты, стулья собраны и вынесены. Комната опять приобрела свой беспощадно аскетичный вид, хотя он и продолжал ощущать ночной запах весенних листьев и дождя. В течение часа Гертруд делала ему массаж как своего рода поощрение за усердие, который, к его удивлению, был ничем не хуже, чем массаж Хендрика, профессионального массажиста, работавшего с труппой. У нее были сильные пальцы - гораздо сильнее, чем казались, они глубоко прогревали мышцы, снимая напряжение и распространяя блаженный покой по всему телу. Он уже почти задремал, когда до него донеслось ее бормотание:

- Завтра тебя уже здесь не будет.

Ее слова с трудом проникли сквозь его затуманенное сознание и аромат массажного крема. Как их воспринимать? Может, они собираются его убить? Вполне вероятный финал в подобных ситуациях. Его мозг вяло отреагировал на это предположение...

Нет, он, конечно, ослышался. Или она плохо выразила свою мысль по-английски.

- Прости, что ты сказала? - переспросил он.

- Завтра тебя здесь не будет. Ты будешь свободен.

Теперь он уже совсем очнулся, огляделся вокруг, чувствуя, как где-то в горле сильно бьется сердце. - Это шутка?...

- Нет, - сказала она отрешенным тоном, который иногда появлялся у нее. - Это не шутка, - она взяла полотенце и начала вытирать руки.

- Почему? - вырвалось у него. - Почему сейчас? С минуту она молчала, глядя в одну точку.

Это было трудное, но необходимое решение.

- Я ничего не понимаю.

Она взяла массажный крем и полотенце, поднялась и пошла к двери. Он окликнул ее, но она словно не слышала и остановилась только для того, чтобы выключить свет. Его вдруг охватило острое чувство безысходности. Это невозможно, нет, непостижимо, что его просто так отпустят. Без всяких объяснений. Пусть ему объяснят, что с ним произошло. Но кажется, этого не будет, ему не скажут ни слова.

Это необходимое решение.

Он лежал в темноте и напряженно размышлял. Вдруг женщины решили, что держать его дольше взаперти становится опасным? Что их вот-вот разоблачат? В конце концов, они уже устраивали банкет, на котором были гости, а потом еще и это представление перед приглашенными зрителями... Сколько людей его видели за это время? Тридцать? Сорок? Конечно же, рано или поздно тайна его похищения раскроется. У женщин есть только два пути: либо от него избавляются, либо отпускают. Как видно, они выбрали более простой вариант - к счастью для него, но все же...

«Ты будешь свободен».

После всего, что было, в это невозможно поверить.

Он почти боялся этого.

Всю ночь он не сомкнул глаз, расхаживая на цепи взад и вперед и поддерживая ее, как обычно, рукой. Ему почему-то было трудно свыкнуться с предстоящим освобождением, а может, он просто не мог себе этого позволить, страшась разочарования. Мысли путались у него в голове, порождая хаос из разных вариантов... Скорее всего это просто новая, изощренная пытка, которую женщины придумали для него, - теперь они сменили физическое воздействие на психологическое. Да, скорее всего так и есть. Но ведь она объявила об этом с явным сожалением... Он остановился и сел, прислонившись спиной к стене. Потом опять начал ходить. Наконец увидел в окне люка зарождающуюся зарю - легкий розовый мазок на стекле, вытесняющий ночную тьму...

Казалось, прошло всего несколько мгновений с тех пор, как женщина принесла ему кофе и фрукты. Ему было достаточно одного только взгляда на ее руки - сильные, но изящные, с квадратно подпиленными ногтями, - чтобы определить, что перед ним Астрид. Хотя сама она больше не интересовала его. Он пытался заметить какое-нибудь отклонение от привычного распорядка, изменение в ее настроении, хоть что-нибудь, что подсказало бы ему, что они готовятся его выпустить. Ничего.

Вскоре после завтрака дверь распахнулась, и в комнату ворвалась женщина в плаще с капюшоном. Она неуклюже побежала к нему, сотрясая пол. Затем вдруг остановилась на некотором расстоянии от него, как будто вспомнив, что что-то забыла, и решив вернуться. Хотя ее ноги под плащом не были видны, он знал, что колени ее соприкасаются, а носки ботинок повернуты внутрь: Мод.

- Я видела представление, - тихо сказала она.

- Тебе понравилось?

- О да, да. Очень.

- С тобой все в порядке? - он попытался заглянуть ей в глаза. - Они наказали тебя?

Она отвернулась к двери.

- Я должна идти.

Вновь оставшись один, он лег на подстилку. Кажется, Мод не знает о том, что его освобождают. Но это ничего не доказывает. Может, ей и не скажут. Неопределенность мучила его. От недосыпания болели глаза.

Приблизительно в середине дня, когда он задремал, дверь снова открылась и появилась вся троица. Он сел, потер глаза. С утра небо потемнело и в комнате было сумрачно.

К нему подошла Гертруд, в руках она держала его одежду, в которой он был в день похищения. Все было чисто выстирано и аккуратно сложено. Гертруд с помощью Астрид подняла его на ноги, сцепив ему руки за спиной наручниками. Слева стояла Мод со склоненной к плечу головой. Гертруд достала из-под плаща что-то вроде серебряной отмычки и расстегнула защелку на кольце, продетом в его крайнюю плоть. Вынув кольцо, она протянула его Астрид, а та положила его в маленькую черную коробочку, которую принесла с собой в комнату. Он оглядел рваное отверстие в крайней плоти. Заживет ли оно когда-нибудь.

Гертруд начала одевать его, натянув сначала трусы, потом спортивные брюки и носки. Затем надела на него ботинки и завязала шнурки. Отрешенность, в которой она находилась в прошлый вечер, испарилась бесследно. Она все делала быстро, четко, без всяких сантиментов, так что он даже и не думал сопротивляться. Как ребенок, позволил ей одеть себя. Становилось очевидным, что они собираются отпустить его, но все же некая неопределенность витала в комнате, как легкий туман, затрудняющий видимость. Он еще не был до конца уверен, что с ним будет. Боялся произнести хоть слово, стараясь не спугнуть надежду.

Когда Гертруд застегивала пуговицы на его рубашке, он вдруг понял, что у него свободны руки. Он вполне мог протянуть их и схватить ее за шею. Он мог бы придушить ее. Неожиданно она быстро взглянула на него, словно прочитав его мысли. Она была так близко к нему, что он видел небольшое кровоизлияние в ее левом глазу. Он отвернулся. Мгновенный порыв прошел.

Как только его одели, ему предложили на выбор: либо он хорошо себя ведет и они лишь надевают ему на голову колпак, либо делают укол, как раньше, чтобы он отключился. Он выбрал колпак.

Вперед вышла Астрид.

- Все в порядке. Тебе не надо меня предупреждать, - сказал он.

Астрид взяла колпак, а он тем временем бросил последний взгляд на женщин. Так он их и запомнил, как будто на фотографии, застывшими во времени и пространстве: плечом к плечу с Астрид стояла Гертруд со сложенными под грудью руками; слева от нее в глубине комнаты стояла Мод - со склоненной головой, как будто не в силах смотреть на него. Голые, щербатые, пыльные доски пола, освещенные серым светом дня.

Его проводили вниз по двум лестничным пролетам. Вместо того чтобы повернуть вниз направо, в сад, его повели прямо, затем свернули сначала направо, потом налево, и, вместо того чтобы, как он ожидал, выйти наружу, они оказались в просторном внутреннем помещении. Было прохладно, пахло сырой землей и парафином. Наверное, гараж или какой-то склад, подумал он. Слышалось шуршание плащей, ощущалось какое-то движение вокруг него, но никто не произносил ни слова. Раздался звук открываемого ключом замка. Потом его втолкнули в микроавтобус. Он понял, что это микроавтобус, по раздвижной двери и металлическому рифленому полу. Снаружи послышался странный звук, что-то среднее между причитанием и завыванием. Только позже он понял его происхождение, но к тому времени они уже ехали. Конечно, это завывала Мод. Это могла быть только она. Наверное, узнала, что его отпускают, или ей сказали, что она не поедет с ними. Опять ее обидели, отнеслись к ней с пренебрежением.

Ему было трудно сидеть, поддерживая равновесие, из-за скованных за спиной рук. Когда машина тронулась, он завалился на бок, одной из женщин пришлось поддерживать его. Он подумал, что у них, наверное, с собой есть заряженный шприц, так, на всякий случай. Первые минут десять были сплошные повороты и колдобины на дороге. Он подумал, что дорогу,

очевидно, ремонтируют. Затем в течение довольно долгого времени дорога была гладкой и слышался шум оживленного транспортного движения. Наверное, ехали по шоссе. Пару раз он слышал, как женщина, сидящая рядом с ним, что-то прокричала другой, ведущей машину, но из-за ее скороговорки и шума мотора не понял ни слова.

Они въехали в район городской застройки, так, во всяком случае, ему показалось. Почти каждые полминуты машина притормаживала. Очевидно из-за светофоров либо пробок на дорогах. Неужели уже час пик? Хорошо бы определить марку машины по звуку работающего мотора. Он знал людей, которые могли это делать. Но сам он плохо разбирался в машинах...

Наконец после часа езды они остановились. Послышался резкий щелчок ручного тормоза, но мотор продолжал работать. Одна из женщин открыла заднюю дверцу машины. Сначала с него сняли наручники, потом освободили ноги. Хотя у него на голове все еще был колпак, он почувствовал запах выхлопных газов. Ему помогли выбраться из машины, и он понял, что под ногами у него трава.

- Ложись на живот, - сказали ему.

Он выполнил приказ. Снова его охватила мучительная тревога, знакомая по предыдущей ночи - только теперь мысли были еще более пугающими. «Они собираются убить меня. Я умру».

- Начинай считать вслух, - велела женщина, - и не останавливайся, пока не досчитаешь до ста.

Переведя дух, он начал считать. Хлопнула дверца, взревел мотор, и микроавтобус уехал.

Он лежал на траве без движения и считал. Даже когда дошел до ста, побоялся пошевелиться. Долго еще он лежал вот так на траве - с колпаком на голове, всем телом ощущая землю под собой, прижимаясь к ней, как к обломку кораблекрушения в надежде, что его вынесет в безопасное место. Ему даже казалось, что он различает шум, похожий на шум волн.

Наконец он сел, не снимая колпака, выждал некоторое время, прислушиваясь. Шум машин. Вдалеке. Где-то позади него. Он медленно ослабил шнур и стянул с головы колпак. В глаза ударил яркий дневной свет. Он сидел на газоне рядом с тротуаром, над ним - кроны деревьев, а прямо напротив него стоял маленький мальчик лет четырех или пяти. На нем были красные брюки и бледно-голубой жакет. Он стоял сложив ладошки - жест, с которым священники обычно читают проповедь во время службы. Позади мальчика виднелся ряд домов, окна которых выходили во внутренние дворы.

- Не бойся, - обратился он к мальчику по-английски. Мальчик широко раскрыл глаза и выпятил нижнюю губу.

- Все в порядке, - как можно спокойнее сказал он, переходя на голландский, - тебе нечего бояться.

Мальчик бросился бежать вниз по улице, громко крича. Он бежал очень странно, на негнущихся ногах, как марионетка.

Когда мальчик исчез за углом дома, он поднялся. Его глаза все еще с трудом привыкали к дневному свету. Небо было серым, но каким-то странно завораживающим. В лицо ему подул легкий ветерок. Он начал идти по улице, которая выглядела как улица с частными домами и была безлюдной, как будто объявили комендантский час. Может быть, ему это просто казалось из-за того, что кругом было много зелени. А может, таким было его состояние. Слева тянулся небольшой городской сквер с густой зеленью. Дорожка, по которой он шел,

извивалась между деревьев, пробегала мимо пустой деревянной скамейки и терялась среди островков травы, выглядевшей слишком зеленой. За деревьями тускло серебрилась поверхность пруда. Справа от него, на другой стороне улицы, тянулся ряд домов из розоватого кирпича, на два подъезда каждый, с белыми оконными рамами. Из большинства почтовых ящиков торчали газеты, что, учитывая время дня, было необычным. В одном из окон первого этажа он увидел мужчину, сидящего за столом и разгадывающего кроссворд. Он подумал, что если будет сохранять спокойствие и действовать разумно, то все войдет в норму. Все снова встанет на свои места.

Он шел, пока не достиг большого перекрестка, название которого ему показалось знакомым. Наверное, он находится где-то на окраине Амстердама. В одной стороне виднелась эстакада и слышался непрекращающийся, завораживающий шум машин, едущих на большой скорости. В другой стороне он увидел бегущую в его направлении девочку лет восьми с поднятым над головой кулачком, в котором она держала сломанную кассету. Часть пленки размоталась, закрутившись вокруг ее джинсового платья и голых ног. Остальная часть длинной лентой тянулась за девочкой. Она бежала и смеялась. За ней, на некотором расстоянии, он разглядел ряд магазинов. Там можно будет спросить дорогу.

Пришлось выбирать между магазином, торгующим велосипедами, супермаркетом и баром, в окне которого были выставлены маленькие золотые и серебряные спортивные кубки. Он выбрал бар. Женщина за стойкой курила. Ему бросился в глаза красный огонек дымящейся сигареты. Он сел на табурет и заказал кружку пива. Только сейчас он понял, как хотел пить, а пиво было превосходным на вкус. Наверное, самое вкусное пиво, которое он когда-либо пил в своей жизни.

- Замечательное пиво, - сказал он женщине за стойкой. Она молча улыбнулась.

- Далеко отсюда до центра? - спросил он.

- Три километра, - ответила она, - а может, и четыре.

- А как долго это, если идти пешком?

- Полчаса, - сказала она, повертев ладонью, как бы показывая, что это только приблизительно.

У нее были темно-рыжие крашенные волосы и гладкая бледная бородавка на щеке. Он так долго не видел человеческого лица, что не мог отвести от женщины взгляда. На ней был вышитый жакет бирюзового цвета и красно-коричневая юбка. Она заметила его пристальное внимание и тоже стала его разглядывать. Он почувствовал, что должен что-нибудь сказать.

- Сколько с меня за пиво?

- Два семьдесят пять.

Он полез в карман спортивных брюк, подумав, что не знает, есть ли у него деньги. Проверил один карман, потом другой, наконец в застегнутом на молнию заднем кармане нашарил банкноту в десять гульденов. Это были те деньги, которые он взял с собой, когда отправился за сигаретами для Бриджит. Он долго смотрел на банкноту, как будто в ней заключался ответ на вопрос, что с ним произошло. Наконец ему вдруг пришло в голову, что если он сейчас купит сигареты, то это станет естественным завершением цепи событий. Он взглянул на женщину. Она продолжала настороженно разглядывать его. Протянув ей деньги, он спросил:

- У вас здесь есть автомат с сигаретами?

- Позади вас.

Он повернулся кругом на табурете. Автомат стоял у двери в туалет. Сверху его почему-то украшал гипсовый бюст Мерлин Монро.

- Вы не разменяете мне мелочь?

Он бросил в щель монеты, и в металлический лоток вывалилась пачка сигарет.

Уже на улице он засунул сигареты в задний карман брюк. Как только он повернулся спиной к бару, его охватило ощущение, что за ним следят. Он оглянулся. Так и есть.

Кто-то в окне стоял и разглядывал его. Только через несколько секунд он вдруг понял, что смотрит на собственное отражение в стекле. Он подошел и почти вплотную приблизил к стеклу лицо. Сначала никаких особых изменений он не заметил, но сейчас, вблизи, с трудом узнал себя. Он вспомнил, как видел свое отражение в нержавеющей стали наручников, но ему удавалось увидеть только один глаз или часть волос и шеи. Тогда он гадал, настанет ли время, когда он опять станет цельной личностью, не раздробленной на отдельные части. Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как он последний раз видел себя в зеркале? Как долго он отсутствовал?

Отвернувшись, он опять вошел в бар, немного замешкавшись в дверях, не зная, как лучше сформулировать вопрос. Женщина в бирюзовом жакете настороженно смотрела на него, поднеся руку к бледной бородавке на щеке.

- Вы не знаете, какое сегодня число? - спросил он.

- Число? - глаза женщины подозрительно сузились, словно она ожидала какой-нибудь подвох.

Он кивнул, улыбаясь.

- Да, сегодня.

- Четвертое мая.

Четвертое мая. А похитили его шестнадцатого апреля. Значит, он отсутствовал восемнадцать дней.

Восемнадцать дней.

Он поблагодарил женщину и вышел из бара. На этот раз он не оглянулся назад.

Его бросили на окраине Амстердама, в трех с половиной километрах к западу от его квартиры. После покупки пива и сигарет у него не осталось денег на общественный транспорт, пришлось идти пешком. Он хотел пройти это расстояние как можно быстрее, он хотел домой. Бриджит, думал он. Бриджит. Больше в голове не было никаких мыслей.

По мере приближения к дому в нем нарастало радостное возбуждение, близкое к эйфории. И в то же время ему с трудом удавалось не расплакаться.

Минут через двадцать он начал узнавать улицы, по которым шел. Вместе с узнаванием росло нетерпение, невыносимо хотелось как можно быстрее оказаться дома. Вот уже улица Хьюго-де-Гротсплейн, широкий бульвар Нассаукаде... Мимо него на огромной скорости пронесся мотоцикл, издав хриплый чихающий звук. Так, поворот на улицу Литнбансграхт... Выглянуло солнце. Из бара потянуло духами «Женевер», которые отдавали чем-то медицинским...

Теперь он шел по Эгелантирсграхт. На палубах плавучих домов цвели горшки с геранью.

Зелень деревьев казалась более интенсивной, чем он помнил, их колыхающееся отражение в темной воде канала гипнотически завораживало. От всего этого кружилась голова. Головокружение в половине четвертого теплым весенним днем. Подходя к дому, он увидел, что окна на пятом этаже открыты. У него заохлонуло сердце. Возникло глупое желание убежать.

Он вынул ключи, мгновение смотрел на них, затем открыл дверь и вошел в прохладный подъезд. Почтовый ящик был пуст. Он поднялся по лестнице. Желто-коричневый ковер, белые как мел стены. Слабый, сладковатый запах зерна, как будто здание когда-то служило для помола муки.

Тяжело дыша, он взобрался наверх. Кожа под рубашкой была влажной от пота. Вставив ключ в замок, он повернул его. Дверь открылась, издав привычно резкий скрип. Из квартиры на него пахло запахом жилья. Он переступил порог, медленно закрыл за собой дверь. Она стояла в дальнем конце комнаты, поливая цветы...

Она не могла не слышать, как открылась дверь, не могла не понять, что это он, и все же не оставила стеклянный кувшин, который держала, и не подошла к нему. Даже не произнесла ни слова. Не изменив позы, просто стояла, опираясь на левую ногу, всего лишь взглянула через плечо, с выражением настороженности и одновременно сдержанно. Он подумал, что такой позой можно блестяще закончить балет, потому что движение было прервано на середине, потому что ее поза так прекрасна в своей незаконченности. Он мог бы сказать: не двигайся; просто не двигайся, - и попросил бы направить свет софитов прямо на ее фигуру.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я стоял в дверях, опустив руки. Все мое нетерпение и стремительность исчезли, вместо этого меня охватил паралич. Казалось, я превратился в плохую копию себя самого, в деревянного истукана. Потом - почти рефлекторно - я вынул из кармана сигареты, которые купил, и протянул их ей. Она все еще стояла у окна, выходящего на канал. Стеклянный кувшин, который она держала в руках, был наполовину полон воды и сиял божественным серебристым светом, как что-то неземное, но саму Бриджит я почему-то видел с трудом, только размытый силуэт.

- Что это? - спросила она. Я попытался улыбнуться.

- Твои сигареты.

- Это что, шутка?

Как только она произнесла эти слова, во мне что-то обрушилось. Я вернулся мысленно назад, в тот залитый солнечным светом день в студийной столовой. На столе лежит моя открытая тетрадь, стоят пепельница, чашка кофе... Я вспомнил, как Бриджит, одетая в темно-зеленое трико и колготки со спущенными петлями, с бархоткой в волосах, подошла ко мне. Слух все еще сохранил звук ее шагов, легких и в то же время энергичных, а зрительная память - морщинки между бровей, две бороздки - одна в форме запятой, а другая в форме перевернутой запятой... Если она не поняла, почему я купил сигареты, если не помнит, тогда как я смогу объяснить ей все, как смогу даже пытаться?

- Ты бросил меня, - сказала Бриджит.

Она внимательно смотрела на меня через кухонный стол. Вблизи она выглядела невыспавшейся, с темно-коричневыми, как мякоть оливок, кругами под глазами.

- Я не бросал тебя, - запротестовал я. - Как я мог тебя бросить?

- У тебя кто-то появился...

Она отвела глаза, коснулась уголка рта согнутым пальцем. В этот момент она выглядела такой печальной, такой по-настоящему брошенной, что мне захотелось протянуть руку и прижать ее к себе, но остановило ощущение, что она оттолкнет меня. Я отрицательно покачал головой, пристально глядя в стол. С улицы донесся бой часов, пробило шесть. Хотя я был свободен всего три часа, но они мне казались вечностью.

- У тебя кто-то есть, - сказала она, - другая женщина.

- Нет, Бриджит. Никого нет - я поколебался. - Ну...

- Вот видишь? - на ее лице появилось победное выражение, вернее, жалкое и искаженное его подобие.

Она все совершенно неправильно истолковывала, начиная с того самого момента, как я вошел в квартиру. У нее была своя собственная версия того, где я провел эти восемнадцать дней. Я изменил ей, твердила она. Я поставил ее в неловкое положение, предав ее. В мое отсутствие она сделала свои поспешные выводы, в которые теперь верила.

«Ты бросил меня».

Ее уверенность удивила меня. Сам-то не был ни в чем уверен. К тому же - и, очевидно, это оказалось решающим - у меня не было сил опровергать ее. Я внутренне метался и не мог зацепиться ни за одно ясное ощущение.

В какой-то момент я просто скрылся в ванной комнате и набрал полную ванну воды. Все равно мне не удавалось собраться с мыслями. Я отмокал в ванне, пока кожа не покраснела, а на лбу не выступил пот... После этого я собрал в кучу всю одежду, которая была на мне во время похищения, отнес на кухню и выбросил в мусорный мешок, засунул на самое дно, туда, где никто ее не сможет обнаружить. Я слышал, как наверху Бриджит разговаривала по телефону, но не мог разобрать, что она говорила. Я стоял на кухне и смотрел на свои руки, покрытые ошметками салатных листьев и апельсиновой кожуры. Я вдруг осознал, что с завтрака ничего не ел.

Когда несколько минут спустя появилась Бриджит, я уже сидел за столом с бутербродом и стаканом молока. Сам факт, что я ем, казалось, огорчил ее. А обиднее всего для нее было то, что в такой момент я могу быть голодным... Бриджит всегда требовала абсолютной преданности. Если ты живешь с ней, то должен быть неотлучно рядом с ней. Именно так ее нужно было любить, и у меня никогда не возникало с этим проблем. Я всегда хотел быть рядом с ней. На сто процентов. Несмотря ни на что. Когда я исчез, она восприняла это как то, что я ее бросил, то есть исчезновение приравнивалось к измене. Бриджит была таким человеком, который предпочтет поверить во что-то определенное, хотя бы и неприятное, чем жить в состоянии неопределенности или сомнения.

«У тебя кто-то есть».

Каждый раз, когда я пытался разубедить ее, в моей памяти всплывали образы из комнаты - черные капюшоны женщин, их развевающиеся плащи, - затягивающие меня в состояние, похожее на потерю сознания... Я никак не мог заставить себя рассказать ей о том, что произошло. Не мог признаться ей, да и самому себе, в том, что со мной случилось. Мне не

хотелось, чтобы это было правдой. Как только я попытался заговорить, у меня просто отнимался язык.

Наконец в семь часов Бриджит поднялась.

- Мне нужно идти, - сказала она.

Я непроизвольно дернул локтем и задел нож, который упал на пол.

- Куда ты идешь?

- У меня сегодня вечером выступление. Мне через час нужно быть на сцене.

Я встал и неприкаянно стоял, наблюдая, как она сняла пальто с вешалки в коридоре.

- Не забудь разогреться...

Она бросила на меня подозрительный, почти загнанный взгляд, как будто я владел неполюженной мне информацией. Я всегда раньше напоминал ей о том, что нужно разогреться перед выходом на сцену. Это было моим способом пожелать ей успеха. Застегнув пальто, она опять взглянула на меня, на этот раз через плечо.

- Ты будешь здесь, когда я вернусь? Я с удивлением посмотрел на нее.

- Да. Конечно. Где же еще я...

Она кивнула, повернулась и вышла из квартиры.

Изнеможение обрушилось на меня свинцовой тяжестью. Я мог бы уснуть стоя, там же, где стоял. Я боролся со своим состоянием. Всеми силами пытался превозмочь себя. Если я поддамся этому ощущению - значит принимаю все как есть.

Я старался не заснуть, бродя по квартире, переходя из одной комнаты в другую. И не мог избавиться от ощущения, что нахожусь в незнакомом месте, что влез в чужую квартиру и собираюсь что-то украсть. Я чувствовал одновременно раздраженность и отстраненность. Я разглядывал рыбок в аквариуме, экзотические растения на подоконнике, продукты в холодильнике. Открыв шкаф, перебрал всю свою одежду, пересмотрел фотографии, письма... Все, что попадалось мне на глаза, казалось, не имело ко мне никакого отношения, ничего для меня не значило. Даже книга по иконописи, которую подарила мне Бриджит (*Avec mon amour, toujours.* - В.) [7], даже фотография в рамке, на которой мы танцуем вдвоем... Ощущение того, что я забрался в чужой дом, не проходило. Наоборот, оно с каждой минутой нарастало и перешло в чувство, очень похожее на одиночество.

Я поднялся по ступеням и, раздвинув стеклянные двери, вышел на балкон. Сел на стоявший здесь металлический стул. Вечер был холодным и сырым, на город опустился прозрачный туман. Вдали слышался слабый звон церковных колоколов, похожий на перезвон хрустальных колокольчиков. Уличный фонарь внизу отбрасывал мягкий оранжевый свет. Свежий воздух медленно, лениво надвигался на меня, как дикое животное. Я сидел без движения, и через некоторое время ночная прохлада окутала меня и поглотила. Меня бросило в дрожь. Я почувствовал, что наконец осознал себя. Ощутил свои границы, какой объем занимаю в пространстве. Я осознал собственную материальность, и это уже что-то значило.

Вернувшись в комнату, я подготовился ко сну. Зажег свет внизу и в коридоре рядом с ванной комнатой. Мне не хотелось, чтобы Бриджит вернулась в темную квартиру и подумала, будто я ушел. Оставив дверь в спальню приоткрытой, я быстро разделся и юркнул в постель. Отсюда видна была только тонкая полоска света в дальнем конце комнаты. Мне вспомнилось

детство, то, как свет, который вдали казался ярким, тускнел, постепенно поглощаемый моей собственной теплой темнотой. Мои глаза уже начинали закрываться, когда я увидел перед собой маленького мальчика. Я вспомнил его бледно-голубой жакетик и красные брючки; вспомнил, как изменилось его лицо, когда я заговорил с ним, будто его напугал не вид незнакомого мужчины с колпаком на голове, а само обращение к нему, язык, на котором тот заговорил. Я увидел черное отверстие его открытого рта, как он повернулся и побежал по улице, словно заводная игрушка...

Когда Бриджит вернулась, я проснулся, но притворился спящим. Слышно было, как она села на кровать, потом наступила тишина. Наверняка сейчас она смотрит на меня. Я попытался дышать как можно ровнее. Наконец опять движения на кровати - это она улеглась спать и натянула на себя одеяло.

Через некоторое время я опять проснулся, простыня была влажной и скрученной. Справа от меня были два бледных прямоугольника окон, которые показались мне не на своем месте. Окна, которые я помнил, располагались по-другому. Если бы меня спросили, где я нахожусь, то вряд ли мне удалось бы ответить. Я перевернул подушку и некоторое время лежал неподвижно, ожидая, когда биение сердца немного успокоится. Наверное, я опять видел сон о той белой комнате с единственным маленьким окошком в потолке, о том, что опять нахожусь там, а может, я сейчас в родительском доме в Хэмпшире?...

В следующий раз я открыл глаза, услышав, как скрипнула кровать, и увидел, что Бриджит потянулась к будильнику, чтобы его выключить. Опять мне захотелось ощутить ее в своих руках, я уже собирался коснуться ее обнаженной спины, но тут она подалась от меня вперед, и я увидел, как сквозь кожу проступают ее ребра, будто опавшие ветки из-под снега, как движутся лопатки - будто маленькие пластины... Я подождал, когда она взглянет в мою сторону, потом улыбнулся ей. Мне хотелось приободрить ее, дать ей понять, что все будет хорошо. Она делала вид, что ничего не замечает. Наверное, думала, что я пытаюсь завоевать ее доверие, поскольку считала меня виноватым.

Я наблюдал, как она встала с кровати, натянула футболку с названиями латиноамериканских городов, в которых у нас проходили последние гастроли - Сан-Паулу, Каракас, Буэнос-Айрес, - и у меня перед глазами всплыла картина: сумерки, балкон отеля, Бриджит красит ногти на ногах; позади нее простирается необъятное, мягкое небо; ветер настолько теплый, что может высушить мокрые волосы за шестьдесят секунд... Воспоминания были доказательством чего-то очень важного, свидетельством, и мне хотелось все вспомнить для нее:

- Помнишь, когда мы...

Но было слишком поздно, она уже вышла из комнаты. Я слушал, как она открывает и закрывает шкафчики на кухне, зажигает газ, готовит китайский чай. Потом услышал, как набирается в ванне вода. Ее привычный распорядок дня. Я опять откинулся на подушки и закрыл глаза. Я ощущал свое тело как некий физический вес. Моя усталость казалась бесконечной.

Когда в следующий раз я проснулся, Бриджит уже ушла в студию.

На третий вечер после моего возвращения ей не нужно было танцевать в спектакле. Когда она вернулась домой в половине восьмого, я сидел в темноте у окна. Во всем доме напротив горел свет, и в воде канала отражались золотистые огни ярко освещенных комнат. Вода была настолько неподвижной, что отражения огней не шевелились. Тихая ночь в Амстердаме, как будто город находился в вакууме...

Прислонясь к дверному косяку, она наблюдала за мной, сложив руки на груди.

- Тебе, наверное, лучше завтра прийти на репетицию. Я немного подумал и отрицательно

покачал головой:

- Я еще не готов. Мы помолчали.

- Думаю, мне понадобится некоторое время, - сказал я, - чтобы приспособиться.

Я посмотрел на нее. Ее тело, казалось, деформировалось, потом отплыло в сторону, хотя она и не пошевелилась. Я надавил себе пальцами на веки. Вдруг, к своему изумлению, я начал ей рассказывать о том, что со мной произошло.

- Их было трое, я не знаю, кто такие... Они привели меня в комнату... она была белой...

Рассказ получался отрывочным и звучал неубедительно, но я заставил себя продолжать:

- Они делали со мной всякие вещи, которые я не могу описать... Их было трое... три женщины...

Один раз во время рассказа я взглянул на Бриджит. На ее лице было странное выражение жалости - даже не жалости, а грусти и какого-то восхищения, почти благоговейного трепета перед моей попыткой реабилитировать себя. В то же время было совершенно ясно, что она не верит ни единому моему слову. И можно ли ее за это осуждать? Изобретенная ею самой версия моего отсутствия выглядела намного правдоподобней, чем мои объяснения. В отчаянии я расстегнул брюки и показал ей татуировку и шрамы. Она отшатнулась от меня, прижав ко рту ладонь. В ее глазах отразилось страдание и одновременно отвращение. «А как же я? - хотелось мне крикнуть. - Как ты думаешь, я себя чувствую?» Но у меня словно язык отнялся. Как трудно иногда бывает найти правильные слова или вообще хоть какие-то слова...

Получилось, что отметины на моем теле стали не доказательством правдивости моего рассказа, а подтверждением ее правоты: у меня была какая-то интрижка, некая извращенная связь, о которой я, естественно, не мог не солгать. Все это к тому же еще подтвердило то, в чем она всегда подозревала англичан: что отличающая нас сдержанная вежливость - это всего лишь прикрытие для глубоко спрятанной мизантропии, которая тем сильнее, чем лучше скрывается.

На протяжении всего этого вечера я пытался убедить себя, что все еще можно объяснить, если найти правильный подход. Но когда я сказал ей, как сильно соскучился за эти восемнадцать дней, как сильно люблю ее, больше, чем она может себе представить, она в раздражении отвернулась и даже крикнула «Прекрати», - зажав уши.

Как заведенная, она снова и снова возвращалась к одному и тому же. Все спрашивала, кто эта женщина, а я снова отвечал, что не знаю ни одну из троих.

- Не знаешь? - переспрашивала она, стоя передо мной подбоченясь. - Как это ты не знаешь?

Я смотрел в пол.

- Ты даже не знаешь, как ее зовут?

- Все совсем не так, - говорил я.

- А как же?

- Так, как я пытаюсь тебе объяснить.

- Merde, - она зашагала по комнате, - Je ne peux pas croire que tu aies fait ca [8].

- Mais je n'ai rien fait, - пробормотал я. -я ничего не сделал, - я опустил голову на ладони, я почувствовал, как пульсирует под пальцами в висках.

Когда наконец я снова взглянул на нее, то понял, что она приняла решение. Разумеется, сказала она, что после всего случившегося нам надо расстаться. Она не узнаёт меня. Я ее пугаю. Ей придется уйти... Говоря это, она обводила квартиру затравленным, тоскливым взглядом, как будто не могла себе вообразить свою жизнь в другом месте.

- Я люблю тебя, Бриджит, - сказал я. Это ничего не изменило.

Когда я иногда оглядываюсь назад, мне кажется, что все, о чем мы говорили в тот вечер, было бессмысленным. Причины моего отсутствия не имели никакого значения. Значение имело само отсутствие. Я однажды оставил ее одну. Я могу уйти опять. Она больше не могла рассчитывать на меня. Ничего не изменишь. Я нарушил данное ей обещание.

Мне также кажется, что я принял ее интерпретацию событий. Позволил ей поверить в то, во что она хотела поверить. Это избавило меня от необходимости рассказывать свою историю. Позволяло даже притвориться, будто всего этого никогда не было. Или было... Но с кем-то другим, не со мной.

В ту ночь Бриджит ночевала у своей подруги, Фернанды, а я лежал один в нашей двуспальной кровати. В половине четвертого утра я все еще не мог уснуть и лежал с открытыми глазами. В комнате было прохладно, на канале крякали утки. Проехал велосипед, скрипя согнутым крылом.

Немного раньше мне позвонил Стефан, наш фотограф. «Какая-то чертовщина!» - сказал он. В тот день, когда я пропал, он видел меня из окна своей машины. Потом рассказал об этом Бриджит, добавив, что я выглядел очень довольным - это подтвердило подозрения Бриджит в том, что я отправился на встречу с другой женщиной. А тут он услышал, что мы расстаемся...

- Новости быстро распространяются, - пробормотал я.

Он сказал, что чувствует себя причастным и виноватым, Я по возможности деликатно ответил, что он просто преувеличивает свою собственную значимость и что ему следует забыть об этом. К концу телефонного разговора в его голосе явно слышалось облегчение. Он получил то, что ему было нужно -отпущение вины.

Конечно же, я выглядел довольным, думал я потом, лежа в постели. Весеннее солнце, поющий велосипедист в льняном сюртуке - ничто не предвещало никаких перемен. А в тот момент моей жизни мне бы ничего не хотелось изменить, ни за какие богатства. Я выглядел довольным, потому что был счастлив.

Я медленно повернулся в кровати. Тело все еще кое-где болело. Часы пробили четыре. Мне было необходимо услышать чей-нибудь голос, голос другого человека, не мой собственный, который неотвязно звучал у меня в голове. Всю ночь я думал и думал, но так ничего и не придумал.

В половине шестого утра под моими окнами послышался шум мотора проплывающей мимо лодки. Потом пошел дождь. Ровный, серый, предрассветный дождь.

Вскоре я уснул.

Поздним утром того же дня я позвонил Изабель ван Заанен. Мы были знакомы много лет. Именно Изабель уговорила руководство компании устроить мне просмотр, когда мне было семнадцать лет. Именно она, сама будучи уже известным хореографом, посоветовала мне попробовать себя в постановке балетов. Несмотря на разницу в возрасте мы стали хорошими

друзьями. Удалившись от дел, она переехала в местечко Блумендаль, расположенное на побережье в полчаса езды от Амстердама. Она жила в старом особняке, разделенном на несколько отдельных квартир. Однажды мы с Бриджит спали в одной из гостевых спален ее квартиры, и я до сих пор не мог забыть вид на сосновый лес, открывавшийся из окна тыльной стороны дома, и запах ночного воздуха - смесь ароматов сада и моря... Это было волшебное место, существовавшее вне времени и в гармонии с собой.

Во время разговора с Изабель я не упомянул о своем исчезновении. Даже не сказал о том, что мы с Бриджит расстаемся. Просто спросил, могу ли я приехать к ней и побыть у нее немного. Она ответила в своем духе: я могу жить у нее сколько хочу, на самом деле я бы оказал ей услугу, если бы пожил у нее, поскольку она все равно собиралась найти кого-нибудь, кто бы переехал к ней на время, пока она будет преподавать летом в Осло. Это было так похоже на Изабель - проявить щедрость, завуалировав ее собственной выгодой.

Вечером я позвонил Фернанде и поговорил с Бриджит. Сказал, что она может жить в нашей квартире, что ей нужно думать о балете, о своей карьере - словом, о своей жизни. И будет разумнее, если уеду я.

- А как же твоя карьера? - спросила она. В ее голосе звучало странное безразличие, как будто она спрашивала только из вежливости.

Я ответил что-то неопределенное. Когда она поинтересовалась, куда я уйду, я посоветовал ей не беспокоиться об этом.

- А как насчет денег?

Я не понял, что она имела в виду.

- Деньги за аренду, - пояснила она, - я ведь не смогу одна оплачивать всю квартиру.

- А, понятно... - я помедлил. - Тебе придется найти кого-нибудь, кто согласится с тобой жить и платить половину.

Бриджит словно захлебнулась от неожиданности, и я не сразу понял, что она просто затаилась сигаретой. Она часто курила, разговаривая по телефону. При этом держала зажженную сигарету и пачку в одной руке, а телефонную трубку - в другой. Вся история началась из-за того, что у нее вышли все сигареты, и вот теперь, когда все закончилось, Бриджит снова курила. В этом была какая-то четкость и симметрия, почти комичная... Я вслушивался в то, что она говорила.

- Кого-нибудь, кто согласится со мной вместе жить? - ее голос звучал нервозно и встревоженно.

- Это будет не так уж сложно, - сказал я ей, - квартира в хорошем месте.

Я слышал рассуждения о том, что женщина дает мужчине чувство комфорта, но сам не очень-то был с этим знаком. Может, во мне самом чего-то не хватало, может, мешал какой-нибудь мой недостаток. Не знаю. А может, я просто никогда не искал комфорта, не нуждался в нем - по крайней мере до того тихого, серого майского дня, когда я вернулся в нашу квартиру спустя восемнадцать дней...

После этого я стал нуждаться в душевном покое больше, чем в чем-либо еще. Поскольку никто мне не мог его обеспечить, поскольку у меня его не было, душевная тяжесть, чувство стыда и обиды у меня не проходили. Мне не удавалось восстановить связь между жизнью, которая у меня была, и жизнью, которую теперь предстоит вести. Получалось, что у меня есть две отдельные жизни, несовместимые друг с другом как бродячие коты, дерущиеся за одну

территорию. И я чувствовал, что еще немного - и одна из жизней будет побеждена.

Иногда я думал, как все могло бы быть, если бы Бриджит тогда отставила в сторону стеклянный кувшин, который держала, и сказала бы: «Иди сюда». Если бы она взяла мою голову в ладони и прижала ее к своей груди...

Конечно же, это только фантазия.

Бриджит была танцовщицей, художественной натурой. Единственное ее дитя - это ее собственный талант. Нет, во мне не говорит ни язвительность, ни мстительность. Я совсем ее не осуждаю. Это просто факт.

По сути, в наших с ней отношениях был только один человек, способный обеспечить атмосферу комфорта и поддержки, и этим человеком был я сам.

Я почти ничего не взял из квартиры - только свои тетради, несколько фотографий, кое-какую одежду. Часы пробили полдень, когда я шел к своей машине. Погрузив коробки в багажник, я открыл дверцу и сел за руль. В окно машины я видел лодку и мужчину приблизительно моего возраста, сидевшего на крыше кабины и читавшего книгу. У него были спутанные черные волосы и перепачканные машинным маслом темно-зеленые бермуды. Увлеченный книгой, он не замечал, что я наблюдаю за ним. Мимо него прошел на мягких лапах кот, по пути обвив его загорелую ногу хвостом. Солнечный свет заливал воду канала, делая ее совершенно непрозрачной. Вдалеке слышался шум заводимого двигателя, похожий на глухое жужжание сентябрьской осы, бьющейся об окно. Я вставил ключ, чтобы завести машину, но какое-то время медлил, не поворачивая его. Мне хотелось остаться здесь сейчас навсегда. Мужчина, читающий книгу, кот, солнечный свет на воде... Прошла минута, потом другая. Очарование момента не проходило. Я все же завел мотор, переключил скорость и, выехав на улицу, направился в сторону Харлеммервег, откуда, судя по названию, можно было добраться до Харлема, а затем и до побережья...

По дороге я не испытывал ни грусти, ни горечи, ни угрызений совести. Ничего подобного. Вместо этого - состояние парения, как будто после многих дней ощущения собственной тяжести я сейчас почти ничего не весил. Я видел, как по краю дороги колыхались деревья, как их листья серебрились в солнечном свете. Ощущал дуновение прохладного ветерка в окно машины, у которого был легкий привкус соли. Мне удавалось думать лишь о том, что было ясно и понятно, что лежало на освещенной поверхности моего сознания: как только мои мысли проникали куда-то глубже, внутрь, я сталкивался с чем-то глянцево- гладким и вогнутым, там не за что было зацепиться и меня просто беспрепятственно выносило оттуда.

Мне кажется, все танцовщики в какой-то мере склонны к самоанализу. И к тому же им всем присуще тщеславие. Это, как ни странно, часть самокритичности, а самокритичность, если ты танцор, является стержнем твоего искусства, надо просто уметь использовать ее в свою пользу. Если бы вы побывали в нашей с Бриджит квартире, то увидели бы наши с ней фотографии, расставленные повсюду. Это вовсе не проявление эксгибиционизма, а даже если и так, то причиной тому наше искусство, которое состоит в показе себя. Танцоры проводят перед зеркалом гораздо больше времени, чем люди других известных мне профессий. Они изучают каждую частичку своего тела - каждую линию, каждый мускул, каждое сухожилие. Они знают свое тело наизусть, выявляя не только его скрытый потенциал, но и его ограничения и недостатки, чтобы работать над ними. И в этом плане их тщеславие - не что иное, как поиск путей в стремлении к совершенству. Конечно же, некоторые танцоры впадают в крайности. Например, Вивьен. С ней всегда что-нибудь не так - даже не то чтобы не так, а скорее не в порядке. Ее чуткость к своему физическому состоянию настолько развита, что она предчувствует возможные травмы даже тогда, когда они и не происходят. Если вы подойдете к Вивьен с вопросом «Как ты?», то она поймет ваш вопрос буквально. В удачный день она ответит что-нибудь типа «Ничего, выживаю». В другом же случае вам

придется выслушать целую исповедь о ее болезнях. А еще есть Мило - Милодрама, как мы его называем. Он невероятно погружен в себя, что довольно распространено в мире балета, но сейчас я находился вне этого мира, он остался позади, в прошлом. Я освободился от чего-то, что когда-то любил, с чем - или вернее в чем - жил много лет. Это была наконец свобода, которая не имела никаких свойств - ни хороших, ни плохих. Без какой-либо двусмысленности. Свобода, которая может прийти после смерти.

Дом стоял на небольшом взгорке, который Изабель любила называть самой высокой точкой Голландии. Я не сообщил ей, во сколько приеду, поэтому очень удивился, когда, подъезжая к дому по длинной извилистой дороге, увидел ее в воротах сада. Ее можно было безошибочно узнать даже на расстоянии: прямая спина, слегка поднятый подбородок, осанка как у генерала, принимающего военный парад. В тот день на ней было простое белое платье, волосы заколоты в пучок; на серебряной цепочке - темные очки. Я припарковал машину и пошел ей навстречу с букетом тигровых лилий, которые купил по дороге.

- Я услышала дверной звонок, - сказала она, - но там никого не было, - она покачала головой, будто опасаясь, не сходит ли с ума.

- Просто вы услышали его на несколько минут раньше, - ответил я, - только и всего.

Я поцеловал ее три раза, как положено по голландскому обычаю, и протянул ей лилии. Изабель залюбовалась ими.

- Они прелестны, - восхитилась она.

Я не мог сдержать улыбки. Мне так часто доводилось видеть Изабель с букетами цветов - на сцене, в примерных, на презентациях, и принимала она их небрежно, если не с досадой. Но я знал, что это скорее не высокомерие, а, наоборот, особая форма скромности, принижение своей значимости, неизбежная неудовлетворенность тем, что она уже достигла.

Мы вошли в дом. В холле нам встретился коренастый мужчина средних лет, с черными волосами и темными глазами, который открывал конверт костяным ножом. Помню, я обратил внимание, что его костюм был цвета молочного шоколада.

- Изабель... - протянул он, - а я думал, что вы в Осло. Изабель ответила, что уезжает только в пятницу, о чем ему очень хорошо известно; она говорила ему об этом уже сто раз. Мужчина слушал с угрюмым выражением лица, но было видно, что ее реакция забавляет его. Он взглянул сначала на лилии, а потом почему-то не на нее, а на меня. Его взгляд был странно оценивающим, как будто он вспомнил, что слышал обо мне, и теперь примерял, насколько его сведения верны. Изабель представила нас друг другу. Его звали Пол Бутала, и он был ее соседом. Узнав, что я собираюсь провести лето в ее квартире, он предложил как-нибудь вместе поужинать - если, конечно, у меня будет свободное время. Я улыбнулся и поблагодарил его за приглашение.

- Пол одно время торговал бриллиантами, - сообщила мне Изабель, открывая дверь в квартиру. - По-моему, сейчас он отошел от дел, - она вздохнула, что скорее относилось к ее собственному отходу от дел.

Мы сидели на балконе, выходящем во двор, и пили домашний лимонад. Я был уверен, что Изабель заметила ссадины у меня на запястьях, но она ничего не спросила - ни в тот день, ни в какой другой. Даже не упомянула о них. Хотя у меня было впечатление, что если бы я рассказал ей о случившемся, то она бы меня выслушала. Она проработала с танцорами большую часть своей жизни и знала, когда лучше не вмешиваться, а когда надо принять участие.

Таких людей я научился ценить больше всего, людей, которые знали, как себя вести в той

или иной ситуации. Их такт - иногда ведь достаточно легкого прикосновения, благожелательности, - и был для меня проявлением мудрости. Они не родились такими, никто не рождается мудрым. Это качество, зачатки которого нужно найти в себе, а потом постепенно развивать.

В тот вечер Изабель приготовила легкий ужин - феттуччини с грибами и салат из помидоров с листьями базилика. К ужину у нас была бутылка охлажденного белого вина, а после мы выпили по рюмке грушевого ликера, который Изабель приготовила сама. Мы пили кофе и курили египетские сигареты, пахнущие древесной смолой и почему-то косметикой. Она начала курить, когда ей исполнилось шестьдесят. Сигарету она держала горизонтально, между большим и указательным пальцами, что придавало ей вид азартного игрока. Моя голова слегка кружилась от выпитого. Я стал расспрашивать ее о годах молодости, о предвоенных годах. До меня доходили слухи о ее лесбийской интрижке. Будучи замужем за голландским промышленником, она увлеклась украинской прима-балериной. Подробности их связи были таинственными и скандальными.

- Тебя это не так уж и интересует, да? - спросила она, глядя на меня сквозь сигаретный дым, клубящийся перед ней.

Я заверил ее, что мне это интересно.

- Ты надо мной потешаешься, - сказала она.

- Я не смеюсь, - улыбнулся я.

- Самое страшное в старости - это то, что никто больше не хочет слушать твои истории, а у тебя их столько накопилось! - сказала она, закашлявшись. Потом наклонилась вперед и стряхнула пепел в серебряное блюдце.

Таким мне запомнился мой первый вечер в Блумендале - косметический и древесный запахи египетских сигарет, которые она курила, ее рассказ о той истории с балериной.

- Самое удивительное, - говорила Изабель низким голосом с удивленной интонацией, как будто то, что хранилось в тайниках ее памяти, было удивительно ей самой, - у той девушки было родимое пятно на спине, на пояснице. Бледно-розовое, вот такого размера, - она показала на пальцах сантиметра четыре. - И ты знаешь, оно имело форму морского конька... - она остановилась, вспоминая. - Ну совсем как морской конек, - она встряхнула головой и откинулась на спинку стула, ее взгляд был устремлен в темноту за моим плечом.

Гостевая спальня находилась в дальнем конце квартиры, над кабинетом. Мне пришлось подниматься по винтовой железной лестнице, протискиваясь мимо заваленных книгами полок, а потом пробираться на ощупь по темному коридору, настолько узкому, что мои плечи касались стен. Наконец я добрался до двери и, толкнув ее, нашарил справа на стене выключатель. Комната выглядела не совсем так, как я ее помнил. Односпальная металлическая кровать под белым покрывалом выглядела по-спартански, почти как ложе монаха. Куда же делся диван, на котором мы спали с Бриджит? Стены были покрашены в бледно-голубой цвет, а сундук в ногах кровати выглядел так, будто он когда-то принадлежал капитану пиратов и в нем хранились их сокровища. На тумбочке у кровати стояла ваза с ирисами, на полу лежал простой коврик, насыщенная расцветка которого вызывала ассоциации с пустыней Сахара, хотя я там никогда не был. В комнате было только одно окно из двух створок в наклонной стене напротив кровати, которое открывалось наружу, как ставни. Здесь было так тихо, что, казалось, можно слышать движение воздуха.

В тот первый вечер, чувствуя легкое опьянение, я облокотился на подоконник и засмотрелся в черноту леса, которая пульсировала и завихрялась у меня перед глазами. Я думал о бледно-розовом пятне на пояснице у балерины, потом о шраме в виде монеты на бедре

женщины, которую я назвал Астрид. А вскоре я уже ни о чем не думал.

В деревьях шумел ветер, восхитительно пахло сосновыми иголками, соленым морем и сырой землей. Я спал крепко и без сновидений.

Проснулся я в десять часов следующего утра и увидел на полу тонкую полоску солнечного света, похожую на неизвестно как попавший сюда металлический прут. Я все еще был в полусне, и мне казалось, что это своего рода предостережение о том, что мне следует быть осторожным. В окружающем меня мире много оврагов и ущелий, куда можно бесследно провалиться. Если я не буду осторожен, то могу споткнуться и упасть в одно из них.

Через четыре дня после моего приезда Изабель уехала в Осло. Ее не ожидалось до начала сентября. Теперь вся квартира была в моем распоряжении. Что я делал в те первые недели? Наверное, то, что делал, когда был ребенком. По утрам загорал на балконе, придвинув к уху транзисторный приемник, или лежал на софе и читал книги. Потом отправлялся на долгие прогулки в лес или в дюны. Мне никогда раньше не приходилось изучать голландское взморье - на это не было времени, и я быстро полюбил его широкие, открытые ветрам пляжи, его малопримечательные пейзажи. Днем я спал в своей бледно-голубой комнате с открытым окном. До меня доносились разные звуки: машины, едущие на низкой скорости в гору, голоса в саду, шум летящего высоко в небе самолета... По крайней мере раз в день я ехал на машине к морю и плавал -обычно перед завтраком или поздно вечером, когда вокруг почти никого не было. В то время я сделал для себя открытие, что ничего не хочу иметь общего с людьми. Не хочу, чтобы меня кто-нибудь видел.

И как ни странно, я принял приглашение Пола Буталы на ужин. Плотным телосложением и блестящими черными усами Бутала больше походил на мексиканца, чем на голландца. У него были большие, глубоко посаженные глаза с тяжелыми веками. Он изучал меня со скучающим, усталым видом, от которого мне было не по себе. Несмотря на это, я ужинаю! с ним несколько раз за то лето. Он жил на первом этаже дома, в квартире, в которую можно было с трудом попасть: либо - если маршрутом внутри дома - по запутанным коридорам и лестницам, либо с внешней стороны, пробираясь через огородные грядки, заросли крапивы и заброшенный яблоневый сад. В темных комнатах этой квартиры, завешанной гравюрами и гобеленами, он рассказывал мне о своих путешествиях, финансовых сделках, махинациях (причем его откровения как-то не вязались с окружающей обстановкой - я скорее ожидал бы услышать что-нибудь таинственное и загадочное). Обычно я сидел у окна на софе, обтянутой коричневым бархатом, и, расслабившись, часами слушал его, совершенно забывая о своем собственном существовании.

У него были очень белые белки глаз, слишком белые, и неприятная манера поглаживать усы. Сначала он прижимал два пальца к верхней губе, потом пальцы расходились в форме V. Этот жест настолько бросался в глаза, что иногда почему-то казался неким сигналом, который он подает мне и на который я должен как-то ответить. Как и Изабель, он меня ни о чем не расспрашивал, и через некоторое время до меня дошло, что Изабель могла просто попросить его составить мне компанию. Временами у меня было ощущение, что соседей попросили быть со мной любезными, и даже те люди, которых я совсем не знал, были доброжелательны ко мне. При этом мне казалось, что рано или поздно я устану от их подчеркнутой внимательности.

Лето было очень жарким, самым жарким за много лет. Мое тело постепенно темнело от загара. Я наблюдал, как оно выздоравливает. По вечерам я сидел на балконе с открытыми стеклянными дверями, в гостиной за моей спиной горели свечи на дубовом столе, а я слушал музыку Малера, Пуччини, Баха на старомодном проигрывателе Изабель. Пламя свечей беспокойно дрожало в темном воздухе, заброшенный сад оживал и наполнялся шорохами и тенями. Иногда раздавался телефонный звонок - наивно, почти отчаянно нетерпеливый. Если я отвечал, то всегда спрашивали Изабель. Но я не чувствовал себя брошенным. И

несчастливым себя тоже не чувствовал. Такие слова, как счастье или несчастье, просто были ко мне неприменимы.

Наступил день моего тридцатилетия - и прошел, никак не отмеченный. Вечером я позвонил родителям в Англию. Последний раз я разговаривал с ними в день моего освобождения. Голос матери испуганно дрожал. Я сказал ей, что вышло много шума из ничего. Меня просто потянуло ненадолго уехать, вот и все. Побывать одному, подумать (мне казалось, она должна была в это поверить - в возрасте тринадцати-четырнадцати лет я иногда уезжал на велосипеде в полночь в Нью-Форест, а она ждала меня на кухне, страшно волнуясь). Мне было трудно лгать ей именно потому, что я помнил ее появление в той белой комнате в моих видениях, помнил, как она кружилась в развевающейся юбке в потоке лунного света. Даже сейчас мне было трудно убедить себя, что она ничего не знает о происшедшем.

- С днем рождения, дорогой, - сказала мама. - Как ты там?

- Все хорошо, все в порядке.

- Ты что-нибудь устраиваешь сегодня?

- Да нет, ничего особенного.

Я ясно представил ее у телефона. Она всегда прижимала трубку к уху с таким усердием, что это напоминало мне процесс приклеивания отбитой ручки к глиняному кувшину.

Оказывается, она пыталась дозвониться до меня раньше, но никто не отвечал. Я больше не живу в той квартире, сказал я, уехал оттуда на некоторое время. И дал ей номер телефона Изабель.

- У тебя точно все в порядке? - опять спросила мама.

- Да, все хорошо.

Тридцать лет, подумал я. В голове у меня было пусто. На сердце тоже. Мы поговорили еще минут пять - десять, сначала об отце, который слишком много работает (отец занимался поставкой промышленных пылесосов крупным предпринимателям), затем о моем брате, который обещал приехать домой на Рождество. Мама спросила меня, когда я собираюсь навестить их, и я сказал, что скоро, хотя на самом деле так не думал.

Потом, после телефонного разговора, я поехал на машине к морю. Около километра прошелся по твердому песку, потом повернул в дюны. Пока я не мог ехать в Англию - еще нет. Мне не удалось бы сбросить это с себя. Я любил своих родителей, всегда любил, но тут они ни в чем не смогли бы мне помочь.

Временами, когда с наступлением темноты зеленые доски пола в квартире Изабель становились почти черными, а пламя свечей колебалось в прохладном воздухе, движущемся по комнате, я поворачивался к телефону, приютившемуся на круглом деревянном столике в углу, и думал о том, чтобы позвонить Бриджит. Но, не успев даже отказаться от этой идеи, я понял, что память сыграла со мной забавную шутку - я забыл номер телефона, номер, который был моим на протяжении семи лет.

Иногда, когда я меньше всего этого ожидал, передо мной всплывал образ белой стены с кольцами, скобами и крючками или обнаженной женщины, на которой не было ничего, кроме алого колпака. Это все было похоже на историю, услышанную мной от третьих лиц, случившуюся с кем-то другим, с незнакомцем, кого я никогда не увижу, и тем не менее, когда передо мной всплывали эти образы, меня обдавало жаром, а сердце начинало так сильно колотиться, что его звук был похож на звук кувалды, которой со всего размаху бьют по

чему-то гулкому.

Однажды вечером я был в гостях у Пола Буталы и, рассматривая картины на стенах гостиной, натолкнулся на черно-белую фотографию в рамке, изображавшую обнаженного японца в набедренной повязке, лежащего на кушетке; все его тело было покрыто татуировкой.

- Вам нравится?

Я резко обернулся. Бутала смешивал для себя коктейль, наблюдая за мной из дальнего, неосвященного конца комнаты.

- Занятно, - сказал я.

- Я сделал эту фотографию в Иокогаме больше тридцати лет тому назад...

Он принялся рассказывать одну из своих очередных историй, в которой, если память мне не изменяет, были: корейский транссексуал, поножовщина и лодка, полная наркотиков.

- У вас-то ведь нет татуировки, я полагаю, - сказал он с некоторым заведомым разочарованием.

- Нет, - покачал я головой и невольно поежился от своей лжи.

- В чем дело? - спросил Бутала, все еще с интересом наблюдавший за мной, теперь уже в коричневом кожаном кресле у камина. На дне его бокала, как драгоценный камень, поблескивала темная вишня от коктейля.

- Ничего, - ответил я, - я просто подумал кое о ком, об одном приятеле.

Позже, уже в квартире Изабель, я разделся перед зеркалом в ванной и рассмотрел себя. Отметины на запястьях и щиколотках давно сошли, но татуировка, грубо процарапанная Мод, все так же виднелась на коже. Заявленное ею право на свою собственность...

На следующее утро я поехал на вокзал в Блумендаль и купил билет до Амстердама. Сделав пересадку в Харлеме, я сел у окна вагона и стал смотреть на пронесившийся мимо ровный зеленый пейзаж. Я отсутствовал два месяца, но казалось, что гораздо дольше. Внутри у меня вдруг все сжалось, и чтобы отвлечься, я достал из кармана тетрадь, которую захватил с собой. За завтраком я выписал из телефонного справочника Амстердама названия салонов татуировок вместе с адресами. Я открыл тетрадь и просмотрел весь список, стараясь выбрать салон посолидней. Конечно же, мне это не удалось. Наконец я выбрал один наугад, только потому, что знал улицу, на которой он находился. Опять взглянув в окно, я увидел пронесившиеся мимо многоквартирные дома, раскрашенные унылыми желтыми, красными и голубыми квадратами. Окраина города.

Я вышел из Центрального вокзала, прошел мимо подозрительных типов, слонявшихся у телефонов-автоматов, стоянки с длинной шеренгой велосипедов, пересек невзрачный широкий пустырь за трамваями и направился к району Зедиейк. Мне всегда нравился этот район красных фонарей в дневное время, особенно когда светило солнце - вялое, сонное состояние улиц, блеклых без неоновых огней, и то здесь, то там спешащая на работу сильно накрашенная девица на невероятно высоких каблуках. Странно, но этот мир был привлекательным для меня только потому, что слишком отличался от моей собственной жизни. Своего рода наивное, романтическое восприятие неиспытанного, непознанного. Однако теперь все изменилось. Вид женщины, одетой в латекс, показался мне слишком знакомым, чем-то узнаваемым, поэтому я ускорил шаг, опустив голову и глубоко засунув руки в карманы.

Дверь в студию тату была наполовину открыта, изнутри доносилась громкая ритмичная

музыка. Окно с затененным стеклом не позволяло заглянуть в салон. С минуту я поколебался, стараясь оценить, что за место я выбрал, затем вошел внутрь. За конторкой сидел мужчина в черной кожаной жилетке и читал газету. Он наклонился над ней, положил обнаженные руки по обоим ее краям, будто охранял ее. Видна была только его макушка с блеклыми волнистыми волосами, завитки которых напоминали рисунок на ракушке улитки. Вряд ли из-за грома музыки он слышал, как я вошел, - очевидно, просто почувствовал мое присутствие, потому что поднял голову, взглянул на меня и приглушил звук. Я объяснил, что у меня татуировка, от которой мне хотелось бы избавиться. Он спросил, в каком месте. Я указал через одежду. Отодвинув газету в сторону, он откинулся на стуле. Раньше от татуировки не удавалось избавиться годами, сказал мне он, если не применить скальпель. Необходимо было буквально снять три или четыре слоя кожи. Да, сказал он, увидев выражение моего лица, это был единственный способ. Он потянулся за сигаретами, закурил и протянул мне пачку. Я покачал головой. Удаление татуировки, продолжал он, означало хирургическое вмешательство. Потом, в семидесятых годах, стали применять кислоту. Но применение кислоты было болезненным и до конца не сводило татуировку.

- Сейчас есть лазеры - ну и стало гораздо легче...

- Лазеры? - спросил я, - а как это действует?

- Лазер разрушает клетки, которые составляют тату, и чернила растворяются. Конечно, остается шрам, - он замолчал, передернув плечами.

- Можно это сделать сегодня?

Он положил сигарету в пепельницу.

- Покажите татуировку.

Я расстегнул брюки и немного приспустил их, чтобы он мог видеть.

- Вы хотите удалить это? Я кивнул.

- Неудивительно, - он вскинул на меня глаза. - Вы сами это сделали?

- Нет, не сам.

Он откинулся на стуле, все еще глядя на меня.

- О'кей, понимаю.

На его лице появилась легкая усмешка, а я подумал: что это, интересно, ему понятно?

Позже, когда он уже работал над моей татуировкой, я вдруг почувствовал, как содрогнулась комната. Не глядя на меня, он пояснил, что это метро, под зданием проехал поезд. Он продолжал что-то говорить, но я его не слушал. Вспомнился тот день, когда меня выпустили подышать свежим воздухом и я услышал вдали шум проходящего поезда, стук колес, замедляющих движение, как будто состав подходил к станции. А еще звон церковных колоколов...

Железнодорожная станция, церковь - это были координаты, по которым, возможно, только возможно, я найду тот дом, где меня держали в заточении.

На протяжении следующих нескольких недель я методично обходил улицы Амстердама, район за районом. И с каждым днем все больше выдыхался и разочаровывался. Польза от этих координат оказалась не такой уж большой. На карте обнаружилось слишком много мест с железнодорожными станциями по соседству с церквями. Город начал меня раздражать.

Мне казалось, что дома, выстроившиеся вдоль каналов, - это вовсе не дома, а декорации фасадов, сделанные из ярко раскрашенного картона, так же как и знаменитые горбатые мостики, они тоже имели только два измерения. Стоит протянуть руку, и всю конструкцию можно опрокинуть. Только одно место притягивало меня, заставляя возвращаться опять и опять, и мне трудно было объяснить почему. Оно располагалось на востоке, недалеко от Мейдерпорта. Там в основном жили иммигранты из Марокко, Турции, Суринама. На подоконниках можно было видеть пустые бутылки из-под пива, придерживающие створки окон, чтобы не закрылись; окон, на которых вместо традиционных голландских тюлевых занавесок висели шторы из деревянных бус или разноцветных полиэтиленовых полосок. В кафе, куда я зашел, чтобы попить, толпились чернокожие женщины в коротких кожаных юбках и темных очках. Снаружи, на дереве, стоящем рядом, гроздьями повисла дюжина детей, напоминая стаю птиц или связки плодов. Одна из улиц шла параллельно железной дороге, которая постепенно поднималась над улицей и переходила на набережную. Тяжеловесный перестук колес был слышен в разбросанных вокруг переулках. В районе было три церкви, и все располагались в пределах слышимости от железной дороги. Я обнаружил два или три места, в которых сочетание звуков от идущего поезда и звона церковных колоколов казалось мне знакомым. Но что делать дальше, как сузить круг поисков?

Я в задумчивости стоял на тротуаре, когда меня кто-то тронул за локоть. Я обернулся и увидел стоявшего рядом молодого мужчину, похожего, турка, с двухдневной щетиной и скорбным выражением рта.

- Zoeken? [9] - спросил он, затем перешел на английский: -Вы что-то ищете?

Я колебался. Мне было трудно объяснить.

- Это Яваплейн, - сказал он, обводя вокруг рукой, причем его ладонь была повернута вверх, а пальцы слегка согнуты.

- Я знаю, спасибо, - ответил я.

Мужчина сильнее сжал мне локоть и озабоченно заглянул в лицо. Он хотел мне помочь, а я не давал ему такой возможности.

- Я ищу трех женщин, - неожиданно сказал я.

Он провел ладонью по губам и заросшему щетиной подбородку - послышался звук, похожий на чирканье спички о коробок.

- Женщин? - переспросил он. -Да.

Он еще мгновение смотрел на меня, теперь уже настороженно, потом махнул рукой, как бы отпуская меня, и ушел. Но наверное, он все же в некотором роде помог мне. Дал мне подсказку, с которой можно было работать. Я начал стучать в двери домов.

Сначала я попал на негритянку лет шестидесяти. Она приоткрыла входную дверь и выглянула в образовавшуюся щель. У нее были волосы странного оранжево-золотистого цвета, скорее всего парик.

- Я ищу трех женщин, - сказал я, - которые живут в этом доме.

Женщина пристально смотрела на меня, слегка покачивая головой.

- Возможно, они не живут вместе, - продолжал я, - возможно, они просто друзья. Вы никого похожего не видели?

Женщина продолжала смотреть на меня, но дверь стала прикрываться.

- Три голландские женщины, - повторил я.

Женщина медленно закрыла дверь, словно не хотела проявить грубость.

Затем я спрашивал старика в кофте. Нет, он ничего не знает. Совсем ничего. У меня сложилось впечатление, что он даже не выслушал мой вопрос. На другой улице дверь открыл марокканец. Он не понял, о чем я спрашиваю, даже когда я заговорил по-французски. Два часа спустя я говорил с молодой женщиной, державшей на руках ребенка. Прежде чем я закончил фразу о трех женщинах, она заподозрила во мне переодетого полицейского. Когда я стал это отрицать, она назвала меня лжецом. Тогда я понял, что поведение молодого турка было типичной реакцией на подозрительного типа, за которого меня принимали все, к кому я обращался.

Последней каплей, которая заставила меня прекратить мое расследование, стал разговор, состоявшийся на улице, выходящей на железную дорогу. Я позвонил в дверь, и на тротуар выскочил здоровенный белый мужчина, одетый в шелковую рубашку и выцветшие джинсы. Он распахнул дверь так, будто она была быком, которого он пытался прижать к земле. У него было красное лицо, и он тяжело дышал. Из глубины дома слышались громкие голоса.

- Wat moet je? [10] - спросил он.

Я стал спрашивать о трех голландках.

Он оглядел улицу, посмотрев сначала в одну сторону, потом в другую, затем его багровое лицо придвинулось вплотную к моему.

- «Rot op». - Когда я заколебался, он почти навалился на меня. - Ben je doof? Rot op! [11]

У меня не было другого выбора, кроме как повернуться и пойти восвояси. Дойдя до угла улицы, я оглянулся через плечо. Он стоял и смотрел мне вслед.

Странно, что на той же неделе я познакомился с мистером Олсеном. Пол Бутала устраивал небольшую вечеринку с коктейлем по случаю своего дня рождения (никто толком не знал, сколько Бутале лет, а он предпочитал не просвещать нас на этот счет), и Олсен оказался одним из пятнадцати или двадцати приглашенных гостей. Когда я увидел его, он стоял у окна с кружкой пива, на нем был зеленовато-коричневый шерстяной свитер. Приветливое, слегка помятое лицо, волнистые волосы припорошены сединой. На вид ему было лет пятьдесят. Большинство гостей выглядели довольно экзотично - один прохаживался в темно-бордовом бархатном пиджаке с желтой розой в петлице; другой стоял, опираясь на книжные полки, в узком черном костюме с черной сорочкой; род их занятий, если они вообще чем-то занимались, также казался таинственным и экзотичным, совсем как прошлые Буталы. Олсен выделялся из них, потому что выглядел слишком обыкновенно. В тот момент я, конечно, не имел понятия, что он работает mjeugdpolitie, филиал голландской полиции, специализирующийся на таких преступлениях, как жестокое обращение с детьми и с женщинами. Если бы меня спросили, какова, по моему мнению, его профессия, то я бы сказал, что он похож на директора школы. Я подошел и представился. Олсен был датчанином из Архуса, но последние десять лет он жил в Голландии. Тогда мы с ним в этом похожи, сказал я ему. В уголках его глаз собрались морщинки, он поднял свою кружку с пивом и выпил. Мы также оба знали Изабель. Ему довелось встречаться с ней несколько раз через Пола Буталу. Он сказал, что она произвела на него очень сильное впечатление, не только своей элегантностью, но и самодисциплиной. Возможно, подобно большинству людей, он не понимал, что балет невыносим без полной самоотдачи и тяжелого труда. Я спросил его, чем он зарабатывает себе на жизнь. Его ответ удивил меня, и, желая узнать побольше, я начал его расспрашивать. В какой-то момент разговора он затронул тему нераскрытых преступлений, и особенно преступлений, которые никогда не будут раскрыты только потому, что о них никто никогда не заявлял. Он назвал такие преступления «темными случаями», - я

запомнил эту фразу. Наверное, я выпил слишком много коктейлей в тот вечер - признаться, я никогда не умел пить, - потому-то и намекнул ему, что мне известен один такой случай. Если его это и заинтересовало, то он не подал виду. Не нахохлился, не приподнял удивленно брови, как сделали бы на его месте другие. Нет, это был не его стиль. Он просто пристально посмотрел на меня своими внимательными, серыми глазами через край пивной кружки. Я объяснил, что говорю о моем друге, мужчине, которого похитили несколько женщин и держали взаперти восемнадцать дней. Олсен немного помолчал, а потом рассмеялся и сказал: «Это ужасно».

Я никому еще не рассказывал свою историю, но предвидел именно такую реакцию. К тому же я вдруг понял, что тоже смеюсь. Через несколько минут я сказал Олсену, что мне нужно еще выпить. Оказалось, он тоже допил свое пиво и хотел бы повторить. Взяв и его кружку, я вышел из комнаты. В холле я минуту поколебался потом поставил обе склянки на столик, открыл входную дверь и вышел из квартиры, притворив ее за собой.

Ночь была туманной, похожей скорее на октябрьскую, чем на июльскую. Я застегнул пиджак, поднял воротник и направился напрямую через сад. За последние несколько лет сад зарос, за ним не ухаживали, в нем не было тропинок, и во многих местах трава доходила до пояса. Я осторожно пробирался между деревьев и вдруг почувствовал, что наступил на яблоко, очевидно полугнилое, которое расплющилось под моим весом.

Выйдя на дорогу, я повернул налево, прочь от дома, и пошел вниз под гору. Рассеянный свет уличного фонаря, шум проезжающего мимо велосипеда... Почему я так неожиданно ушел из гостей? Хотел ли я, чтобы реакция Олсена была другой, чтобы его поразило услышанное? Или просто я уже сказал столько, сколько мог сказать?

У подножия холма я остановился возле ворот, за которыми лежал небольшой водоем. Я смотрел на плоскую поверхность воды, и на меня спускалась тишина. Из тумана выплыла весельная лодка, направляясь в мою сторону. На веслах, подавшись вперед, сидел мужчина в островерхой шапке. Слышался легкий плеск весел о воду...

Наверное, причиной моего внезапного ухода было потрясение, которое я сам испытал, упомянув о моем случае. Ночью, уже лежа в кровати, я содрогнулся при мысли о том, что был так близок к признанию - и к тому же еще полицейскому! Я вспомнил его смех, потом свой собственный. Вспомнил, как он сказал: «Это ужасно». Все же было что-то слишком поверхностное в том разговоре, чего я не ожидал.

На следующий день я извинился перед Полом Буталой за то, что ушел не попрощавшись. Он улыбнулся и сказал:

- Ну, мы ведь еще снова увидимся.

Если бы я в тот момент знал, что произойдет через две недели, то подумал бы, что он искушает судьбу.

Лето заканчивалось. Однажды теплым августовским вечером я сидел в квартире Буталы, слушая его очередную историю. Он рассказывал о том, как стал обладателем зажигалки. Это была необыкновенная зажигалка, сделанная из стали, двадцати сантиметров высотой. Она изображала сидящую черную пантеру с глазами из настоящих бриллиантов.

Бутала как раз описывал место и время действия - ночной клуб в городе Дурбане, 1962 год, - когда я невольно заулыбался. Он оборвал свой рассказ, вопросительно подняв бровь, и потянулся за коктейлем. Манжета его рубашки казалась настолько пронзительно белой в полумраке комнаты, что мне представилось, будто она движется отдельно от его руки, как самостоятельный предмет.

- Чему вы улыбаетесь? - спросил он.

- Я решил вырвать страницу из вашей книги [12] - улыбка моя стала еще шире. И почему мне так хотелось употреблять разные устаревшие английские поговорки в разговоре с иностранцами? Я помедлил, а потом пояснил: - Иными словами, решил отправиться в путешествие.

В то утро случилось нечто необычное. Когда я спустился вниз, почту уже принесли. Сначала я увидел открытку, которая выглядела вполне обыкновенно - изображение картины норвежского художника говорило о том, что это от Изабель, - но когда я взял открытку, то увидел под ней письмо от моей матери. В этом тоже не было ничего необычного: она часто писала мне о домашних новостях. Я быстро пробежал глазами послание от Изабель. «В Норвегии слишком светло, - жаловалась она. - И как только здесь кто-нибудь спит?» Потом я распечатал письмо. Прочитав его один раз, я подумал, что не совсем правильно понял содержание. Медленно снова перечитал. Потом вышел на веранду, сел и долго смотрел на сосновый лес. В начале этого месяца умер мой двоюродный дед и оставил мне по завещанию примерно шестьдесят тысяч фунтов.

Я рассказал об утреннем письме Бутале, и он внимательно меня выслушал, сложив на коленях руки и не спуская с меня пристального взгляда своих темных глаз. До того как он начал описывать город Дурбан, продолжал я, еще было неясно, что делать с этими деньгами. Хотя сразу же, как получил письмо, я раздумывал над этим. Но теперь благодаря ему понял.

Бутала особенно не удивился ни свалившимся на меня деньгам, ни моему решению отправиться в путешествие, хотя, казалось, что-то его вдруг насторожило. Он втянул голову в плечи и поглубже втиснулся в свое кожаное кресло.

- Вы были близки со своим двоюродным дедом? - спросил он.

- Нет, отнюдь, - ответил я. - Мы встречались-то всего один раз в жизни. Около пяти лет назад. Он приехал в Седларс-Уэллс повидаться со мной, - я помолчал. - Он жил в Канаде.

Бутала кивнул, глядя на меня.

- Он, должно быть, благоволил к вам.

- Странно, - продолжал я, - а ведь меня как раз начал беспокоить вопрос денег. Теперь, когда я больше не танцую...

Мы замолчали. Слышались скрипы в доме, шум мелкого дождя в листве за окном. Казалось, что в комнате потемнело. Впервые я произнес это вслух, впервые признался, что с балетом покончено. Слова прозвучали как-то скомканно, неестественно, как будто их произнес посредственный актер.

Бутала взял со стола свой стакан. Со сжатыми губами он пристально наблюдал, как со дна на поверхность поднимаются тоненькой цепочкой пузырьки воздуха. Наконец заговорил, спросив меня, куда я собираюсь поехать. Да куда угодно, ответил я. Мне хочется побывать всюду.

Бутала ухмыльнулся, потом сделал глоток.

- Вы не пожалеете об этом.

Он поставил стакан на стол, и, откинувшись назад, поднял два пальца правой руки к лицу и разгладил свои усы. Я уже привык к этому жесту, но при данных обстоятельствах он приобрел определенное значение. Мне показалось, что Бутала одобрил мое решение, как бы благословив меня без слов.

Перед отъездом, конечно, следовало повидать родителей. Я чувствовал себя не совсем готовым к этому, но все равно на выходные вылетел в Англию. Когда самолет снижался над Лондоном, в иллюминаторе промелькнули серые облака и стекло царапнул дождь. Хотя был еще август, во всех зданиях аэропорта горели огни. Под хмурым небом блестел черный и скользкий асфальт.

В поезде до Хэмпшира я думал о странной дружбе с Буталой. Мы с ним виделись один или два раза в неделю, но ведь я пи с кем больше не общался. Он стал своего рода точкой опоры в моей хрупкой новой жизни. И поэтому я чувствовал себя перед ним в долгу.

Я повернулся к окну. Дождь все еще шел. В конце поля под деревом стояла белая лошадь. Голова ее с гладкой матовой гривой была опущена. Я улыбнулся, вспомнив, как однажды Бутала говорил мне о красоте кожи у англичан и что это, должно быть, своего рода компенсация за ужасный климат.

Когда поезд подъехал к станции, я вовсе не удивился, что меня никто не встречает. Отец еще на работе, а мать никогда и никуда не приходила вовремя. Я сидел на лавочке и читал книгу, когда через двадцать минут она въехала на стоянку. Мы обнялись у машины, я поцеловал ее в щеку, втянув в себя знакомый запах - немного театральный, восковой запах губной помады и мокрых от дождя темно-каштановых волос, которые она красила, чтобы скрыть седину. Она стала извиняться за опоздание. Долго ли мне пришлось ждать? Я улыбнулся ей:

- Только что приехал.

- Ты здесь сидишь уже сто лет - она виновато улыбнулась. - Я знаю.

Я положил сумку в багажник и сел в машину. Прежде чем завести двигатель, она повернулась ко мне:

- Ты замечательно выглядишь.

Интонация выдавала ее, наверняка она ожидала, что выгляжу я ужасно, но я притворился, что ничего не заметил, и через минуту она наклонилась ко мне и любовно тронула за плечо:

- Как хорошо, что ты приехал.

Мои родители были женаты уже тридцать пять лет и чувствовали себя хорошо вдвоем. Они до сих пор заставляли друг друга смеяться и, похоже, все еще занимались любовью. Однако в те выходные мне показалось, что их что-то беспокоит. Они все не могли угомониться, как дети в конце долгого дня. Мой отец все предлагал разные развлечения на свежем воздухе - пикники, прогулки, турпоходы, - и это несмотря на то что дождь лил как никогда. Позже они устанут и усмирят свой пыл. Может быть, тогда... Моя мать носилась по комнатам, будто постоянно куда-то опаздывала и выбивалась из распорядка, который, кроме нее, больше никто не мог понять. Один раз я стал ходить за ней просто из чистого любопытства. Сначала она побежала с мокрой тряпкой в гараж и принялась обтирать бутылки с домашним фруктовым соком, которые хранила на полке над морозильником. Через сутки после приезда я догадался, что такое поведение моих родителей вовсе не необычно. Наверное, они всегда были такими, просто я изменился. Казалось, они постоянно стремятся к получению какого-то результата, но никогда не успевают его достичь.

Только в понедельник наконец наступило относительное спокойствие, Дождь прекратился, и ночь была теплой и влажной. Мы вынесли во двор стулья, сидели и пили чай, на наши лица из окна кухни падал отсвет люминесцентных ламп. Я откинулся назад, заложив руки за голову, и засмотрелся в небо. Через девять дней я буду лететь в самолете... Никакого радостного возбуждения по этому поводу я не чувствовал, было только осознание того, что все решено и иначе быть не может.

- Мать говорит, что ты собираешься отправиться в путешествие, - заговорил отец после недолгого молчания.

- Да, собираюсь, - кивнул я.

- Это необходимо?

Я вопросительно посмотрел на него.

- А как же твоя карьера? - спросил он уже напрямик.

Я был готов к этому. Заготовленная мной версия была убедительной и почти правдивой.

Я сказал, что мне уже тридцать лет и приходится считаться с тем фактом, что карьера моя близится к концу - карьера танцовщика, во всяком случае, на протяжении многих лет я работал по двенадцать часов в день почти без перерывов и выходных. К тому же у меня проблемы со спиной. Я наклонился вперед, зная, как отец любит всякие конкретные подробности. У меня жесткий, негибкий позвоночник, сказал я. Из-за постоянных прыжков у меня развился spondylolisthesis. А по-простому, у меня смещение пятого позвонка в области поясницы. Физиотерапевт нашей труппы предупредил, что если я буду продолжать танцевать, то рискую заполучить сильнейшие боли в пояснице и, возможно, инвалидность. К счастью, у меня есть хореография, которой я и буду заниматься после того, как вернусь из поездки. Мне стало немного не по себе от собственных слов, потому что до настоящего времени я даже не задумывался, что буду делать потом.

Отец медленно провел рукой по редющим волосам.

- А Бриджит? - спросил он. - Она едет с тобой?

Бриджит... Я вспомнил, какой видел ее в последний раз, затравленный, тоскливый взгляд, которым она обводила квартиру. Я не могу жить здесь, только не так...

- Она остается в Амстердаме, - сказал я. - Она танцует. Отец, поджав нижнюю губу, кивнул и в то же время повел плечами, будто ему стало холодно. Он всячески одобрял мои отношения с Бриджит. Во-первых, она была наполовину француженкой, а мой отец всегда любил Францию (когда я был ребенком, мы часто садились на паром и потом ехали на машине в Бретань, Дордонь или Лангедок). К тому же она была хорошенькой, что тоже говорило в ее пользу, а еще у нее было нечто, что делало ее в глазах отца просто красавицей, - он называл это «душа». Он потянулся за чашкой, отпил чаю. Похоже, он будет скучать по Бриджит.

- А куда же ты поедешь? - спросила мать.

- Сначала в Мексику, - ответил я.

- В Мексику! - она восторженно рассмеялась, а затем опустила взгляд, уставившись куда-то в колени, и покачала головой.

В доме рядом соседи открыли все окна и громко включили телевизор. Послышалась музыка, которой начиналась программа вечерних новостей.

- Береги себя, ладно? - сказала мать.

- Конечно.

Отец кашлянул и, глядя в ночную темноту сада, протянул:

- Знаешь, мы ведь волнуемся за тебя...

- Я очень люблю вас обоих, - сказал я.

По возвращении в Голландию все закрутилось. Оставалось меньше недели до моего отъезда, и вдруг обнаружилось, что нужно переделать тысячу дел. К счастью, моя жизнь была устроена так, что не слишком уж много набралось людей, с которыми следовало попрощаться. В среду я позвонил по телефону Изабель в Осло, поделился своими планами. Она сказала, что возвращается не раньше чем на второй неделе сентября, и это означало, что мы разминемся всего на несколько дней. Меня будет ждать моя комната, когда я надумаю вернуться. Я стал было благодарить ее за доброту, но она, как всегда, отмахнулась.

- Любой сделал бы то же самое, - нетерпеливо заявила она. Впервые она, пусть и невольно, упомянула тот факт, что я попал в беду.

В одну из моих многочисленных поездок в Амстердам я встретился со Стефаном Элмерсом. Он был очень оживлен в тот день, потому что переезжал в дом по улице Принсенграхт, который подыскал для него отец, торговец недвижимостью. Стефан собирался сдавать половину дома, а во второй половине жить сам. Эта новость напомнила мне последний разговор с Бриджит, и я, не подумав, спросил:

- А Бриджит нашла кого-нибудь в свою квартиру? Стефан отвел глаза и провел рукой по своим вьющимся темно-каштановым волосам:

- Жан-Клод поселился с ней.

Жан-Клод был танцовщиком нашей труппы, да еще и французом из Парижа. Все устраивалось как нельзя лучше. Я не мог понять, почему Стефан чувствует себя неловко.

Потом вдруг понял.

- А, ясно, - протянул я.

Я уставился в окно кафе, глядя, как какая-то женщина запирает на замок свой велосипед, привязанный цепью к фонарному столбу, но перед моими глазами стоял образ Жан-Клода: неизменное кожаное пальто, черные волосы, зачесанные так, чтобы оттенялись тонкие черты лица. Вспомнилось, как у него из кармана высыпалась мелочь и покатила по всему полу, когда он делал *double tour en Pair* [13] в репетиционном зале студии...

- Наверное, мне не стоило тебе говорить об этом, - сказал Стефан.

Я повернулся к нему.

- Что? Нет, все в порядке, - рассмеялся я, потом резко сглотнул и отвел глаза.

Вот у нее и другой, новый - Жан-Клод! - мужчина в ее жизни. Меня так легко было заменить. Сколько же балетов я поставил для нее и, наверное, продолжал бы ставить все новые, только чтобы видеть ее сияющее лицо, когда я показывал новые па, только чтобы видеть, как ее тело начинало преображаться согласно тому образу, который я для нее придумывал... Я водил пальцем по краю стола, туда-сюда, туда-сюда. Мужчины как таковые занимали второстепенное место в ее жизни. Конечно, ей нужно было, чтобы кто-нибудь был рядом, на кого она могла бы положиться. Но самым важным для нее было искусство. Только оно что-то значило. А любовником мог быть кто угодно.

Я взглянул через стол на Стефана. У него был виноватый вид.

- Все в порядке, Стефан - я положил свою ладонь ему на руку. - Это не твоя вина.

Когда мы прощались, я пообещал не пропадать, где бы ни очутился. Я уже уходил, когда

услышал, что он окликнул меня. Остановившись, я обернулся. Он стоял на тротуаре с поднятыми над головой руками, полы его пиджака поднялись и выглядели как плохо прилаженные, квелые крылья. Он махал мне обеими руками.

- Удачи тебе, - кричал он. - Bon voyage! [14]

Потом был Пол Бутала. В последний вечер он пригласил меня к себе на прощальный ужин. Пока он отлучался за кофе и ликерами, я выложил на стол сверток, который потихоньку принес с собой.

- В благодарность за вашу доброту, - сказал я.

Он широко раскрыл глаза и, склонившись над свертком, начал быстро, с каким-то азартным нетерпением, которого я не ожидал от него, разрывать бумагу. Я откинулся на стуле и с улыбкой наблюдал, как его руки нащупали атлас, который я купил неделю назад проездом в Лондоне, самый большой, какой только смог найти.

- Необыкновенно! - воскликнул он с восторгом. - Такой подробный!

- Когда я буду присылать вам открытки из разных экзотических мест, вы сможете посмотреть, где точно они находятся, - сказал я.

Он взглянул на меня своими темными глазами, в которых светилось лукавство:

- И кто знает, может быть, я даже присоединюсь к вам.

Я улетал в Мехико в среду, рейсом в десять тридцать утра, поэтому завел будильник. Проснулся я гораздо раньше звонка и какое-то время стоял у окна спальни, выходящего в сад. Можно было разглядеть каждую ветку, каждый лист на дереве, каждый стебелек травы - все было четким и ясным, где-то в глубине леса раздавались трели какой-то птицы, которые повторялись с определенными интервалами. Меня охватило незнакомое ранее ощущение опустошенности, которая была сродни печали. Я думал о том, вернусь ли я когда-нибудь снова в этот дом, проведу ли я еще хотя бы одну ночь в этой комнате с бледно-голубыми стенами и монашеской кроватью...

В тот момент у меня не было никаких целей, никаких задач. Все, что я себе наметил, - это приблизительный маршрут, который мог измениться в любое мгновение. Я ничего не искал, меньше всего себя. И в то же время не убегал от себя, понимая, что не смогу избавиться от своей памяти, которая всегда будет со мной, хочу я этого или нет. Путешествие не было решением проблемы, оно было просто подвернувшейся возможностью. И если бы меня спросили в то утро о цели путешествия, я бы ответил, что представилась возможность и я ею пользуюсь. Вряд ли я смог бы добавить к этому что-нибудь еще.

Из Мексики я поехал в Гватемалу. Из Гватемалы в Гондурас. Из Гондураса я отправился на пароходе в Коста-Рику, затем на восток, в Панаму. В Панаме я работал гидом, водил экскурсии в джунгли, на озеро Алажуэла. Американец, который нанял меня, звал меня почему-то Марк, а я не поправлял его, перемена имени меня вполне устраивала... Я прожил в Панаме около трех месяцев и двинулся дальше, по Южной Америке. В конце концов, у меня было достаточно денег; я просто разъезжал.

В Венесуэле я спал с француженкой по имени Моник. Именно «спал». Мы ни разу не занимались любовью. Как только она разделась в комнате отеля в Каракасе и я увидел позади нее белую стену, все мое тело покрылось потом настолько, что на простынях появились темные круги. Меня вдруг скрутило и вырвало.

- Что случилось? - спросила она, удивленно округлив глаза. - С тобой что-то не в порядке?

Не желая ее обидеть, я сказал, что утром выпил сладкий тростниковый напиток со льдом, и лед, наверное, оказался грязным. Она мне поверила. Как только она вышла, чтобы купить мне кока-колы, я быстро уложил сумку и выехал из отеля.

С тех пор я избегал подобных ситуаций.

По иронии судьбы моя теперешняя жизнь была, несмотря на полную свободу и независимость, самой изолированной, замкнутой жизнью, которая у меня когда-нибудь была. Я стал тайной для всех. Откуда я появился? Почему путешествую один? Какая у меня профессия? Иногда у меня появлялось ощущение, что обо мне сочиняют разные истории. Но ни одна выдуманная история и в подметки не годилась тому, что произошло со мной на самом деле. Часть моих воспоминаний была глубоко заперта во мне, даже от самого себя. Никто не сможет заглянуть туда.

Никто не догадается о правде.

У них не хватит на это воображения.

Прошло три года. Я побывал везде, как и обещал Полу Бутале. В Занзибаре ел рыбу джалфрези в ресторане, устроенном на крыше, а над головой, как опавшие листья, кружились летучие мыши. С палубы грузового корабля, идущего из Уджунг-Панданга в Сурабаю, я наблюдал заход солнца. В Сан-Луисе, в подвале бара, наполненном ямайской музыкой, я пил кампиринью [15]... Иногда, не отдавая себе отчета, я называл себя именем, которое дал мне американец. Таким образом я сохранял свое инкогнито. А еще потому, что я к нему привык. Мои волосы выгорели от солнца и соленой воды, и впервые в жизни у меня появился загар. Я похудел, потеряв почти семь килограммов после нескольких приступов диареи. Порой я вспоминал, как стоял перед тем баром в день освобождения, глядя на свое отражение в окне и не узнавая себя. Теперь я понимал, что это был определяющий момент. Со времени пребывания в белой комнате во мне начало что-то меняться. Выцветшие волосы, загар - это только поверхностные изменения. Гораздо важнее стала перемена моего отношения к собственному телу. Отношение изменилось коренным образом. Я был в хорошей физической форме - много ходил и плавал, как только появлялась возможность, но это была не выматывающая, постоянная физическая нагрузка, к которой я с годами привык. Мое тело перестало быть для меня главной целью жизни, инструментом, посредством которого я выражал себя, в результате чего моя жизнь потеряла одну из своих основных целей. Переезжая с места на место, я не расставался со странным, необычным чувством спокойствия. Я размышлял о древних битвах, бродя по полям прежних сражений с траншеями и рывинами, заросшими травкой и полевыми цветами; о заброшенных зданиях фабрик и заводов, покрытых ржавчиной, в которых поселились птицы. Бродить среди развалин и слушать, как тихо свистит ветер и гремит где-то отломанная железка, а над головой раскинулось голубое небо... Временами я казался себе чужим в собственном теле. Как будто меня отделили от себя самого. Я мог идти по улице среди бела дня и, хотя сознавал, что под ногами у меня твердая земля, вдруг ощущал, что падаю с высоты. Оба этих ощущения случались одновременно, и оба воспринимались как реальность. В такие моменты прохожие могли наблюдать мужчину, который разговаривал сам с собой в отчаянной попытке сохранить рассудок.

Итак, что же я запомнил из тех лет, которые провел в разъездах? В основном тихие мгновения, чаще всего посвященные размышлениям.

Река Меконг, четыре тридцать утра... Помню, что рано проснулся, оделся еще в темноте. Маленькая гостиница, в которой я остановился, располагалась на краю деревни, рядом с проселочной дорогой из красной глины. Это было двухэтажное строение из бамбука, и всякий раз, когда я переставлял ноги, все сооружение, казалось, ходило ходуном. Со всех сторон слышалось похрапывание, от этого темнота казалась дремотно-уютной. Мужчина на

соседней кровати глубоко вдохнул, будто собирался что-то сказать, по потом резко выдохнул и перевернулся на другой бок, опустив руку так, что ладонь почти касалась пола. Я потихоньку спустился вниз, стараясь не шуметь, будто хотел уйти не заплатив.

На улице уже занимался белесый рассвет цвета старого канцелярского клея. На полях и над рекой висели сгустки тумана, похожие на привидения. Деревья только что начали выступать из темного плена джунглей; можно было видеть их стволы в виде чередующихся серых и черных полос. Где-то резко и упоенно кукарекал петух. С тех пор крик петуха напоминает мне о Юго-Восточной Азии, хотя впервые я услышал его в Англии или во Франции, еще в детстве. Этот хриплый петушиный крик как-то не гармонировал с сонной томностью раннего утра. А еще этот запах, сладковато-приторный, густой, похожий на аромат лилий... Даже в пять часов утра уже не было ощущения свежести, только чувство оживания. У меня было впечатление, что дни не сменяют друг друга, а длится один и тот же долгий день, который периодически накаляется.

Странное у меня было состояние... Как будто это место пыталось заговорить со мной. Посмотри, говорило оно, вот каким ты стал. А мимо проезжали на велосипедах люди, улыбаясь и кивая мне...

Я просидел на траве почти час, глядя на реку. На правом берегу вились поднимающиеся над джунглями дымки. Там был Лаос. В тот год иностранцам был запрещен въезд в страну, а все запрещенное очень заманчиво - что там, за стеной из зарослей джунглей, там, где струится и уплывает вдаль голубой дым...

Вот каким ты стал.

Внизу, у реки, виднелись вытащенные на берег лодки, которые упирались в черные, мокрые корни деревьев, торчавшие из воды. Лодки были узкие, с загнутыми носами, и походили на высушенные стручки гороха или пластины древесной коры. Красоту этих форм подчеркивал фон светлеющего неба в преддверии начинающегося дня...

В какой-то момент я почувствовал, что границы моего тела растворяются. Я становился деревом, из которого сделаны лодки, водой в реке, причем одно плавно переходило в другое, без всяких препятствий и ограничений. Я весь существовал во всем и в то же время меня не существовало. Удивительное чувство необыкновенного облегчения охватило меня в этот миг. Я избавился от себя самого, хотя бы и на какое-то мгновение.

Меконг, Чанг-Шен.

Это был один из тех моментов, когда я понял природу и всю тяжесть того, что я носил в себе.

Что еще запомнилось мне? Все и ничего. Со мной так много всего произошло, что в конце концов я уже ничего не мог больше воспринимать (хотя, если вы читали мои открытки, которые я посылал, у вас могло сложиться другое мнение, и это понятно - для друзей я старался как можно красочнее описывать всякие детали). Если бы какой-нибудь попутчик спросил меня, как там на Сулавеси или в Бутане, то я, конечно, описал бы все в превосходной степени. Невероятно, фантастически, великолепно. Я стал одним из тех людей, которых когда-то сам не мог понять - они везде побывали, но ничего не могли рассказать. Мне встречались такие люди, когда мы с Бриджит ездили в отпуск. У нас было на отдых всего две недели, а они путешествовали постоянно. И ничего толком не могли рассказать о своих поездках. Я тогда думал, какой интерес путешествовать, если не можешь поделиться своими впечатлениями. А вот теперь, когда отсчет моего собственного путешествия перешел с месяцев на годы, я начал их понимать. Впечатлений накапливается так много, ты ими так переполнен, что создается противоположное ощущение - будто ты опустошен внутри. Вот таким образом воздействует избыток впечатлений. Мозг может переработать только определенное количество информации... Опустошенность - вот результат, по крайней мере

для меня.

Сначала я вошел в это состояние неосознанно, а потом начал осваиваться в нем. Перестал вести дневник, убрал фотоаппарат. Путешествовал почти совсем налегке. Ничего не возил с собой, ничего не хранил. Именно этого я и хотел. Освободиться от собственного тела - кожи, крови, костей... души. Полностью раствориться в том, на что я в данный момент смотрю.

Никаких целей. Никаких приключений.

Движение.

Ощущение корабля, поезда, автобуса... Движение на каждом виде транспорта сопровождается своим ритуалом, своим ритмом. Желательно знать пункт назначения, потому что он заменяет цель. Да и служит ответом на наиболее вероятный вопрос. Движение стало смыслом моего существования. Движение ради движения. Кажется, кто-то писал о важности ничегонеделания. Сейчас большинство людей забыло об этом искусстве, ну а я решил возродить его. Искусство ничего не делать. Я растворяюсь в смене пейзажей, через которые проезжаю. Буквально становлюсь частью их. Вливаюсь в них, растворяюсь. Исчезаю.

А разве это в конечном счете не сделка со смертью? Смерть лежит в основе всех страданий. Смерть заставляет нас оправдывать свое существование, верить в Бога.

Без всего этого я мог прекрасно обойтись.

Просто ничего не делать. Что бы ни случилось. Как будет, так будет.

Наверное, так не могло продолжаться бесконечно. Кто знает. Скорее всего я дошел бы до той границы, за которой человек полностью себя теряет. Я совершенно не знал, куда ведет дорога, которую избрал. В то же время и не мог себе представить, какое стечение обстоятельств заставило бы меня вернуться домой...

После трех лет странствий я оказался в деревушке Ловина на северном побережье острова Бали. Я арендовал там обычную бамбуковую хижину с маленькой террасой, выходящей на море, и скрипучей двуспальной кроватью. В хижине пахло кокосовым молоком, средством от москитов и жесткой травой, которую здесь запихивали в матрасы вместо пружин. Ночью пальмовые листья шелестели на ветру, который дул со стороны острова Ява. На завтрак у меня был кофе «Нескафе» и плоды папайи, потом я обычно гулял по берегу, плавал, лежал в гамаке, читал. По вечерам встречался с одним немцем, таксистом из Мюнхена, сейчас не смогу даже вспомнить его имя. Мы вместе пили пиво, и я, бывало, наблюдал, как он курит местную травку и у него краснеют глаза. Это было очень тихое местечко, пожалуй, одно из самых тихих, какие мне довелось посетить. И я подумывал о том, чтобы задержаться здесь на неделю-другую, перед тем как отправиться на Ломбок, Флорес, Амбон...

Я никогда не был на этих островах. Однажды после купания я зашел в бар выпить. За столом из тростника сидели три белые девушки, одетые в саронги. Я поздоровался, и мы разговорились. Как обычно в беседе между путешественниками, они спросили меня, откуда я приехал. Я сказал, что я англичанин, но последние десять лет жил в Голландии. Оказалось, что они голландки. Две из них жили в Амстердаме, а третья - в Гааге. Выяснилось, что все мы бывали в одном и том же кафе в районе Йордан. Мы вполне могли быть там в одно и то же время, не подозревая об этом.

- Какое совпадение, - сказала самая светловолосая из них, которую звали Саския.

Вдруг меня как током ударило.

Три голландские девушки.

На мгновение бар исчез, а мое тело стало невесомым как воздух. Я не чувствовал под собой ног. Заметили ли девушки изменение, произошедшее во мне? Возможно, нет. Они путешествовали всего лишь три недели, и все еще смотрели по сторонам восторженными глазами новичков.

Когда меня отпустило, я слабо улыбнулся.

- Да, - сказал я, - действительно совпадение.

Сначала я переспал с Саскией, которая была посмелее остальных. Однажды днем мы стояли в моей хижине друг против друга, почти касаясь бедрами. В прорези опущенных жалюзи задувал ветер.

- Ты разденешь меня? - спросила она. - Я люблю, когда меня раздевают.

Когда я приподнял края майки, высвобождая ее грудь, я думал о женщинах в белой комнате. В моей памяти всплывали детали их тел - шрам в форме монеты, темно-рыжие волосы на лобке, родинка... Не отводя глаз от Саскии, я бросил ее майку на кровать. У нее не было родинок. Я опустился на колени и расслабил ее саронг. Как только саронг соскользнул к ногам, я провел руками по ее бедрам. Никакого шрама. Я прижал ее к себе и уткнулся лицом в волосы на лобке, которые были темно-русого цвета...

После того, что случилось со мной в Каракасе, можно было предположить, что у меня будут проблемы на нервной почве, но нет - ничего такого не произошло. К моему большому удивлению, секс с Саскией оказался чем-то естественным и не стоил мне никаких усилий. Как будто так было предначертано. Все, казалось, прошло гладко из-за того, что существовала некая связь с тремя похитившими меня женщинам. Как будто, установив эту зависимость, я сумел заземлиться.

На протяжении последующих десяти дней я переспал со всеми тремя девушками. Я уже знал, что они не те три женщины из комнаты, но все равно мне нужно было увидеть их обнаженными и тщательно исследовать их тела. Просто на всякий случай.

Все они говорили, что я занимаюсь с ними любовью очень необычно. Самая стеснительная, Камизель, сказала, что у меня холодная, отстраненная манера; она чувствует себя со мной зажатой, словно ее разглядывают в микроскоп. Остальные две казались необычайно польщенными, принимая мое пристальное внимание к их телам за слепое обожание...

Ловину я покинул неожиданно. В тот день девушки уехали на экскурсию в горную деревню. Я оставил у них под дверью записку, в которой написал что-то вроде: «Может быть, увидимся в Голландии», - и даже не оставил своего адреса, впрочем, его у меня и не было. Я отправился на юг, в Денпасар, где купил билет до Амстердама...

Как ни странно, примерно через год я и впрямь столкнулся с одной из девушек. Я только что пообедал с Полом Буталой в «Американском отеле» и уже переходил через Лейдсеплейн, когда кто-то окликнул меня. Я обернулся и увидел ее, уже без загара, но такую же светловолосую и стройную.

- Саския, - проговорил я.

Мы поцеловали друг друга в щеку. Она, казалось, обрадовалась, что я не забыл ее и вспомнил ее имя.

- Когда ты вернулся? - спросила она.

- Я здесь уже довольно долго, - улыбнулся я.

- Правда? А я думала, что ты никогда не вернешься назад. Она стояла передо мной в замшевом коричневом пиджаке и джинсах, прямые светлые волосы падали на плечи. Возможно, ей показалось, что существует какая-то связь между нашей встречей на пляже в Ловине и моим решением вернуться в Амстердам. На ее лице появилось выражение, свойственное голландкам, в котором сквозило желание и доступность. Она даже вздрогнула, когда я быстро свернул разговор, даже не спросив ее номер телефона. Мне она была уже не нужна, так как я обследовал ее тело и знал, что она ни при чем. Разве я мог объяснить ей все это? Просто солгал, что живу с подругой и что очень счастлив с ней. Саския погрузилась, глаза ее увлажнились. Она сказала, что хотела бы найти зрелого, порядочного мужчину, который бы ей не изменял, кого-то, похожего на меня. Если бы она только знала, подумал я.

Когда несколько минут спустя я начал с ней прощаться, она прижалась ко мне и медленно поцеловала в губы. Потом отстранилась и, улыбаясь, пошла прочь, так и не узнав, какое сильное воздействие она и ее подруги оказали на меня. Я наблюдал, как колыхались на спине коричневого замшевого пиджака ее светлые волосы, как она шла по направлению к Лейдсетрат. Внезапно я почувствовал себя старым и отяжелевшим.

Теплым серым днем в начале августа я прилетел в Шифол прямым рейсом с острова Бали. Перелет занял тринадцать часов, и я почти не спал. Пройдя через чистые залы аэропорта, заполненные пассажирами, я отметил для себя необычайный порядок, четкость и целенаправленную устремленность во всем, что происходило вокруг. Не сталкиваясь ни с чем похожим уже на протяжении многих месяцев, я был заражен апатией, и теперь лишний раз порадовался тому, что Стефан предложил меня встретить.

Я звонил ему еще из Денпасара, спрашивал, не знает ли он места, где бы можно было остановиться по приезде. Выяснилось, что мне повезло - он все еще занимает два нижних этажа в доме на Принсенграхт, а квартира в мансарде свободна. Его отец все равно хотел найти жильцов в эту квартиру, так что все устраивается как нельзя лучше. От него я узнал новости. Он больше не работает фотографом в балетных труппах, делает теперь портреты для журналов и газет, так что потерял связь с Бриджит. Наверное, он просто хотел меня успокоить, обнадежить - мол, живя в доме на Принсенграхт, я не буду видеть ее, что, конечно, было для меня облегчением, но и, как ни странно, некоторым разочарованием.

Я увидел его сразу же, как прошел таможню. Он стоял сбоку от меня, его темно-каштановые волосы, как всегда, были спутаны, а крючковатый нос целился в потолок, потому что, задрвав голову, он изучал табло прилетов на мониторе. Я подошел и положил руку ему на плечо. Он вздрогнул. Мы оба рассмеялись и обнялись.

- Хорошо, что ты пришел, - сказал я.

Он отступил назад и одобрительно кивнул, рассматривая меня:

- Ты великолепно выглядишь.

- Стефан, просто меня долго не было, только и всего.

- Нет, правда, - сказал он, - ты выглядишь, ну не знаю, знаменитостью.

Это было как раз то, чем я больше, конечно, не был. Он отвел глаза, очевидно, поняв, что сказал бестактность, и подхватил мой рюкзак.

- Это все твои вещи? Я кивнул.

Он покачал головой, как будто я его огорчил, потом взял меня под руку и повел к стоянке машин. Хотя я не знал, о чем с ним говорить, но в его присутствии испытывал облегчение.

Когда мы уже выехали на шоссе, он сказал:

- Тебе, наверное, все это уже непривычно - он кивнул в сторону окна, за которым тянулись серо-зеленые поля, и добавил: - Все это.

- Непривычнее, чем тебе кажется, - ответил я.

Я проспал почти два дня. На третье утро после завтрака я сел за маленький столик у окна. Я ощущал себя вне реальности, как будто не проделал долгий путь в Амстердам, а был просто помещен сюда. Пока я спал, погода изменилась к лучшему. Теплый ветерок врывается в комнату, на фоне бледно-голубого неба лениво покачивались деревья. Если выглянуть из окна, можно увидеть проплывающие мимо экскурсионные катера со стеклянными крышами и тянущийся за ними белый пенный след на воде канала. Где-то там, в городе, были три женщины, которые продержали меня в заточении восемнадцать дней...

В те дни я внимательно за ними наблюдал и мог точно отличить их друг от друга, особенно когда они появлялись обнаженными. У меня вообще хорошая память на человеческие тела - в конце концов, они служили мне заготовкой, вдохновением, - но спустя все эти годы, смогу ли я вспомнить их? Я представил себе женщин, одну за другой. Сначала Гертруд, одетая в плащ с капюшоном. В ее движениях - четкость, самообладание, чувство собственной значимости. Что-то от судьбы. Хотя, когда она впервые, после банкета, предстала обнаженной, я увидел, что ее тело совсем не тяжелое и не полное, как можно было ожидать, но, насколько помнится, крепкое, ладное, с неестественно белой кожей, почти прозрачной... А потом то мгновение, когда ее рыжий волосок плавно опускается на пол...

Следующей вспомнилась Астрид, в сапогах с узкими носами и высокими тонкими каблуками. У нее было тело, о котором грезят многие мужчины - грудь, бедра, щелка, подобная экзотической раковине... Я пытался вспомнить у нее какой-нибудь дефект, примечу, но вспомнил только лишь шрам на бедре, размером с монету. А когда закрыл глаза, то увидел ее пальцы, тонкие и изящные, с прямо подпиленными ногтями... А Мод? Возможно, с ней было проще всего. Я представил ее себе всю целиком. В ней ощущалось что-то неуклюжее и в то же время привлекательное. У нее были опущенные плечи, носки ботинок всегда повернуты внутрь. Справа от пупка у нее темнела аккуратная родинка. Что еще? Она грызла ногти. Грудь у нее была непропорционально маленькой. Я все еще слышал ее упрямый голос: «Мое тело не возбуждает тебя...»

Несмотря на жару, меня вдруг непроизвольно затрясло. Я поднялся из-за стола. Подошел к окну, облокотился на подоконник и стал смотреть на канал. Проплыл еще один экскурсионный катер, блеснув на солнце стеклянным верхом. У меня совсем мало улик, и, принимая во внимание время, которое уже прошло, даже эти свидетельства ненадежны. Родинки, например, можно свести. Шрамы могут затянуться, волосы можно подстричь или покрасить. Я вспомнил рассказ Изабель о балерине с родимым пятном на поясице, бледно-розовым пятном в форме морского конька. Если бы у меня были улики типа этой... Я начал понимать всю сложность задачи, стоящей передо мной.

В середине августа я поехал в Блумендаль. Изабель пригласила меня на ужин, она только что вернулась из Будапешта, где преподавала искусство танца. Был один из серых, хмурых дней, и, когда поезд заскользил мимо мокрого, мрачного загородного пейзажа, у меня внутри появилось странное ощущение, будто все взбурлило, меняя форму или выворачиваясь наизнанку. Прошло больше трех лет, с тех пор как мы виделись. Но вдруг показалось, что я уехал из ее дома только вчера. Что же я сделаю со всем этим временем?

Ведя меня в гостиную, Изабель сообщила, что Пол Бутала тоже приглашен на ужин. Будем только мы втроем. Она надеется, что я не заскучаю.

- Изабель, - сказал я с упреком.

Она выглядела все так же, с гордо посаженной головой, с волосами, забранными в пучок, но в то же время что-то в ней изменилось, теперь она казалась менее терпимой и более требовательной. Почти ворчливой. Эта небольшая перемена сделала ее практически неузнаваемой. Так малейшее отклонение от курса, даже на долю градуса, может увести корабль на сотню миль в сторону.

Вечер получился скомканным, а под конец мы повздорили. Изабель считала, что мне следовало продолжать танцевать -или, если я считаю, что мое время прошло, по крайней мере возобновить мои занятия хореографией. Я объяснил, что еще не готов к этому. Изабель восприняла мои слова почти с презрением. «Ты растрачиваешь свою жизнь, сказала она, свой талант...» Подняв бровь, она бросила на меня неодобрительный взгляд и закурила свою египетскую сигарету. Разговор шел по кругу, не приводя ни к чему. Мне стало жаль Буталу, который был вынужден все это слушать. Я заметил, что он внимательно следит за разговором, так следят за ценной безделушкой, которая, накреньясь на верхней полке, вот-вот упадет, и ее нужно вовремя подхватить.

Наконец около половины двенадцатого Изабель швырнула на стол салфетку и поднялась.

- Я изрядно устала и иду спать.

Видя, что Бутала поднимается со стула, она остановила его, положив руку ему на плечо.

- Оставайтесь еще ненадолго, - попросила она, - может, вам удастся образумить его.

Когда мы с ним остались одни, я выжидательно посмотрела на него. Бутала ответил грустным взглядом и потянулся за рюмкой.

- Изабель такого высокого мнения о вас, - сказал он. -Она возлагает на вас большие надежды.

- Я знаю, - вздохнул я. - Но она не представляет, как далеко я отошел. Я имею в виду - от мира балета - я смотрел мимо Буталы в темный угол комнаты. - За все время, когда я был в отъезде, я танцевал только однажды.

Торговец бриллиантами ждал продолжения, казалось, его угрюмые глаза под тяжелыми веками вытягивают из меня слова.

- Это было в северной Бразилии, - наконец заговорил я, - в Белеме. Вы знаете это место?

- Был там однажды, - тихо протянул он.

Вдруг, три года спустя, мы с Полом поменялись ролями, теперь я рассказывал ему историю. Однажды вечером, вскоре после приезда в город, я пошел в центр выпить. Зашел в бар на улице рядом с парком. Там были пожилые официанты с дурными манерами и чугунные столы, выкрашенные зеленой краской. Я сидел один за столом, потягивая пиво, когда ко мне подошел парнишка лет пятнадцати. Он стоял и смотрел, улыбаясь, на меня. У него были кудрявые волосы, мелкие белые зубы и темные ресницы такой длины, что почти доставали до бровей. Помнится, подумал тогда, что он выглядит так, словно лицо дьявола наложили на лицо ребенка. Я улыбнулся ему в ответ. Тогда он сел за мой стол и показал на пиво. Я кивнул. Он подозвал официанта и попросил еще два стакана. Когда принесли стаканы, рядом с ним села девушка приблизительно его возраста. Парень налил немного пива сначала девушке, потом себе. Отставив бутылку, он начал говорить со мной по-английски. Он очень гордился своими познаниями в английском языке. Выучился ему в городе Форталеза, который располагался вниз по побережью. Замечательное место, сказал он. Пляжи. Много туристов. Время от времени он поворачивался к девушке и что-то говорил ей на португальском. Я наблюдал за ее лицом, когда он шептал ей что-то на ухо. У нее была светящаяся

гладкая кожа, а белки глаз такие же ярко-белые, как и ее футболка. Она взглядывала на меня, потом отводила глаза, потом опять смотрела. В этом взгляде не было ни любопытства, ни кокетства, только какая-то твердость. Оставалось лишь гадать, о чем она думает.

- Вы танцор? - спросил вдруг паренек. Я с изумлением посмотрел на него.

- Да, когда-то был.

- Я сразу догадался, - сказал он и повернулся к девушке, чтобы перевести ей. Она внимательно его выслушала, слегка наклонив голову, и опять посмотрела на меня.

- Как ты мог догадаться? - удивился я.

- По тому, как вы сидите, - ответил паренек, пожав плечами, как будто это и так очевидно. - Вы сидите очень..., - он устремил взгляд в темноту парка, пытаясь подобрать нужное слово, но так и не смог найти. Вместо этого он повел рукой вверх-вниз вертикально рубящим движением. Я понял, что он говорит о моей осанке.

- Ты знаком с какими-нибудь танцорами? - спросил я.

- Да, в Форталезе. Его зовут Питер, - парнишка улыбнулся мне. - Но вы больше не танцуете? Неужели можно бросить танцевать? Быть танцором... - он повел в мягком ночном воздухе рукой и опять взглянул на меня со своей очаровательной улыбкой, которая придавала ему слишком юный и невинный вид.

- Это длинная история, - сказал я.

- Расскажите.

- Нет, она слишком длинная.

Парень опять перевел разговор девушке, она кивнула, но на этот раз посмотрела не на меня, а уставилась на свои руки, лежавшие на коленях. Ее дочерна загорелые руки резко выделялись на фоне бледно-голубых джинсов.

- Мы можем достать кокаин, - сказал парень. Он заерзал на стуле.

- Но у меня нет денег...

Я спросил, сколько ему нужно. Он пожал плечами и пробормотал: тысяч тридцать. Я сказал, что могу дать двадцать, полагая, что кокаин нужен ему и, может, девушке - мне он был без надобности. Но он вернулся через десять минут и повел меня за руку в темноту деревьев. Мягкость неба, над нашими головами - темная листва, светящаяся кожа девушки...

Когда мы оказались в тени деревьев, в стороне от бара, парень открыл маленький конвертик - помню, он был свернут из страницы, вырванной из журнала комиксов. Окунув в порошок кончик мизинца, парень поднес его к моему носу, затем заглянул мне в глаза и с коротким вдохом вздернул подбородок.

Когда мы опять сидели за столом, он улыбнулся мне:

- Ну как, здорово?

- Очень здорово, - ответил я.

Подозвав официанта, я заказал еще бутылку пива. Парень увел девушку за деревья. Когда они вернулись, я налил им обоим пива. Я столько хотел рассказать, но не знал, с чего начать, потому что все было одинаково невероятно.

- Вы пойдете с нами сегодня вечером? - спросил парень через некоторое время.

- А куда вы идете?

- На дискотеку. Пойдем?

- Да, с удовольствием.

Это был клуб под открытым небом недалеко от реки, с бетонным полом и баром, который представлял из себя сарайчик, покрытый гофрированным железом. В полночь небольшая джаз-группа начала играть на маленькой сцене под манговыми деревьями. Мне запомнилось, как две девушки в обтягивающих атласных шортах и на шпильках танцевали друг с другом на фоне рогатого месяца, висевшего на черном небе. Танцевали абсолютно все. Воздух был наполнен запахами разгоряченных тел, марихуаны, гниющих растений; насыщенные цвета окружали нас со всех сторон... Музыка звучала снаружи и внутри меня, как будто была частью моего тела, как мышцы и кровь. Я не мог сдержаться и танцевал сам по себе, сначала один, потом с высокой чернокожей девушкой в желтой майке и короткой юбке. Иногда нас так прижимали друг к другу, что наши тела соприкасались, а иногда мы удалялись друг от друга и двигались на расстоянии, раскинув руки в стороны. Я совсем не ощущал своего тела, казалось, у меня нет ни костей, ни суставов. Было только одно движение, от талии вниз, мои бедра колыхались, как вода. Все кружилось и завихрялось, движимое только музыкой... Я вытирал пот сначала ладонью, потом рукавом, но все было мокрое от пота. Я купил пива, выпил залпом полбанки. Я танцевал, пока моя рубашка не прилипла к телу, а волосы не повисли мокрыми прядями перед глазами. Высокая девушка исчезла, я опять был сам по себе, в самом центре толпы. Я попытался найти парня и девушку в белой футболке, но их нигде не было видно. Наверное, я был им нужен, чтобы заплатить за их входные билеты. Через два дня я уплыл из города на катере, идущем в Манаус...

Я закончил свою историю и посмотрел на Пола Буталу. Он внимательно меня разглядывал.

- Мой рассказ не похож на ваши истории, - сказал я, - у него нет конца.

Бутала вынул сигариллу из плоской бледно-желтой коробочки, лежавшей рядом с ним на столе.

- Тот паренек. Он кажется колоритной фигурой.

- Да, - улыбнулся я совершенно искренне. - Вам бы он понравился.

- А тот танец... Вам понравилось танцевать? - спросил Бутала.

-Ода. Да.

Бутала улыбнулся и кивнул:

- Кокаин, - он откинулся назад, закурил свою сигариллу и наконец произнес: - Интересно, как это вам удалось вставить одну историю в другую? Историю, которую вы рассказали, и историю, о которой вы умолчали.

Однажды вечером в конце августа, когда мы сидели у Стефана на кухне, он спросил, не хотел бы я пойти с ним на вечеринку к его подружке Мадлене, которую она устраивает в своей квартире. Он сказал, что у нее на крыше есть открытая терраса и мангал для барбекю. Она снимает квартиру на пару с еще одной девушкой, кажется, медсестрой. Эта на первый взгляд безобидная деталь произвела на меня жуткое впечатление. Я вдруг вспомнил спор между женщинами, возникший в белой комнате вскоре после того, как Мод сделала мне ту примитивную татуировку. Я вспомнил как, выйдя из себя, Мод сказала что-то, употребив слово *ziekenhuis*, что по-голландски значит больница, потом замолчала на середине фразы и

опустила голову. Остальные женщины резко повернулись и посмотрели на меня. Тогда я не понял значения такой реакции. Что, если Мод случайно сболтнула лишнее? Что, если больница, которую она упомянула, была местом, где они работали? Что, если женщины были медсестрами?

Все это пронеслось в моей голове за считанные секунды, но этого было достаточно, чтобы я вскочил со стула, подошел к окну и стал смотреть в темноту. Конечно, трех женщин может связывать какой-то общий надлом в их жизни, но могла быть и совсем простая причина, не приходившая мне раньше в голову и объединяющая их, - работа. Если мое новое предположение верно, то легко объяснить, почему они так пристально посмотрели на меня. Проверяли, понял ли я, что сболтнула Мод. Этим же можно объяснить, почему вдруг они постарались избавиться от меня. Поняли, что Мод больше нельзя доверять. Неожиданно у меня появились ответы на вопросы, которые мне и в голову не приходили. Где им удалось достать снотворное? Откуда они знали дозировку? Как им удалось ввести мне лекарство так, что я даже не заметил? Обычный человек, без профессиональной подготовки, не может так управляться со шприцем. А обстановка в комнате? Почти сюрреальная обстановка ухода за больным... Еще был эпизод, когда Астрид нарядилась в форму медсестры, пытаясь возбудить меня... У меня просто перехватило дыхание от такой двойной наглости.

Я обернулся и увидел, что Стефан внимательно на меня смотрит.

- Ну что, хочешь пойти? - спросил он.

- С удовольствием, - ответил я. - Когда, говоришь, вечеринка?

Идея о том, что женщины могли быть медсестрами, открывала совершенно новый ракурс в моем расследовании. На следующее утро я купил справочник по Амстердаму и нашел страницу, на которой приводился список всех городских больниц. Их было девятнадцать - целых девятнадцать! - но после ближайшего рассмотрения я сократил список до одиннадцати, потому что некоторые учреждения под разными названиями находились по одному адресу. Представьте себе мое волнение, когда я обнаружил, что около вокзала Мейдерпорт (район, который три года тому назад я обследовал безрезультатно) находится большая городская больница. Мои интуитивные догадки подкреплял тот общеизвестный факт, что из-за дежурств медсестры обычно живут недалеко от места своей работы. Возможно, что и моя троица жила в районе Мейдерпорт. К тому же и больница, и вокзал, и несколько церквей - все это располагалось в радиусе четырех сантиметров на карте. Хотя я основывался только на собственной интуиции и случайных совпадениях, мои предварительные расследования уже обрели некую конкретную схему.

На следующий вечер я принял душ, надел простую хлопчатобумажную белую рубашку и брюки, которые купил в Индии. Мой загар еще не сошел, а волосы все еще были выгоревшими от солнца. Хотя я уже никогда не смогу достичь той кондиции, в которой был, когда танцевал, все же мне удалось сохранить хорошую физическую форму и за время странствий. Пока одевался, я изучал себя в зеркале и пришел к выводу, что хорошо выгляжу. Весьма кстати, если учесть, что было у меня на уме.

Стефан ушел к Мадлен еще днем, чтобы помочь ей с приготовлениями. Я проехал на велосипеде по улице Шпигельграхт, потом по Рейксмузеум - прохладной, слабо освещенной улице, идущей под зданием музея. В тени арки стоял человек в мягкой шляпе и играл на саксофоне. Я проехал мимо него и углубился в ночь, оставив позади себя странно плывущую по мрачному подземелью музыку. На юго-западе поднималась луна, которая через несколько дней станет полной. Она была насыщенного, какого-то маслянистого цвета, почти как саксофон, который я только что видел.

Я подъехал к дому, когда часы били десять. Привязав велосипед цепью к черной раме

стоянки, я нажал на кнопку домофона. Кто-то открыл мне дверь. Это было старое здание с прохладным высоким холлом, напомнившим мне музей или посольство. Меня пробрала дрожь, показалось, что сквозь ребра у меня что-то выпорхнуло и улетело прочь. Я поймал себя на том, что пытаюсь не думать о медсестре. Это всего лишь вечеринка, повторял я себе. Всего лишь вечеринка.

Я медленно поднялся по мраморной лестнице, читая на ходу таблички с именами жильцов. Корзелиус, Камачо, Д'Амор... Дверь в квартиру Мадлен была оставлена открытой. Я вошел внутрь. И сразу же ощутил пространство. Большая комната простиралась вглубь, стены, казались недавно выбеленными, а деревянный пол был желтоватого цвета. Человек сорок - пятьдесят стояли группами, разговаривая и выпивая. Я никого из них не знал.

Стефана я отыскал у стеклянных дверей, ведущих на террасу. Он стоял с каким-то отсутствующим взглядом, на губах играла блаженная полуулыбка. У него всегда был изящный нос с высоко вырезанными ноздрями, которые сейчас по форме стали невероятно похожи на пару турецких туфель с изящно изогнутыми мысами. Он признался, что уже выпил три или четыре коктейля и успел выкурить травки. В этот момент из темноты за его спиной выплыла девушка с короткими черными волосами и с красной помадой на губах. Положив руку Стефану на плечо, она посмотрела на меня своими темно-кариими глазами.

- Вы, должно быть, Мадлен, - проговорил я.

Она улыбнулась.

- Я все про вас знаю. Вы танцовщик.

- Когда-то был.

- Что же случилось?

- Спрашивать бесполезно, - сказал Стефан. - Он все равно не скажет.

Мадлен закурила, выпустив длинную, тонкую струю дыма.

- У вас прекрасная квартира, - сказал я. - Вы с кем-то ее делите?

- Да, мы живем здесь вместе с Джаннин, - Мадлен поискала глазами по комнате. - Она где-то здесь.

Итак, ее зовут Джаннин.

Через некоторое время я потихоньку отошел, сказав, что хочу взять что-нибудь выпить. Я прохаживался по комнате, гадая, кто из гостей эта Джаннин; может быть, я уже видел ее среди них? Я выпил фруктового пунша и поболтал с несколькими гостями, но пока Джаннин мне не попадалась.

Прошло два часа. В полночь я снова набрел на Стефана, на этот раз он был снаружи, на террасе. Когда я к нему подошел, он стоял, задрав голову вверх и глядя в небо.

- Какая ночь... - он сделал глоток из фужера. - Знаешь, я тебе завидую.

- Завидуешь? - переспросил я.

- Ты путешествовал. Видел мир... - он обвел крутом рукой.

Со мной уже заводили подобный разговор сегодня вечером, и не единожды. И я совсем не собирался возобновлять его опять. Стефан был явно пьян и плохо соображал, поэтому я

решил говорить прямо.

- Ты не видел Джаннин? - спросил я.

- Джаннин? Да она вон там, - он выпрямился, шатаясь, и показал на группу людей в противоположном конце террасы.

- Которая?

- Рыжая.

Темный воздух вдруг содрогнулся. Я отвернулся. Подо мной раскинулся город. Я смотрел в темноту, освещенную редкими огнями. Вон там Вондель-парк, названный в честь драматурга семнадцатого века, чью пьесу «Люцифер» запретили, потому что он посмел изобразить на сцене рай с ангелами. За парком тянется яркая полоса шоссе - кольцевая дорога, по которой можно доехать до Роттердама, потом до Гааги...

Медсестра, рыжая...

Я глубоко вздохнул и повернулся лицом к террасе. Прислушиваясь к разговору, я облокотился на перила и стал разглядывать Джаннин. У нее были длинные светлые волосы, обрамлявшие голову как шлем. И белая кожа, как у большинства рыжеволосых. Могла ли она быть лидером у той троицы? Гертруд? Я подошел ближе, наблюдая, как она поднесла сигарету к губам. Когда она затянулась, кончик сигареты засветился, как уголек. Ее ногти не была накрашены. Что ж, это можно изменить.

Следующие полчаса я следовал за ней везде среди гостей. Она выпивала, курила, смеялась. Вела себя уверенно. Вряд ли она замечала меня. Потом, правда, мне пришло в голову, что если по какому-то странному совпадению она и есть Гертруд, то должна изображать, что не замечает меня, притворяться, что не знает, кто я такой. В этом случае мы должны были наблюдать друг за другом, не подавая виду... Что она будет делать, если я подойду к ней? Наверняка поведет себя так, будто совсем не знакома со мной. Те женщины были игроки по натуре. Они знали, что такое риск. У них было достаточно нахальства. И все же я не мог себе представить, что произойдет в первое мгновение... Я все прикидывал, как начать разговор, как подойти к ней, но в конце концов она сделала это за меня. Было около часа ночи, когда я следовал за ней вниз по лестнице уже во второй раз, как вдруг она остановилась и обернулась. Как если бы вспомнила, что забыла что-то. Во всяком случае, это произошло так внезапно, что мы столкнулись. Она извинилась по-голландски.

- Ничего, - сказал я. - Вы ведь Джаннин, да?

Она удивленно вскинула голову и подняла на меня глаза, сигарета - в руке, на уровне плеча.

- Вы - медсестра, - сказал я.

- Кажется, вы все обо мне знаете, - в ее голосе прозвучала неуверенность, как будто она еще не решила, хорошо это или плохо.

Я представился:

- Я живу вместе со Стефаном.

- А, да. Это вы недавно вернулись из путешествия? - Да, я.

Чтобы выиграть время, я спросил, где она работает. С ее слов получалось, что она не совсем медсестра, по крайней мере сейчас обязанности у нее другие. Она прикреплена к психиатрической клинике, в которой проводятся научные исследования по лечению

депрессий. Пока она рассказывала о своей работе, я пытался визуально представить себе ее тело. На ней была прозрачная бирюзовая блузка с черным бюстгалтером и черные брюки с поясом на бедрах, слегка расклешенные у щиколоток. Хотя можно сказать, что ее наряд был откровенным, тем не менее не так уж много он выявлял. Я видел ключицы и немного впадину между грудей - все это казалось незнакомым. Так же как и запястья, руки, пальцы... Но если бы она сняла с себя все, тогда бы я знал точно. У меня сработал бы примитивный инстинкт узнавания. Мое тело вспомнит. Я буду знать точно, когда увижу ее обнаженной.

- Вы не слушаете, - сказала она.

- Простите, - ответил я. - Я засмотрелся на вас.

На ее лице появилось неопределенное выражение, как бы смесь удовольствия и неловкости. Словно она не знала, как меня воспринимать. Она бросила сигарету в свой пустой фужер. Сигарета зашипела. Внизу звучала мелодия популярной в то лето песни.

- Хотите потанцуем? - спросила она. Я покачал головой:

- Нет, пожалуй, - потом, не раздумывая, я вдруг наклонился и поцеловал ее. Хотя она этого и не ожидала, но не отстранилась.

- Здесь можно где-нибудь уединиться? - спросил я.

- Вы не теряете зря времени, - ответила она, явно получая от всего этого удовольствие, как будто не встречала никогда такого, как я.

Взяв меня за руку, она повела меня на следующий этаж. Пока мы шли, я, наверное, раз десять поменял свое решение. То испытал разочарование, поскольку она явно не была одной из тех женщин, это чувствовалось по ее поведению - настороженному и одновременно зазывающему, то есть совершенно естественному. То, все же убедив себя, что она - Гертруд, мысленно аплодировал ее искусству притворства. Ей нужно было идти не в медсестры, а в актрисы...

Я шел за ней по коридору, заставленному книгами, через темный холл, потом по другому маленькому коридору, пока мы не дошли до длинной комнаты с высоким потолком. Она пропустила меня вперед, потом вошла сама и заперла за собой дверь. У одной стены была раковина, а в углу комнаты - туалет. Что это? Проявление ея чувства вины? Я повернулся и в темноте едва смог различить ее силуэт - только очертания головы и плеч, да еще почти металлический блеск зубов, когда она заговорила.

- Здесь не работает свет, - сказала она, - это ничего?

Я ответил, что ничего.

Она стала придвигаться ко мне, пока не подошла почти вплотную. У меня сильно билось сердце, а воздух за моей спиной, казалось, пульсировал. Мы поцеловались два или три раза, очень быстро, как будто боялись обжечься. Потом стали целоваться медленнее и дольше. Ее губы были сладкими от вина, и еще чувствовался привкус сигаретного дыма. Я подвел ее к высокому, глубокому окну. Свет, проникавший снаружи, проходил через матовое стекло и был похож на застывший фейерверк. Казалось, ей не надо подсказывать, чего я от нее хочу. Почувствовав сзади подоконник, она приподнялась и села на него. Мне еще хуже стало ее видно, потому что она сидела спиной к свету. Я успел запомнить лицо - обыкновенное, не уродливое, но и не примечательное, и как ни странно, это взволновало меня.

Я расстегнул пуговицы на ее бирюзовой блузке, которая спорхнула у нее с плеч, потом расстегнул бюстгалтер. У нее были округлые и упругие груди с маленькими сосками. Я

осторожно их поцеловал. Она откинула голову, слегка ударившись о стекло, и издала мурлыкающий звук, как будто напевала с закрытым ртом.

Стянув с нее брюки и трусики, я подтянул ее вперед, к себе. И опять она, казалось, предвидела мои действия и помогала мне руками. Она смотрела на меня сверху вниз, волосы упали ей на лицо, груди поблескивали в тех местах, где я касался их языком.

Теперь трусики и брюки неопрятной кучей висели на ее щиколотках. Я мог различить в темноте волосы у нее на лобке, но не видел, какого они цвета. Подумав, что мне нужно будет по крайней мере еще раз встретиться с ней, я коснулся языком ее пупка и медленно стал спускаться ниже, к завиткам волос, потом еще ниже, туда, где плоть расступалась и превращалась в жидкость...

Потом, закрыв за нами дверь ванной комнаты, она сказала:

- Надеюсь, ты не... - и замолчала.

- Что я не... - спросил я.

- Ничего, - покачала она головой.

Я сказал ей, что мне надо идти. Уходил я из квартиры, произнося всякие лживые слова, говорил, что мне нужно рано вставать, что позвоню ей через неделю - номер телефона я возьму у Стефана. Отъезжая на велосипеде, я оглянулся через плечо. Она стояла на верхней ступеньке и махала мне рукой.

За пять дней, которые прошли после вечеринки у Мадлен, и до того дня, когда я опять увиделся с Джаннин, я успел переспать с тремя медсестрами. В субботу вечером, в баре, я разговорился с девушкой, чьи покатые плечи напомнили мне Мод. В постели она отвернулась от меня, как от яркого света. В моей голове зазвучал слабый, невнятный голос. Не волнуйся. Это только сон... Я приподнялся на локтях, глядя на нее. Я видел изгиб левой ягодицы, копну жестких каштановых волос. Кожа у основания шеи была молочно-белой, почти зеленоватой, как плесень. Ее тело сотрясалось, будто она плакала.

- Ты хочешь уйти? - спросил я.

Она ничего не ответила. Просто лежала на кровати ко мне спиной, обнаженная и дрожащая.

- Тебе, наверное, лучше поспать, - сказал я, накрывая ее одеялом и выключая свет.

Утром, выйдя на улицу, мы натолкнулись на Стефана, который отвязывал свой велосипед. Он удивленно посмотрел на нас сквозь дымку дождя, слегка подняв брови. Может, Мадлен сказала ему, что я встречаюсь с Джаннин, а может, мы просто смотрелись как необычная пара.

Во вторник я переспал с двумя медсестрами, которые работали в больнице недалеко от вокзала Мейдерпорт. Я познакомился с ними в Остерпарке, который располагался прямо через дорогу от больницы. Они сказали мне, что часто во время перерыва приходят сюда погулять, а если погода хорошая, то лежат на траве и загорают. Когда мы оказались в их двухкомнатной квартирке на улице Де-Пейп, они разлили нам всем французское мартини, включили Эм-Ти-Ви и свернули самокрутку с гашишем. Казалось, они увлечены друг другом не меньше, чем мной, что было мне на руку: давало возможность изучить их тела в мельчайших подробностях. Я не обнаружил ничего, даже отдаленно похожего на тела трех женщин. Лежа рядом с ними, я думал о различии между их телами - по комплекции, оттенку и фактуре кожи - и вспомнил Джулию, которая работала в нашей труппе в секции костюма. Однажды, когда я был у нее на примерке, она показала мне свой рабочий альбом. В нем

были воспроизведены и описаны оттенки кожи всех танцовщиков труппы. Иногда различие было поразительным - например, между Тироном, чернокожим американцем, и японцем Суицугу, - но интереснее всего мне показалось различие между людьми, оттенки кожи которых я считал более или менее одинаковыми. Джулия показала мне образец оттенка моей кожи, потом, на следующей странице, образец кожи Марселя, французского танцовщика. «Вы оба белые, но такие разные. У Марселя преобладает розовый пигмент в окрасе кожи, видишь? А здесь, на этой странице, Форг, почти желтый...»

Тогда я рассматривал ее заметки почти как метафору, свидетельство индивидуальности, уникальности каждого из нас - настолько точное и четкое, что по нему легко можно отличить одного человека от другого. Однако, лежа в постели с двумя медсестрами, я взглянул на это с другой стороны. Подобные наблюдения могут послужить практической цели, когда ищешь кого-то, быть использованными для установления личности.

Перед тем как встретиться с Джаннин в четверг, я чувствовал себя очень неловко. Помимо секса, мне пришлось избегать любых личных отношений, а в отличие от других мужчин, по крайней мере тех, с которыми я на подобную тему говорил, для меня это было трудно. По иронии судьбы я сам начал напоминать себе этих мужчин. Однажды, на той же неделе, я сидел в кафе и рассматривал студенток медицинского факультета, расположенного напротив, которые входили и выходили из здания. В какой-то момент взгляд мой упал на двух рабочих, сидевших за соседним столиком. Они занимались точно тем же, что и я. Тут я понял, что для стороннего наблюдателя я выгляжу так же, как и эти парни в грязных обвислых джинсах, с цементной пылью в волосах. Я смотрелся просто как мужчина, глазеющий на женщин. И так же, как и они, я готов был идти дальше. С Джаннин вышло как-то неловко. То, что с нами произошло на вечеринке, носило привкус запретного плода. Мы оба были слишком возбуждены. И я, наверное, дал ей повод думать, что у меня к ней есть какие-то чувства. Но я не мог себе позволить никаких сантиментов. У меня на это не было ни сил, ни времени. Я шел к ресторану, зная, что этот вечер будет трудным.

Я увидел ее раньше, чем она заметила меня. Она сидела напротив, у темно-желтой стены. На ней были коричневая футболка с длинными рукавами и джинсы. Бледное лицо с чистой гладкой кожей. Волосы забраны в пучок. Я почувствовал, что она для меня чужая. Мы никогда раньше не встречались. У меня не было с ней ничего общего. Мне нечего было здесь делать.

Я присел. Она слабо улыбнулась мне. Мы не поцеловались. Я заказал графин красного вина и маслины. В ресторане было шумно, официанты громко кричали и размахивали руками, словно прокладывая себе локтями дорогу сквозь клубы дыма, отливающего золотистой подсветкой. За соседним столиком сидела испанская пара: величественная черноволосая женщина средних лет и мужчина в облегающем светло-сером костюме. Мужчина почти вплотную склонился к женщине - похоже, говорил ей что-то очень личное либо очень важное. Время от времени он резко замолкал и крутил перстень на мизинце. Я сделал глоток вина, которое оказалось кислым, и посмотрел на Джаннин. Она курила. Я не имел ни малейшего понятия, что ей говорить.

Затушив сигарету, она спросила, как мне понравилась Южная Америка.

- Что, вся Южная Америка? - спросил я. И мы вдруг вместе рассмеялись.

После этого стало легче. У нее было острое чувство юмора и самоироничность, что довольно редко встречается в Амстердаме. Она рассказывала разные случаи, подсмеиваясь над собой и в то же время не вызывая ни жалости, ни насмешки. Наоборот, производила впечатление человека, который может выжить в любой ситуации. Возможно, под воздействием вина она постепенно стала чувствовать себя увереннее, так что, когда мы отвязывали велосипеды на стоянке у ресторана, даже игриво бросила:

- К тебе или ко мне?

. Мы поехали на Принсенграхт, что было ближе. Ночь была прохладной, и от воды поднялся туман, окутав деревья серым облаком. Когда мы вошли в дом, было уже девять часов, и, хотя из-под двери Стефана пробивалась полоска света, мы решили не беспокоить его. И молча поднялись в мою квартиру на мансарде. Пока Джаннин была в ванной комнате, я быстро разделся и юркнул в кровать. Она появилась через несколько минут, одетая в белую майку и трусики. Спросила, потушить ли. Я покачал головой.

- Я хочу тебя видеть, - ответил я.

Она забралась ко мне в постель. Ее кожа была холодной на ощупь. Она поцеловала меня в губы, потом, подперев голову руками, посмотрела на меня.

- У тебя тело как у самурая, - сказала она. Я рассмеялся:

-Дану?

Увидев на ее лице выражение самозабвенного блаженства, я понял, что не должен был позволять отношениям зайти так далеко.

- У тебя широкие плечи, - продолжала она, - тонкая талия... стройные бедра - ты очень красив...

С улицы послышался чей-то кашель. Я почувствовал себя страшно неловко, почти застеснялся, как будто кашлянувший был с нами в одной комнате. Джаннин поцеловала меня сначала в плечо, потом в шею. Ее распущенные волосы щекотали мне грудь. Я обнял ее за талию, потом провел рукой по левому бедру, стягивая с нее трусики. Я сразу отметил, что у нее нет никаких шрамов и что волосы у нее на лобке каштанового цвета. Наверное, мне это было ясно и так. Можно заносить ее в список женщин, чья невиновность доказана. Список, правда, был еще очень коротким, и от одной мысли об этом меня вдруг охватила страшная усталость.

- Что с тобой? - спросила она.

- Ничего, - ответил я. - Ты когда-нибудь красила свои волосы на лобке?

Она рассмеялась:

- Какой странный вопрос - потом поняла, что я говорю серьезно. - Нет, никогда. - и потом добавила, помолчав: - А тебе хочется, чтобы я это сделала?

Я покачал головой. Непонятно, зачем я вообще спросил об этом. Наверное, чтобы что-нибудь сказать. Она протянула руку и дотронулась до моего члена. Никакой реакции. Она начала двигать рукой, но сделала только хуже. Я отодвинул ее руку.

- Ты разве не хочешь? - спросила она.

- Не знаю, - вздохнул я.

- Не знаешь? - она тихо рассмеялась, откинулась на подушки и сказала, глядя в потолок: - Если не возражаешь, я посплю.

Рано утром я почувствовал, как она проснулась и поднялась с кровати. Сквозь прикрытые веки я наблюдал, как она одевалась у окна - бледный изгиб позвоночника, волосы, казавшиеся черными в тусклом свете утра, свесились вниз, когда она стала натягивать колготки. Прежде чем выйти из комнаты, она нагнулась и поцеловала меня. Я открыл глаза.

- Уже уходишь? - спросил я.

Она слабо и печально улыбнулась, как будто чувствовала мою неискренность.

- Я сегодня работаю, - проговорила она. - И мне сначала надо зайти домой.

Я кивнул.

- До свидания, - сказала она.

Если Стефан и знал, что произошло между мной и Джаннин, то не показал виду. Хотя мы часто говорили о той вечеринке, о том, какой она имела успех, имя Джаннин никогда не упоминалось. Может, она никому ничего и не говорила. Или Стефан ничего не заметил. Между тем однажды днем я прогуливался в Вондель-парке и познакомился с высокой, темноволосой девушкой, которая работала в больнице Александер ван дер Леуклиник в районе Овертом...

Вообще я проводил много времени в больницах или около них. Сначала делал вид, что навещаю заболевших родственников - это давало мне возможность ходить по палатам и завязывать разговоры с медсестрами, но вскоре понял, что меня быстро возьмут на заметку. Нужен был законный предлог. Именно тогда мне улыбнулась удача. На доске объявлений я увидел листовку с программой благотворительного посещения больниц. Как это я раньше не додумался? В течение следующих нескольких недель я записался на эту программу в больницы по всему Амстердаму, после чего стал посещать их на законном основании. И не просто посещать, а даже вносить свой вклад в дело благотворительности. Когда однажды Стефан спросил меня, чем я занимался весь день, я ответил, что у меня много благотворительной работы. И это было правдой! Я проводил много времени со стариками, с людьми, у которых не было родственников, выслушивал их жалобы, воспоминания, мечты - иногда мне это напоминало время, когда я сидел на коричневом бархатном диване Пола Буталы и слушал его истории, - но в то же время я внимательно следил за медсестрами, стараясь увидеть знакомые черты.

Той зимой я часто попадал в неловкие ситуации. Особенно мне запомнилась одна медсестра. Я увидел ее в больничной палате, она катила металлическую тележку. Я остановился и заговорил с ней. Она согласилась встретиться со мной в баре после работы. Когда она появилась в дверях бара, на ней был черный клеенчатый плащ, туго перетянутый в талии, а ногти накрашены ярко-голубым лаком. У нее было изысканное лицо с тонкими чертами, но в глазах застыло выражение усталости от жизни, какое бывает у человека, слишком много повидавшего на своем веку. Именно ее глаза меня и привлекли. Мы выпили по стопке неразбавленной водки, потом она отвела меня к себе. Она жила на верхнем этаже заброшенного склада контейнеров в восточной части Амстердама. Через коридоры с протекающей крышей мы добрались до комнаты, выходящей на промышленный канал. Мне запомнилась вода этого канала, неестественно плотная, ржавая, с масляным запахом, а под окном росли желтые сорняки. Она предложила мне какие-то таблетки, которые стащила из больницы. Я отказался, а она засунула в рот три штуки и запила их остатками кока-колы из жестяной банки. Когда мы лежали на матрасе, она выгибалась подо мной, впиваясь в мое тело своими голубыми ногтями, как будто хотела разорвать меня и посмотреть, что у меня внутри. Позже она рассказала мне заплетающимся языком о том, что ее изнасиловал родной отец и что никто не поверил ей, потому что он слыл человеком общительным и дружелюбным. Он работал на пожарной станции. Вдруг мне пришло в голову, что я не одинок, что есть еще люди, которые, как и я, живут в четвертом измерении, в особом мире, который параллелен этому миру и является своего рода чистилищем. Как ни странно, у нее был маленький круглый шрам, только не на бедре, а на предплечье. И все равно я непроизвольно всхлипнул, когда увидел его. Она спросила, что со мной, а я покачал головой и сказал, что ничего.

Однажды вечером незадолго до Рождества я пришел домой и застал Стефана на кухне за столом. Он занимался счетами. Стоя в дверях и глядя на ворох квитанций и чеков, я понял, что вскоре мне придется искать работу. Деньги дядюшки еще не закончились, но их не хватит надолго.

Стефан откинулся на стуле, заложив руки за голову, и сказал, многозначительно улыбаясь:

- Знаешь, ты еще та штучка.

Я не понял, что он имеет в виду.

- То есть?

- Ты имеешь такой успех у женщин... - протянул он. - Каждый раз я вижу тебя с другой.

Я нахмурился. И правда, после возвращения в Амстердам я переспал со многими женщинами, но успех... Это последнее, что могло прийти мне в голову. Я-то считал, что потерпел неудачу.

- Ты прямо как плейбой, - сказал Стефан.

- Стефан... - протянул я.

- Я серьезно, - продолжал он, - это просто невероятно.

На его лице читалось выражение восхищения и одновременно недоверия, но я почувствовал еще и невольное замешательство, как будто только сейчас до него что-то дошло, и я не знал, что именно. До него дошло, что Бриджит, наверное, была права, когда подозревала меня. Его только сейчас осенило, что я мог действительно изменять ей. Впрочем, мне нечего было ему сказать. Я повернулся к окну и стал наблюдать, как дождь бежит по стеклу.

- Видишь ли, - тихо произнес я, - я ищу кое-кого. Стефан хмыкнул.

- Мы все ищем. - Стефан...

Он смотрел на меня, все еще ухмыляясь.

- Что?

- Это не то, что ты думаешь.

Я прожил в доме на Принсенграхт четырнадцать месяцев и за это время переспал со ста шестьдесятю двумя женщинами. Почти все они работали в больницах и клиниках, но несколько из них не имели к медицине никакого отношения. Я, наверное, просто увидел их в определенном свете или в определенном ракурсе, а может, был в подходящем настроении. Так или иначе, в каждой из них угадывалась какая-то тайна или чувство вины. Они пытались что-то скрыть от меня, непостижимо загадочные и непознаваемые.

Теперь мой подход к задаче, которую я поставил перед собой, воспринимался мной как метод исключения. Чем с большим количеством женщин я пересплю, тем быстрее найду тех, которых ищу. Одним словом, чем дальше я продвигаюсь, тем ближе искомое. Это была не погоня за количеством, а отсчет пройденного. Три женщины представлялись мне солдатами, которых я постепенно и методично лишаю прикрытия. Со временем они предстанут передо мной. Я снова и снова повторял себе это. Что все упирается во время.

Сто шестьдесят две женщины за четырнадцать месяцев...

Я никого из них уже не помню. Нет, минуточку, это не так. Одну я запомнил.

Дафния.

Потому что, углядев шрам на моем члене в полумраке спальни, она повернулась ко мне и спросила: «У тебя ведь нет сифилиса?»

Ясным, холодным октябрьским днем я переехал в квартиру на улице Кинкербюрт, которая находилась недалеко от места, где я жил перед тем, как познакомился с Бриджит. Квартирка была маленькой, но располагалась на третьем этаже углового здания, была светлой и относительно дешевой, около восьмисот гульденов в месяц. Из окна гостиной были видны часть моста Якоба ван Леннепкаде и лениво проплывающие под ним тяжелые, неуклюжие баржи с грузом, закрытым брезентом и перетянутым веревками, от которого корпус баржи оседал глубоко в воду... В первое же утро, когда я искал, где бы купить свежего хлеба, мне попалось на глаза объявление о работе. Живя со Стефаном, я стал лучше говорить по-голландски и теперь вполне мог идти работать. Перед баром на площадке, выходящей на тихую заводь, стояло несколько столиков, а во дворе бара, где росла старая липа, была пивная с деревянными скамейками. Бар находился так близко от моего жилья, что я мог ходить сюда пешком. Вечером у меня было собеседование с хозяйкой бара, блондинкой пятидесяти с лишним лет. Ее звали Густа, она красила веки фиолетовыми тенями, и у нее были пухлые, как у младенца, запястья рук. Когда-то, в шестидесятых - семидесятых годах, она была джазовой певицей и даже водилась с Четом Бейкером. Они вместе курили гашиш всего лишь за несколько часов до того, как он выпал из окна отеля - отеля «Принц Хендрик», да? - и умер. Я слушал, как она вспоминает минувшие дни, и к закрытию бара получил работу.

Через неделю, освоившись на новом месте, я позвонил Изабель, чтобы сообщить ей свой адрес и номер телефона. К моему удивлению, к телефону подошел Пол Бутала.

- Вам повезло, что вы застали меня здесь. Я просто зашел, чтобы взять кое-что из вещей для Изабель.

- Почему? - спросил я. - Где она?

- Она в больнице в Харлеме. У нее рак - он немного помолчал. - Вы разве не знали?

После разговора с Полом, я положил трубку и стал смотреть в окно гостиной. Светило солнце. В голубом небе белели неподвижные плоские облака. Они были похожи на мишени в ярмарочном тире. Под облаками тянулся ряд домов. Хозяйственный магазин. Дерево.

Все казалось неподвижным. Все казалось нереальным.

Только на следующий день, когда я приехал в больницу в Харлеме, я вдруг понял, насколько это напоминает злую пародию на мои посещения больниц под выдуманым предлогом.

И вот теперь такой предлог мне не нужен.

Я остановился у справочной. Глядя в пол, я почувствовал, как меня охватывает чувство стыда.

Когда я вошел в отдельную палату к Изабель, меня поразила перемена, произошедшая с ней. Ее лицо высохло и постарело. Кожа, ставшая почти прозрачной, обтягивала череп. Я положил цветы на постель у ее ног и сел. В горле стоял ком.

- Прекрасные цветы, - прошептала она. - Спасибо.

И улыбнулась - одними глазами. Казалось, ей больно шевелить губами.

Я не знал, что сказать. Взгляд мой упал на ее руки, лежавшие поверх одеяла. Левая рука

невероятно тонкая, кожа да кости. Мышцы и сухожилия съедены химиотерапией. Правая рука по локоть в гипсе.

- Что случилось? - спросил я. Изабель поймала мой взгляд.

- Я просто оперлась о стену, и вот... рука сломалась, - сказала она, прерывисто дыша. - Ну надо же!

- Ох, Изабель.

- Я, должно быть, ужасно выгляжу. Как одна из тех усохших голов, которые показывают в Юго-Восточной Азии, - она сделала неудачную попытку рассмеяться. - Помнишь, ты прислал мне открытку?

Ее пальцы шевельнулись, потянувшись ко мне. Я взял ее руку в свои. Хрупкая, как вафля, кожа, тонкие, почти черные вены.

- Я чувствую в тебе силу, - прошептала она. - Странно, люди так сильны... - ее глаза закрылись на мгновение, потом широко распахнулись, и она огляделась вокруг, как будто не понимая, где находится.

- Все хорошо, Изабель, - сказал я. - Все хорошо.

Она улыбнулась мне. Я почувствовал, что она пытается сжать мне руку, но пожатие было едва заметным.

- Пол сказал, что ты переехал...

Я в подробностях описал ей свою новую квартиру. Рассказал, что хотя моя гостиная и маленькая, но в ней два окна, которые выходят на юг и на запад, а это значит, что летом комната будет наполнена солнцем; что из западного окна виден хозяйственный магазин, который, кажется, никогда не работает, а из южного окна можно видеть часть канала. Рассказал, что в кухне у меня зеленые стены и зеленый потолок, причем такого оттенка, который я никогда раньше не встречал - что-то среднее между салатным и eau-de-Nil [16]. Этот цвет выглядит великолепно в два часа ночи, когда я сижу за простым деревянным столом, пью травяной чай и читаю газету. Рассказал о сантехнике, о том, как водопроводные трубы гудят и завывают под напором воды, так что иногда кажется, что стены пронизаны пустотами и в одной из них сидит собака и лает на кость. А вечерами, каждый раз в одно и то же время, слышно, как сосед играет на пианино. Довольно неприятно играет: очень технично и при этом совершенно бездушно. Потом я описал бар рядом с домом и его хозяйку с пухлыми, как у младенца, запястьями и шапкой жестких волос, и как она пьет мятный ликер в десять часов утра. Я только не упомянул, что работаю в этом баре.

Через некоторое время она закрыла глаза и на этот раз не открыла их. Я подумал, что она, наверное, уснула, хотя у тяжелобольных людей границы между сном и бодрствованием размываются и переход из одного состояния в другое почти незаметен для окружающих.

На улице уже стало смеркаться, хотя еще не пробило и четырех часов. С места, где я сидел, можно было смотреть в окно, за которым виднелась дорога, забитая машинами. Был час пик. Минувя больницу, дорога убегала вдаль, в неизвестность. У многих машин были включены фары, как будто они ехали откуда-то, где лил сильный дождь или уже совсем стемнело.

Выйдя из больницы, я поймал себя на полной невосприимчивости к окружающему миру. Холодный ветер. Стоянка машин. Здания. Все было прежнее, и в то же время все было по-другому. Все казалось не имеющим значения, отстраненным. То же ощущение возникло у меня и в такси, которое везло меня к вокзалу. Водитель увлеченно что-то говорил,

одновременно следя за дорогой и поглядывая в зеркало заднего вида, а иногда в самозабвении отнимая руку от руля. У меня создалось впечатление, что он декламирует какие-то стихи и наслаждается тем, что прекрасно знает их наизусть.

Состояние отстраненности сохранилось у меня и в поезде до Амстердама, причем до такой степени, что когда ко мне обратилась чернокожая девушка, сидевшая наискосок через проход, я не отреагировал и ей пришлось коснуться моего плеча.

- С вами все в порядке? - спросила она. Я тупо взглянул на нее.

- А что?

- Вы разговариваете сами с собой.

- Правда? - я уставился в пространство. Вроде бы за мной такой привычки не водилось. - Что же я говорил?

- Не знаю. Просто отдельные слова. Как люди, которые разговаривают во сне.

Я снова посмотрел на девушку и увидел, что она красива. Ее брови изящно изгибались над овальным лицом и темно-коричневыми глазами. У нее были мягкие полные губы и прямые волосы цвета лакрицы, завязанные в короткий хвостик, свисающий над воротом плаща. Ее красота заставила меня выплеснуть правду.

- Моя близкая знакомая умирает. Я только что был у нее.

- Мне очень жаль, - сказала девушка, опустив глаза на книгу, лежавшую у нее на коленях. У нее были длинные изящные пальцы с темно-розовыми ногтями.- Она вам очень дорога?

- Никого дороже, пожалуй, нет.

Я повернулся к окну. Совсем стемнело, но еще можно было видеть простирившееся за окном пространство суши, отвоєванной у воды. Почему-то я от этого разозлился, но так же быстро остыл.

- Она позаботилась обо мне несколько лет тому назад, когда мне было плохо.

- Таких друзей бывает не много, - сказала девушка. -Да.

- Что с ней случилось? -Рак.

- Ах, простите.

В радиодинамике что-то щелкнуло, и мы услышали монотонный, безжизненный голос кондуктора: «Амстердам. Центральный вокзал...» Девушка кивнула мне на прощание и закрыла книгу.

- Как вас зовут? - спросил я.

- Джульетта, - ответила она, - Джульетта Вурман.

Я назвал свое имя, и через проход мы пожали друг другу руки.

- Вы не удивитесь, если я попрошу у вас номер телефона? -спросил я.

Она улыбнулась.

- Нет, не удивлюсь.

Она написала на бумажке свое имя и номер телефона и протянула мне. Я взглянул на листок, чтобы убедиться, что смогу разобрать ее почерк, и засунул его поглубже в карман брюк.

- Мы могли бы как-нибудь встретиться, - предложил я. Она кивнула. Поезд подъехал к станции, замедлил ход и остановился. Мы оба поднялись.

- Спасибо, что заговорили со мной. Мне стало легче. Девушка опять улыбнулась и ничего не сказала. В здании вокзала я увидел ее еще раз, мелькнул в толпе ее темный хвостик. Потом она затерялась в толчее.

Позже, уже дома, я стоял у окна и разглядывал листок бумаги. Я был поражен четкостью и аккуратностью ее почерка. Номер телефона. Подобно сотне других номеров, которые я спрашивал за последние восемнадцать месяцев. И в то же время отличающийся ото всех...

Я смотрел вниз, на пустую улицу - уличные фонари, стоящие на одинаковом расстоянии друг от друга, а там, где они заканчиваются, начинается канал. Холодная ночь. Неподвижная. Как будто город лежит под хрустальным колпаком.

Зимой в Амстердаме бывают такие совершенно тихие ночи, что, прогуливаясь, можно услышать шуршание велосипедных шин на соседней улице, или как разговаривают в своей спальне супруги на третьем этаже дома. Эта неподвижная тишина всегда напоминала мне волшебные сказки, которые я читал в детстве.

Джюльетта.

Конечно, я знал, что отличало ее от остальных женщин. Хватило бы одного взгляда, чтобы сказать, что она непричастна. У меня не было ни малейших сомнений на тот счет, что она не могла быть одной из трех женщин.

О ее непричастности свидетельствовал цвет ее кожи.

Именно цвет ее кожи.

В середине ноября, вернувшись из бара в половине второго ночи, я обнаружил на автоответчике сообщение от некой Эльзы. Она звонила сказать, что у Изабель ремиссия и что она вернулась домой в Блумендаль. Изабель просила меня навестить ее. Когда через два дня я постучал в дверь ее квартиры, мне открыла Эльза.

- Изабель в гостиной, - сказала она.

Изабель лежала на диване, обложенная со всех сторон подушками и накрытая гватемальским стеганым одеялом. На голове у нее был шелковый тюрбан янтарного цвета, а на пальцах блестели драгоценные камни (единственный блеск, который остается пожилым женщинам, сказала она однажды, с чем я, естественно, не согласился).

- Изабель, - произнес я и, подойдя, поцеловал ее в щеку. Затем сел на стул, стоявший рядом с диваном. Последние лучи заходящего солнца освещали ряды книг позади нее. - Вы намного лучше сейчас выглядите, - Изабель скорчила недоверчивую гримасу, опустив уголки рта. - Правда, - подтвердил я. - Гораздо лучше.

- Я живой труп, - возразила она. - А как у тебя дела?

Я рассказал о том, как обживаюсь в квартире, что работаю в баре, все-таки какой-то заработок. И вдруг я иссяк. Мне нечего больше было сказать. В замешательстве я опустил глаза. Изабель прикрыла своей рукой мою. Ее пальцы были невесомыми, бесплотными.

- Что ты делаешь с собой? - спросила она. Я нервно рассмеялся.

- Что вы имеете в виду? Она повторила свой вопрос:

- Что ты делаешь с собой?

- Ничего особенного, - ответил я тихо.

Изабель внимательно изучала меня несколько мгновений, потом потянулась за стаканом воды. Запив таблетку, она откинулась на подушки.

- Я знаю, что с тобой случилось что-то плохое.

Я не мог говорить. Все, что мне оставалось, так это пристально смотреть на нее.

- Я кое-что знаю об этом от того полицейского. Как там его звали? Олсен.

- Но я ничего ему не говорил...

Я старался восстановить в памяти тот разговор на дне рождения Пола Буталы. Вспомнилось сочувствующее выражение на лице Олсена, когда он подносил ко рту кружку с пивом...

Изабель слегка передернула плечами.

- Ну, ты, должно быть, что-то сказал.

Книжные полки позади нее уже погрузились в тень. На улице, за террасой, солнце стояло так низко, что освещались только верхушки сосен, окрашивая хвою ярко-оранжевым цветом с палевым оттенком, почти таким же, как и тюрбан на голове у Изабель. Обернувшись к ней, я увидел, что она протянула свою худую руку к шнуру выключателя и зажгла лампу.

- Я уже говорила тебе и повторю опять. Извини, если это прозвучит резко. У меня нет ни сил, ни времени па недомолвки. Что бы ни случилось с тобой, это уже позади. Ты должен идти вперед. Положим, ты не можешь больше танцевать, но ведь можно заниматься хореографией. Ты был таким талантливым хореографом! Конечно, слишком молодым, но очень талантливым, - она лукаво улыбнулась одними уголками рта. Даже будучи слабой, она все равно поддразнивала меня. - Такой дар... - она замолчала на мгновение, подбирая слова, потом сказала: - Такой дар везде на вес золота. Ты разве не видишь?

Я кивнул и некоторое время молчал.

- Не уверен, что это осталось позади меня, - наконец сказал я. - Иногда мне кажется, что еще нет.

Мы сидели молча, каждый был погружен в собственные размышления. Мои мысли разбегались. Я представил себе Пола Буталу, как он сидит в своем кабинете, возле него на столе блестит бриллиантовыми глазами его зажигалка...

Открылась дверь, и бледное лицо Эльзы показалось из темноты.

- Изабель пора отдыхать, - сказала она.

Я поднялся, готовый распрощаться, но Изабель взяла меня за руку.

- Остайся на ночь, - попросила она, - в твоей комнате. А завтра мы опять сможем поговорить.

Бывают дни, когда пейзажи Голландии очень совпадают с настроением. На следующий день, сев в поезд на Амстердам, я устроился у окна и уставился на пронесившиеся мимо аккуратные равнинные сельские пейзажи, которые действовали на меня успокаивающе. В них

не было ничего примечательного, разве лишь то, что они вообще тут были. Только однажды вдали появилась рожица, которая выглядела довольно естественно, как будто выросла там случайно, но когда поезд поравнялся с ней, стало очевидно, что это обман зрения - деревья посажены искусственно, рослыми рядами. Порядок был там с самого начала. Я невольно улыбнулся: типично голландский розыгрыш.

Тем утром Изабель говорила о моих балетах, хваля мое воображение, экспансивность, находчивость. Это было совсем не в ее духе, похоже, напоминая мне о моем прошлом, она таким образом пыталась вернуть меня самому себе. Это у нее не очень получалось. Слушая ее, я понял, как много у меня было отнято: сейчас я очень мало напоминал того человека, которого она описывала. По ее словам, через танец мне удастся выразить то, что меня тревожит. Я объяснил ей, что чувства, которые меня тревожат, делают саму идею танца невозможной.

Значит, мне надо над этим работать, ответила она. Надо продвигаться вперед. Я не сказал ей, что работаю над этим и продвигаюсь вперед. Каждая женщина, с которой я переспал, была еще одним шагом к правде. Во всяком случае, так мне представлялось. Я все еще думал, что должен сократить расстояние между собой и тем, что я испытал. Что бы я стал делать, если бы вдруг столкнулся с одной из трех женщин? Я не имел понятия. Может быть, ничего. Суть проблемы была не в получении ответов и даже не в постановке вопросов, а в соприкосновении с ней.

За последние несколько месяцев сфера моих поисков расширилась. Теперь я искал не только медсестер, я просто искал. В конце концов, немало времени прошло с тех пор, и не исключено, что они уже не медсестры, если вообще ими были. Мое восприятие происшедшего в той комнате было только одним из вариантов возможных толкований. Что, если женщины просто выкрали снотворное из больницы? Может, они вовсе не медсестры, а просто воровки? Итак, сфера поисков была расширена, а моя методика основывалась на интуиции. Если у меня возникало смутное подозрение по поводу кого-нибудь, то я сразу действовал. Я ложился в постель с разными женщинами - худыми и толстыми, молодыми и пожилыми. Они думали, что я хочу секса с ними. И ошибались. На самом деле, как только они снимали с себя одежду и я видел, что это не те женщины, я тут же терял к ним всякий интерес. Вот они на софе или на кровати в дешевом гостиничном номере в обеденный перерыв; или поздним вечером в квартире - пол залит лунным светом, батареи холодные; или на заднем сиденье машины, припаркованной в тихой аллее; на одеяле, расстеленном под деревом, или в песчаных дюнах, или на берегу водохранилища - канала или искусственного озера... вот они все, обнаженные, незнакомые... невинные. Всякий раз наступал сложный момент. В большинстве случаев они обвиняли меня, говоря, что я пытаюсь их унижить, что мне нужно всего лишь проявить свою власть. Они спрашивали, что я хочу доказать (очень уместный вопрос). Они говорили, что я импотент, трус, что я жалок. И все называли меня, как легко догадаться, женоненавистником. Некоторые даже впадали в ярость. Одна из женщин угрожала мне ножом. Я помню, как она стояла, обнаженная в своей спальне с искаженным от ярости лицом. Шторы с коричневыми и оранжевыми цветами позади нее были плотно закрыты, не пропуская дневной свет. В кулаке она сжимала нож длиной сантиметров двенадцать. Мне понадобился целый час, чтобы успокоить ее. Но иногда, что было гораздо хуже, некоторых охватывала страшная печаль, как будто то, что я отвергаю их, подтверждает их собственное мнение о себе - что они никому не нужны. Я чувствовал себя непростительно жестоким, когда молча наблюдал, как они собирают свою одежду, их тела сразу становились угловатыми, неловкими, как будто потерявшими свое значение, смысл. Что я мог поделаться? Сказать, что мне жаль? Что тут лишь моя вина? Вряд ли это что-либо изменило бы...

Поезд замедлил ход, подъезжая к одной из пригородных станций недалеко от Амстердама.

Временами я почти был готов отказаться от своих поисков, чувствуя, что больше не могу

видеть их слезы, гнев, молчаливую враждебность... Но у меня не было выбора. Я не знал, как я смогу жить по-другому. Со мной произошло какое-то превращение. Я превратился в такое же чудовище, как и женщины, которых я искал. Это был результат их воздействия на меня. Словно вампиры, они обратили меня в подобие самих себя.

Когда я выходил на платформу Центрального вокзала, мне в голову пришла неожиданная мысль, и я удивился, что не подумал об этом раньше. Я стоял на платформе под высокой изогнутой крышей, мимо меня плыл поток людей. Я спрашивал себя сейчас, по прошествии почти пяти лет, насколько точно помню тела женщин в белой комнате. Я концентрировался на нескольких отличительных деталях, как потерпевший кораблекрушение цепляется за обломки корабля, но что еще я помню? Разве не факт, что почти невозможно запомнить тела людей, с которыми ты переспал в прошлом? И не имеет значения, как долго вы были вместе. Как только расстаешься с человеком, его тело постепенно забывается, оно становится как будто неполным, приобретая абстрактный, почти призрачный образ. Да, остается общее представление о том, как человек выглядел, но сможете ли вы представить себе его тело во всех подробностях? Вряд ли. Это одна из форм распада, происходящего с нашей памятью; хотя есть еще одна, более явная форма - физического изменения, которая неизбежна в реальной жизни и в реальном времени. За пять лет тело меняется. Например, Мод могла набрать вес, а кожа Астрид - потерять упругость и гладкость. Так смогу ли я, с учетом всех этих изменений, с уверенностью опознать женщин, если увижу их? Если, допустим, в полиции на очной ставке их поставят в ряд с другими женщинами, обнаженными и с колпаками на головах, смогу ли выделить их? Или буду терзаться нерешительностью в темноте за непроницаемым стеклом?

Я расхаживал по платформе, которая уже опустела, если не считать ссорящихся под крышей голубей. В горле першило от резкого запаха мочи... Есть еще и третья форма распада, вдруг сообразил я. Постепенно тела женщин из белой комнаты, которые я видел пять лет тому назад, стали сливаться с женскими телами, которые узнал с тех пор. Они наплывали друг на друга, их очертания становились размытыми. Как будто я сложил в одну стопку слайды с изображением всех моих женщин в хронологической последовательности и теперь пытаюсь при помощи яркого света, направленного сквозь все слайды, рассмотреть три изображения, находящиеся в самом низу.

Невозможно.

В середине темного подземного перехода, ведущего в здание вокзала, я опять задержался. Я понял, что добиваюсь обратного результата. Каждый раз, когда я вижу обнаженное женское тело, оно выполняет роль кислоты, разъедающей образ тех женщин, которых ищу. Вместо того чтобы, как следовало ожидать, приблизить цель, каждая новая женщина заслоняет ее от меня. Короче говоря, в моем подходе уже содержатся зерна поражения, которые не дают результату прорасти. Я опять вспомнил слова Изабель. Она ничего не знала о моей ситуации, но советовала двигаться вперед, что теперь показалось мне вполне своевременным. Я почти дошел до такой точки, когда идти дальше не имело смысла, было абсурдным и даже опасным.

Я намеренно употребил слово «опасно». В ту зиму у меня начался уретрит [17]. Раньше у меня никогда не было никаких заболеваний, передающихся половым путем. И моя реакция, наверное, была типичной: я почувствовал себя запачканным, опозоренным.

Я проходил лечение в клинике, расположенной в центре города, рядом с Музыкальным театром. Моим лечащим врачом была женщина лет под пятьдесят, в белом халате, который она не застегивала, и в очках с узкими овальными стеклами. Она задала мне ряд вопросов личного характера, и среди них - сколько сексуальных партнеров у меня было за последние шесть месяцев. Я заколебался на мгновение, не зная, как ответить, потом сказал, что не знаю точно.

- Вы не уверены? - она взглянула на меня поверх очков.

- Много, - пояснил я.

- Больше десяти? Я кивнул:

- Да. Гораздо больше.

- Вы предохранялись?

Я посмотрел на нее, но ничего не ответил.

- В таком случае вам повезло, - сказала она, - что вы подцепили только это.

Как ни странно, опасность серьезной инфекции никогда не приходила мне в голову, по крайней мере до этого момента. Тут, конечно, сыграло свою роль то, что я был безрассудно решителен и зашорен в своем стремлении найти пресловутую троицу.

- Знаете, - спокойно сказала врач, - вам нужно быть осторожнее.

Получить совет заботиться о своем здоровье после всего, что со мной случилось? Меня это очень позабавило, и, наверное, я улыбнулся.

Врач наклонилась ко мне.

- Я больше думаю не о вас, а о тех, кто может контактировать с вами, - сказала она все тем же спокойным голосом.

Я судорожно сглотнул и отвел глаза в сторону. Она выписала мне какие-то антибиотики. Меньше чем через две недели все симптомы заболевания совершенно исчезли и никогда не возобновлялись. Однако я запомнил ее слова и с тех пор был более осторожен.

Помимо всего прочего, мне следовало подумать и о Джульетте. Я начал верить в то, что Джульетта - или скорее ее образ - имела прямое отношение к моей ситуации, воздействовала на мое сознание. Через три дня после знакомства в поезде, я позвонил ей домой. Она сказала, что рада тому, что я объявился, и поясняюще добавила, что изучает драматургию в университете и собирается уезжать на практику. Ей бы не хотелось, чтобы я позвонил и не застал ее дома, как будто она дала мне номер телефона, заранее зная, что исчезнет. Она рассмеялась в трубку. Мы договорились встретиться на следующий день в кафе «Люксембург», учитывая, что днем там почти никого нет.

Когда я приехал, она была уже на месте, сидела за столиком в глубине, откинувшись на стуле и вытянув ноги со скрещенными щиколотками, и читала книгу. Когда я подошел, она улыбнулась мне и сказала:

- Ну что, вы по-прежнему разговариваете с собой?

- Откуда же мне знать! Только если вы об этом скажете.

- Я или кто-то другой, - ответила она. Я улыбнулся.

- Другого нет.

Не помню точно, о чем мы говорили в тот день. Просто знаю, что впервые за много лет я почувствовал себя раскованно. Вот я на свидании с девушкой, и не нужно решать никакой задачи. Мне не нужно видеть ее обнаженного тела, достаточно видеть цвет лица. Был один момент, который запомнился - когда я увидел шрам у нее на левой руке, похожий на ожог, потому что кожа как будто расплавилась, а потом застыла. Впрочем, я нашел этот шрам еще

одним, очень трогательным доказательством ее невинности, которая и так очевидна. Я предпочел не спрашивать о шраме, не желая нарушать атмосферу нашей встречи, такую спокойную, свободную, совершенно для меня незнакомую.

Через месяц, когда она вернулась с Лазурного Берега, я пригласил ее в маленький итальянский ресторан на ужин. Ресторан находился на улице Джордаан. Вечер был холодным, и на ней был черный свитер, связанный в рубчик. В сочетании с коротким хвостиком этот свитер придавал ей очень французский вид. Ее губы были покрашены шикарной фиолетовой помадой, а на безымянном пальце руки (той, со шрамом) поблескивали шесть тоненьких серебряных колец. Она выглядела еще красивее, чем в первый раз, а главное - сама не осознавала своей красоты, а если и осознавала, то относилась к ней как бы со снисходительностью. Так обычно относятся к детям, когда они задают слишком много вопросов. Мне все это казалось в ней необычным, учитывая ее юный возраст. Не думаю, что ей было больше двадцати пяти, скорее, пожалуй, около двадцати.

Она рассказала, что практические занятия проходили в переоборудованном фермерском доме, находящемся в горах за Ниццей. По вечерам они ездили в город на старом американском тарантасе, который принадлежал одному из преподавателей. Пили коктейли в Негреско, танцевали в клубе в Кап д'Антиб. Вечером перед отъездом один молодой человек пригласил ее прокатиться на его яхте к греческим островам. Она отказалась от приглашения. Сказала, что он выглядел слишком симпатичным и в нем не было изюминки. Как манекен в витрине магазина.

- Однако богатый манекен, - заметил я.

Она пожала плечами, но ничего не сказала. И опять я был поражен ее самообладанием. Она производила впечатление человека, который твердо стоит на ногах, не имеет никаких иллюзий и ни от чего не зависит. Все для нее было ясно.

Мы беседовали о южной Франции, о которой я, конечно же, тоже много всего знал после лет, проведенных с Бриджит. В какой-то момент, наливая в наши фужеры вино, она заметила, что я разглядываю ее руку.

- Ты находишь ее уродливой? - спросила она.

- Нет, вовсе нет. Просто любопытно.

- Всем всегда любопытно, как это произошло, но мало кто спрашивает.

Она тоже стала внимательно рассматривать свою руку, наклоняя ее то вправо, то влево, как будто смотрела не на руку, а на кольца.

- Как это случилось? - спросил я.

- Это сделала моя старшая сестра.

- Нечаянно?

- Нет - специально. Потому что ревновала, - Джульетта перевела взгляд на меня. - Мой отец был голландским бизнесменом, а мать - родом из Суринама. Думаю, я была... - тут она помедлила, - не запланирована, - она слабо улыбнулась. - Во всяком случае, когда я была еще младенцем, меня отдали на воспитание. Люди, взявшие меня, уже имели дочь по имени Тайана. Наверное, она ревновала родителей ко мне, из-за того внимания, которое они мне уделяли. Однажды, когда мне было пять или шесть лет, она схватила мою руку, засунула в кастрюлю с кипящей водой и не отпускала.

- Она держала твою руку в кипятке?

- Да, всего лишь секунду-другую. Я так громко кричала, что она испугалась, - Джульетта снова улыбнулась и отпила из своего фужера. - Сейчас мы с ней в хороших отношениях. Она совсем не помнит о том, что сделала с моей рукой. Иногда я замечаю, как она озадаченно смотрит на мой шрам, как будто не понимает, что могло произойти...

Казалось, Джульетта уже давно не переживает по поводу случившегося, но все же в ней таилась какая-то грусть, и, когда она рассказывала мне об этом, ее голос невольно дрогнул. Я накрыл своей ладонью ее руку, ощущая под пальцами гладкую, истонченную кожу.

- Если ты согласишься на мои детские фотографии, - проговорила она, отводя глаза и оглядывая ресторан, - то увидишь, что на всех я стою с одной рукой в кармане. Это летом, а в холодное время я носила перчатки, - она покачала головой и тихо рассмеялась.

После обеда я повел ее в бар, где она заказала амаретто. Мы сели у окна и смотрели на улицу, бесцветную и холодную, с налетом инея в трещинах камней на мостовой. За последние несколько дней температура опускалась иногда ниже нуля, и вода в каналах Амстердама замерзла. Потом я провожал ее до трамвайной остановки. Проходя мимо ступенек лестницы, которую используют владельцы лодок, мы спустились вниз до камней, торчащих из-под льда, и я вынул из кармана монету.

- Слушай, - сказал я и бросил монету так, чтобы она покатила по льду. Мне всегда нравился дребезжащий звук, который получался при этом, - наполовину музыкальный, наполовину металлический, похожий на звяканье трамвая.

- Ты слышала? - спросил я.

Джульетта улыбнулась и, пройдя мимо меня, ступила на лед.

- Осторожно. Лед может быть местами тонким, - предупредил я.

- У меня есть идея... - она стояла передо мной в своем длинном черном пальто. - Мы можем найти твою монету. Я видела, куда она укатилась.

- Ты с ума сошла. Что, если лед проломится?

- Тогда мы промокнем и замерзнем, - сказала она с каким-то сдерживаемым восторгом, - и нам придется снова пойти в бар и еще выпить, чтобы согреться.

- Ты сумасшедшая, - сказал я. Но уже ступал на лед. Джульетта взяла меня за руку.

- Туда. Пошли.

Мы двинулись наискосок в ту сторону, куда укатилась монета. На замерзшую поверхность уже кое-что накидали. Мы прошли мимо пакета из-под молока, крышки от мусорного бака, велосипеда без переднего колеса. Лед под ногами трещал и скрипел, но держался. Вообще-то я не суеверный, но сейчас у меня в голове вертелась одна и та же мысль: если мы найдем монету, то что-то решится. Если мы найдем монету...

- Ты точно видела, куда она укатилась? - если уж на то пошло, мне этого не следовало знать. Мне просто нужно было что-нибудь говорить, не молчать. Наверное, на нервной почве. Казалось, Джульетта понимала это, потому что ничего не отвечала, а просто улыбалась мне. Когда мы уже прошли почти две трети пути через канал, она сделала несколько шагов влево и быстро наклонилась. Потом повернулась ко мне, вскинув вверх руку в перчатке. В ее пальцах что-то блестело.

Я взял у нее монету и рассмотрел ее.

- Та же самая, - подтвердил я.

- Ну конечно, - ответила она, и добавила: - Теперь ты не должен ее трогать.

- Нет. Я сохраню ее как доказательство.

- Чего?

- Не знаю. Чего-то.

Середина канала была необычно яркой - огни города отражались от низких облаков и ото льда, создавая удивительный эффект концентрированного освещения. Я обернулся и увидел, что Джульетта смотрит на меня.

- Как ты думаешь, я симпатичная? - спросила она. Я рассмеялся:

- Ну конечно.

Она оставалась серьезной.

- Я имею в виду - как женщина?

- Да, как женщина, - подтвердил я.

- Ты бы хотел поцеловать меня?

Она пылливо смотрела на меня, запрокинув свое лицо навстречу моему, когда я наклонился к ней. Целуя ее, я ощутил холод льда сквозь подошвы туфель по контрасту с жаром ее губ. Я отступил назад и посмотрел на нее.

- Ну как? - спросила она. - Хорошо?

Я улыбнулся и не ответил. У меня гулко стучало сердце. Настолько гулко, что казалось, это становилось опасным - мог бы треснуть лед.

Я увидел, как через горбатый мост за ее спиной едет на велосипеде какой-то мужчина, что-то напевая чистым глубоким баритоном. Почему-то это напомнило мне, что уже поздно. Я взял Джульетту за руку и повел ее к лестнице.

- Нам нужно идти, - сказал я, - а то ты пропустишь свой трамвай.

Это был период в моей жизни, когда я ушел в себя. Затаил, казалось, дыхание, ожидая, когда будущее себя проявит. Я разговаривал в основном с Изабель или Джульеттой. У меня было такое ощущение, что они обе, каждая по-своему, пытаются показать пути, лежащие передо мной, но, слушая их обеих, я воздерживался от принятия какого-либо решения. Воспоминания о хождении по льду остались во мне. Безусловно, надо двигаться очень осторожно, ведь всегда есть вероятность, что под тобой что-то проломится, хотя в конечном итоге всякая уверенность будет вознаграждена.

Однажды вечером после закрытия бара я пил пиво с Густой и ее приятельницей Ренатой, которая только что вернулась из Индии.

- Вы ведь путешествовали, да? - повернулась ко мне Рената с намерением найти общую тему для разговора.

Мы втроем пошли к катеру Ренаты, в котором она жила и который внутри был наполнен ароматическими свечами, золотыми статуэтками Будды и подушками с пришитыми к чехлам блестками. Мы выпили пива, потом я спросил, чем так странно пахнет. Рената объяснила, что

это благовония, которые она купила в Варанаси. Она показала мне несколько маленьких стеклянных пузырьков, в каждом из которых содержалась жидкость разного цвета. Мы курили гашиш из самодельного кальяна, потом вдруг я оказался с Ренатой один на один. Наверное, Густа незаметно ушла.

- Да, - проговорила Рената, издав хриплый смешок, - хорошая травка.

Она растянулась на кушетке, наблюдая за мной сквозь прикрытые веки.

- Можешь трахнуть меня, если хочешь, - предложила она. - Я не знаю...

- Ты трахаешь всех подряд, а что не так со мной? - спросила она.

Я покачал головой.

- Я под слишком сильным кайфом...

- Ну ладно. Я просто спросила.

Был момент, когда это могло произойти, потому что, когда я сейчас вспоминаю, то понимаю, что она в чем-то напомнила мне Мод. У нее были такие же крепкие щиколотки, такие же жесткие волосы... Но я был тогда на пределе. В полном изнеможении. И как только смог двигаться, поднялся на ноги и, распрощавшись с ней, отправился в свое убежище, до которого было всего несколько сотен метров. Все еще лежа на подушках, Рената проводила меня насмешливой, презрительной улыбкой.

Приблизительно через три дня мы с Джульеттой встретились за обедом. Для нас это было необычным, потому что занятия у Джульетты продолжались, как правило, целый день, а я работал по вечерам и днем отсыпался. Вдобавок, с момента того поцелуя на льду канала я пытался не провоцировать ее - даже не столько не провоцировать, сколько не торопить события, дать себе время на обдумывание. Возможно, мешал и тот груз испытаний, который отягощал меня и о котором необходимо будет все ей объяснить (она ничего обо мне не знала, даже того, что я был танцовщиком). А может, на протяжении многих лет секс означал для меня конец отношений и уже не ассоциировался ни с близостью, ни с любовью. Я не знаю. В любом случае я вел себя так, как будто мы с ней живем в разных странах, а не на расстоянии двадцати пяти минут езды на трамвае. По телефону мы могли говорить часами. У нас сложилось взаимопонимание, но такое, какое бывает между людьми, живущими в тысячах километров друг от друга. Тот факт, что я не сблизился с ней, интриговал ее. Она считала меня загадочным. Однажды она даже назвала меня жестоким. И ей не понадобилось это объяснять, и так было ясно. Я осознавал, что моя тактика, если можно было так назвать мое поведение, привязывает Джульетту ко мне все больше и больше. Сопrotивляясь влечению к ней, я становился все более для нее желанным. В каком-то смысле я оттягивал во времени то, что все равно должно было произойти.

Во время нашего обеда я, рассказывая Джульетте о том, что Изабель стало лучше, вдруг почувствовал, что рядом со мной кто-то стоит. Я обернулся. Это была девушка лет двадцати пяти, с короткими светлыми волосами. По презрительному выражению ее лица я догадался, что это одна из тех девушек, с которой я в свое время переспал и которую совсем не помнил.

- Вот чем ты теперь занимаешься, - сказала она. - Теперь ты переключился на чернокожих.

- Это Джульетта, - пробормотал я. - Мы просто друзья.

- Джульетта! - она выплюнула это слово, как будто что-то гадкое попало ей в рот. - Неудивительно, что ты больше не звонил мне. Отшвырнул меня в сторону как камень... - она поднесла руку к лицу, словно вот-вот заплачет. - Неужели ты такой бесчувственный?

- Это все не так...

- Спорю, ты даже не помнишь мое имя. Ну, как меня зовут? Конечно, она была права. И знала, что права.

- Черт с тобой, - выругалась она и вышла, хлопнув дверью. Я смотрел в стол. А когда поднял глаза, встретил взгляд Джульетты.

- Извини, - сказал я.

Она попыталась обратить все в смех, но у нее не очень получилось. Голосом, полным изумления, она спросила:

- Что же ты такое с ней сделал?

- Я не могу объяснить.

- Ты ведь с ней встречался?

- Нет, не совсем.

Джульетта, смотря на меня, медленно покачала головой.

- Джульетта, - я взял ее за руку, - ты должна мне поверить. Между нами ничего не было. Совсем ничего.

Наверное, я мог использовать этот эпизод для того, чтобы навсегда избавиться от Джульетты, но тут я понял, что не хочу этого. Понял, что Джульетта стала для меня ближе, чем кто-либо, и я просто не могу позволить себе потерять ее.

К тому времени, как мы вышли из кафе, мне уже удалось убедить ее в своей невиновности, в том, что я ничего плохого той девушке не сделал. Однако по ее лицу, когда мы расставались, было видно, что я для нее стал еще загадочней.

В конце той недели, в свой выходной, я поехал в Блумендаль, чтобы повидать Изабель. Как обычно, меня впустила Эльза. По ее словам, Изабель все еще в ремиссии и с каждым днем набирает силы. Врачи довольно осторожно дают оптимистичные прогнозы.

Однако первые полчаса Изабель только жаловалась. Она считала химиотерапию варварством. Ее возмущало, что при всех новейших достижениях в медицине, еще остается такое примитивное средство лечения. Она жаловалась, что Эльза, как всегда, слишком много суетится. А врачи просто тираны, потому что запретили ей курить. Когда за окном уже начало смеркаться, она спросила, слышал ли я когда-нибудь о Новой Земле. Я покачал головой.

Она рассказала, что в средние века, если ты хотел поехать в Китай, то нужно было плыть на юг, миновав мыс Доброй Надежды. Это было долгое и опасное путешествие. К середине шестнадцатого века один из голландских исследователей попробовал изменить маршрут. Он поплыл вместо юга на север, пытаясь проложить новый, более короткий путь. Его звали Биллем Баренц, и в его честь назвали улицу в Амстердаме. Есть также улицы имени его капитана, Ван Хемскерка, и улицы, названные в честь Новой Земли - острова, который сыграл важную роль в этой истории.

Последняя экспедиция Баренца покинула Амстердам 18 мая 1596 года. Через несколько недель его корабль застрял во льдах у побережья России, и команде Баренца пришлось высадиться на острове Новая Земля. На картинках остров поражает суровой красотой. Лед, в который он закован большую часть года, - бледно-голубого цвета, почти бирюзовый, причудливых форм, образованных самой стихией. Закаты там восхитительны - полосы

пурпурного цвета переходят в глухой черный тон. Однако для Баренца остров был почти концом света. Там не было деревьев, только камни, а начиная с августа почти все время стояла ночь. Из подручных материалов, взятых с корабля, команда построила временный лагерь. Его называли «Het Behouden Huys», что означает «Надежный дом», или «Вечный дом». Мореплаватели прожили там целую зиму, питаясь полярными лисами и белыми медведями, на которых они охотились с мушкетами, которые захватили с собой. Наконец, в июне следующего года, им удалось доплыть до материка. А до Амстердама они добрались только 1 ноября 1597 года. Выжили только двенадцать человек из команды.

В 1871 году норвежская экспедиция нашла остатки лагеря, где Баренц и его команда прожили много месяцев. Там были книги, инструменты, одежда, боеприпасы, посуда и навигационные приборы. Все это пролежало нетронутым на Новой Земле почти триста лет. Но и по сей день ни корабль, капитаном которого был Ван Хемскерк, ни могила Виллема Баренца, который погиб на обратном пути, не были найдены.

Когда Изабель закончила свой рассказ, я тихо сидел и смотрел в огонь. Пока я был в белой комнате, я думал, что внутри моего тела есть место, которое три женщины не могли затронуть. Я думал об этом месте как о доме. Дом внутри моего тела, в котором я жил, в котором я был в безопасности. Из его окон я мог видеть плоское и непримечательное пространство. Я мог видеть женщин, но они были лишь маленькими, удаленными фигурками. Они всегда присутствовали, но присутствовали в отдалении, не приближаясь ко мне. А если даже и подходили, то не могли войти внутрь. Я не знал, откуда у меня была эта уверенность, но она была. А теперь, после того как я услышал рассказ о том, что случилось с голландским исследователем и его командой, я понял, каким образом я выжил...

Наконец я отвел взгляд от огня. Мне казалось, что из моих глаз исходит свет, прорезая яркими лучами комнату.

- Что ты думаешь об этой истории? - спросила Изабель.

- Из нее может получиться замечательный балет, - произнес я, к собственному изумлению. Наверное, слова опередили мои мысли.

Изабель улыбалась, как будто я сказал то, что она ожидала от меня.

- Я тоже так думаю, - кивнула она.

Когда через несколько минут в комнату вошла Эльза, чтобы напомнить Изабель о том, что ей надо отдохнуть, мы все еще улыбались друг другу.

- Вы бы видели себя со стороны, - хмыкнула Эльза. - Вы как два заговорщика.

Лучше не скажешь. В результате всех наших бед мы с Изабель стали невероятным образом связаны. На протяжении следующих нескольких недель, которые оставались до Рождества, мы начали обсуждать проект, который должен был нас сблизить еще больше. В основу балета будет положена история Баренца, но только в общих чертах; я попытаюсь вложить в балет и мой собственный опыт. Я хотел ввести только четырех танцоров - одного мужчину, представляющего Баренца и его команду, и трех женщин, выражающих различные трудности, которые команда перенесла. Изабель одобрила замысел. Я даже обдумал музыку: у себя дома я недавно слушал Сонату для фортепиано Жана Баррака, которая воспринималась как штормовые каскады звуков со спадами, выражающими отчаяние одиночества. Несмотря на то что у нас не было ни сроков, ни обязательств и окружающие ничего не знали о нашем сотрудничестве, мы работали с огромным воодушевлением. Изабель делала записи при помощи лабанотации, старинного способа транскрипции движений, которому она научила и меня несколько лет тому назад. А я освободил место вокруг дивана - для того чтобы перед ней вырабатывать движения. Мне хотелось изобрести новые па, которые передавали бы

потрясение от падения в неизвестность. Это должны быть па в темноте, другими словами, па, передающие стремление к свету. Они должны показать, насколько люди чужды друг другу. Они должны иллюстрировать парадокс того, что обнаженность делает нас менее узнаваемыми, а наша кожа - величайшая из всех тайн.

Было странно после всего пережитого, спустя столько времени опять заниматься хореографией, и порой я ловил на себе удовлетворенный, но хитрый взгляд Изабель, который не сразу смог понять. Возможно, она поздравляла себя с тем, что втянула меня опять в танец. Но это было не все. Наверное, гадала, доживет ли до окончания работы над балетом, а может, это было для нее не важно. Достаточно того, что она явилась ее катализатором и что я доведу балет до конца от ее имени или даже в ее честь. Хотя она была уже крепче, чем в ноябре, но все равно быстро уставала. Когда она отдыхала, я надевал пальто и отправлялся на прогулку в места, которые любил - в сосновый лес, простиравшийся за домом, или в песчаные дюны. Возвращался я через час, оглохший от звенящего ветра, в моей голове не было ни одной мысли, только безмятежность и чистота, навеянные пейзажем и светом, - покой.

На Рождество я поехал домой повидать родителей. Мы провели несколько спокойных, приятных дней вместе. Я рассказывал о своей работе с Изабель, которая, между прочим, была одним из самых известных хореографов в Европе. Я рассказал им о Баренце и Новой Земле, понимая, что даю им в закодированном виде одну из версий моей собственной истории. Я еще раз осознал, сколь многим обязан Изабель. Рассказывая о Баренце, я приписал ему те эмоции, которые испытал сам - потрясение, мучительное неведение, страх, надежду, стыд. Это было самой подробной версией того, что случилось со мной, которую я смог поведать моей семье. И в общем, она была достаточно достоверной.

На следующий день я повидался со своим кузеном Филиппом, которого не видел много лет. В паб он пришел уже глубоко навеселе. Как только он сел, то сразу же стал рассказывать мне, как ему трудно найти подружку. По его словам, единственное, к чему он стремится, - это жениться и завести детей. Но он никому не нужен. Он проглотил треть большой кружки пива, глубоко вздохнул и спросил: «Ну а ты как?» Неожиданно я поймал себя на том, что рассказываю ему о Джульетте. Как мы встретились с ней в поезде, идущем в Амстердам, как она проявила понимание, посочувствовала мне. Я сказал, что она очень независима и самостоятельна, что, наверное, эти качества у нее развились потому, что ее в свое время удочерили. И еще я сказал, что она красива и что очень легко относится к этому, как будто ее красота - это чья-то шутка, которую с ней разыграли. Я никогда раньше не говорил о ней, и хотя в данной ситуации это тем более было довольно неуместно, не мог не рассказать о ней, обнаружив, что сам для себя делаю открытия. Когда я замолчал, Филипп посмотрел на меня, помолчал минуту и сказал: «Ну, некоторым это подходит*. И опять занялся своим пивом. Позднее, уже вечером, ложаюсь спать, я облокотился на раковину и посмотрел на себя в зеркало. В пространство за моим лицом. В пространство, где мы храним тайны, даже от нас самих. Некоторым это подходит. Затем я произнес эти слова вслух: «Некоторым это подходит». В это мгновение что-то решилось - собственно, я это уже почти решил для себя ранее, - и когда через два дня я летел в Амстердам, то едва мог сдержать нетерпение. Наконец самолет начал снижаться, облака расступились, и стало видно Северное море, холодное и спокойное, а вдали бледно-желтая полоска земли, которая была берегом Голландии. Потом под крылом мелькнула посадочная полоса.

Как только я очутился в здании аэропорта, то сразу же разыскал телефон-автомат и позвонил Джульетте. Ее не оказалось дома, и пришлось оставить сообщение: «Я вернулся. Очень нужно тебя увидеть. Позвони мне». Я опять позвонил ей, когда вошел в свою квартиру. На этот раз она ответила. Спросила, как я провел Рождество. Я рассказал, что получил в подарок от родителей полотенце, галстук и три пары носков. Они всегда были безнадежны, когда касалось подарков. Она рассмеялась.

- Может быть, ты и для них являешься тайной, - сказала она.

- Наверное. Вообще-то поэтому я и звоню... - я быстро сглотнул. - Мне нужно рассказать тебе... все, что уже в прошлом.

Джульетта молчала. Я представил себе, как она, опустив глаза, раздумывает над моими словами.

Я спросил, что она делает на Новый год.

- Ах, знаешь, тут разные вечеринки...

- У меня есть идея, - сказал я. - Давай пойдем на площадь Ньюив-Маркт, только ты и я. Они там устраивают фейерверк.

- Знаешь, я никогда туда не ходила. Ни разу, за все годы, что тут прожила. Даже когда была ребенком.

- Ну ты хочешь?

- Да, хочу.

- А как же вечеринки?

- Какие вечеринки? - спросила она и рассмеялась.

В канун Нового года я вышел из дома в половине девятого. Несколько дней тому назад лед на каналах растаял, и все, что было брошено на него, опустилось на дно, чтобы больше не всплыть. Это было предзнаменованием. Очень странным. Впервые в жизни я стал суеверен. Мне чудились знаки судьбы во всем. Я договорился с Джульеттой о встрече в баре, недалеко от района красных фонарей, и быстро зашагал в том направлении, стараясь прийти первым. Когда я пересекал Марникстрат, кто-то высунул ракету фейерверка из окна проходящей мимо машины и поджег фитиль. На долю секунды автомобиль показался привязанной к дереву ярко-оранжевой веревкой, затем он умчался в сторону Лейдсеплейн, а я стоял и смотрел, как от дерева во все стороны рассыпаются искры -словно брызги с отряхивающейся от воды собаки.

Когда я вошел в бар, Джульетта уже была там, сидела на табурете за стойкой. На ней была новая черная кожаная куртка, короткая красная мини-юбка и черные шерстяные колготки. Она сидела очень прямо, отчего у нее был высокомерный и почти величественный вид.

- Я думал, что приду раньше, - сказал я, подходя к ней. Она взглянула на свои часы и улыбнулась:

- Ты и пришел раньше. Но я пришла еще раньше. Вместо обычного троекратного поцелуя в щеку я наклонился и поцеловал ее в губы. Они оказались мягче, чем запомнились мне, и сладкими от горячего шоколада, который она пила. Я выпрямился. Она выглядела удивленной и заинтересованной; улыбка продолжала блуждать на ее лице.

- Я скучал по тебе, - сказал я, - действительно скучал. Мы так давно не виделись.

- Я выгляжу прежней?

- Красивее, чем когда-либо.

Я заказал виски и облокотился на стойку рядом с ней, чувствуя, что ее нога касается моей.

Лица людей вокруг светились внутренним светом. Последняя ночь уходящего года.

- Что у тебя там? - спросила Джульетта, прикасаясь к моему рюкзаку.

Я протянул рюкзак ей:

- Посмотри сама.

Она развязала шнурки, засунула внутрь руку и вытащила бутылку шампанского.

- Это для нас? Я кивнул.

- На потом. К полуночи.

Она снова опустила в рюкзак руку, и на этот раз вынула маленький белый сверток, перевязанный серебряной ленточкой.

- Это для тебя, - сказал я. - Подарок.

Наверное, это было совсем не то, что она ожидала. Я наблюдал, как она развязывает ленточку, разворачивает бумагу. Внутри была маленькая квадратная коробочка. Она открыла крышку, там лежала серебряная цепочка, продетая в монету. Это была та самая монета в два с половиной гульдена, которую я бросал на лед канала и которую она повела меня искать. Мне было интересно, поймет ли она, что я имел в виду, даря ей эту монету. Я надеялся, что поймет. Я наблюдал, как она разглядывает подарок, который, поблескивая, свернулся клубком на ее ладони.

- Ты доверяешь мне, - сказала она.

Хотя до площади Ньив-Маркт было совсем недалеко, у нас ушло двадцать минут на то, чтобы добраться туда, и по мере приближения толпа становилась все гуще. Кто-то зажег гирлянду петард, длиной почти в пять метров, и все разбежались в разные стороны. Джульетта крепче сжала мою руку, когда мы тоже прижались к стене. Петарды по очереди взрывались, гирлянда извивалась по узкой улочке под аккомпанемент громких хлопков наподобие автоматной очереди, затем опять нахлынула толпа, послышались смех, шутки, все кругом пили, и вот мы оказались на площади...

Настроение у всех было праздничное, шумное. Складывались огромные костры из всего, что попадалось под руку: картонных коробок, сломанных стульев, ящиков из-под фруктов, даже притащили небольшую лодку. Мы прошли мимо двух мужчин, на которых были надеты гигантские, раскрашенные головы из папье-маше. Мы видели девушку на ходулях, шествующую в облаке дыма. Воздух сотрясался от постоянных вспышек фейерверка и треска петард, которые кружились в воздухе, почти задевая веселящихся людей.

Мы присели у фонтана и открыли бутылку шампанского.

- У меня есть немного травки, - сказала Джульетта.

Она вытащила из кармана самокрутку, зажгла и передала мне. Я вдохнул дым в легкие и задержал его.

- Смотри, - сказал я.

С того места, где мы сидели, можно было видеть двух трансвеститов, одетых один в черное, а другой в белое длинные бальные платья. Экстравагантные парики восемнадцатого века, с тяжелыми локонами, спускались им на спины, а, судя по тому, как они, пошатываясь, семенили по булыжникам, туфли у них были на высоченных каблуках, не меньше десяти сантиметров. Они перекликались хриплыми голосами, отпуская неприличные шуточки и непрерывно гримасничая под слоем театрального грима. Место, на котором они устроили

представление, было огорожено маленькими керосиновыми лампами.

Джульетта улыбнулась:

- Они замечательные.

Мы встали и подошли к ним. Трансвестит в черном платье пил из горлышка шампанское, а другой, в белом платье, пускал кольца сигаретного дыма и приставал к мужчинам, которые смотрели на него. Они по очереди зажигали фейерверочные ракеты, которые стояли на земле вокруг них.

Когда я передал шампанское Джульетте, к ней подлетел трансвестит в черном. Вблизи его платье было похоже на обугленную газету. Мне показалось, что если дотронуться до него, то оно превратится в прах.

Трансвестит потянулся к Джульетте, чтобы чокнуться бутылками. Раздался глухой звон тяжелого стекла.

- Ну, с кем ты сегодня ночью? - спросил он.

Джульетта улыбнулась, но ничего не ответила. Он повернулся ко мне. У него были редкие гнилые зубы, а его глубоко посаженные глаза светились мрачным таинственным светом. Он заговорил со мной на голландском языке, приблизив губы к моему уху так близко, что я почувствовал запах алкоголя, табака и тошнотворно приторных духов.

- Она красивая. Ты смотри за ней, - сказал он. И, заковыляв по мостовой, нагнулся, чтобы зажечь очередную шутиху от своей сигареты.

- Что он сказал? - спросила меня Джульетта. Я улыбнулся.

- Я не могу тебе сказать.

- Это обо мне? Я кивнул.

- Что-нибудь хорошее?

Я посмотрел на трансвестита. Он стоял метрах в десяти от нас, флиртуя с группой мальчишек, пьющих пиво. Его бутылка из-под шампанского была теперь пуста, и он держал ее за горлышко, как жонглер. Я посмотрел мимо него, вдаль. Небо над крышами домов озарялось фиолетовыми, белыми и пунцовыми вспышками ракет, запускаемых из боковых улочек позади площади.

- Очень хорошее, - ответил я.

В этот момент все часы стали бить полночь. Полночь, а мы даже не заметили. Я рассмеялся и обнял Джульетту. С последним ударом по площади пронесся гул, как будто открыли дверцу огромной печи или пронесся ураганный шквал. Мы прильнули друг к другу и стали целоваться, и целовались так долго, соприкасаясь языками, что, открыв глаза, я был ослеплен странным серебряным сиянием, окружавшим нас со всех сторон. Я отстранился и посмотрел на нее. И хотя уже был пьян и обкурен, все равно понял, что чувствую то же самое, что и в доме у родителей пять дней назад, когда смотрел на себя в зеркало.

В половине первого мы ушли с площади и пошли ко мне домой на Кинкербюрт. На улице валялись остатки от красных петард, они лежали кучками, как опавшие листья. Мы прошли мимо молодой пары, танцевавшей на мосту. Девушка с закрытыми глазами напевала какую-то незнакомую мелодию, кружась в объятиях молодого человека в кожаном пальто, отливавшем металлическим блеском.

Неожиданно я сказал:

- Я раньше был танцовщиком, - Джульетта повернулась и посмотрела на меня. - И еще я был хореографом. Довольно известным, - с улыбкой добавил я.

Она спросила, в каких балетах я танцевал, и я назвал несколько своих балетов.

- Знаешь, по-моему, я видела один из них, - она остановилась посередине улицы, между трамвайных рельсов, кивая головой. - Меня водил на него отец. Мне было лет пятнадцать, - она начала описывать балет, который я едва помнил. - Странно, - сказала она, - но когда я впервые увидела тебя в поезде, то подумала, что откуда-то тебя знаю. И поэтому мне было легко с тобой заговорить.

Я улыбнулся ее словам. Меня-то к ней привлекла как раз ее непохожесть на остальных. Я точно знал, что раньше ее никогда не видел.

- Но сейчас ты работаешь в баре... - полувопросительно протянула она и запнулась.

- Это временно, - сказал я.

- Ты опять будешь танцевать?

- Нет, не танцевать. Может, займусь хореографией. За последние несколько недель у меня опять появилась необходимость что-то делать...

В большинстве домов на улице Якоба ван Леннепкаде горел в окнах свет. Вода в канале была тихой и спокойной. Мы свернули на улицу, где я жил. Когда я вынул ключи, Джульетта коснулась моей руки.

- Позволь мне, - попросила она.

Она взяла у меня ключи и, открыв дверь, нащупала выключатель. Слева за темно-зеленой дверью была узкая крутая лестница.

- Какой этаж? - спросила она.

- Третий.

Мы молча поднялись наверх. На третьем этаже она остановилась, переводя взгляд от одной двери к другой.

- Справа от тебя, - сказал я.

Когда она повернула в замке ключ, свет на лестнице погас. Она осторожно открыла дверь и вошла. Перед ней возник из темноты, как на проявляющейся фотографии, призрачный прямоугольник окна гостиной. Снаружи за ним виднелось голое дерево, тень от веток покрывала узором стену и мебель. Я зашел в квартиру следом за Джульеттой и закрыл дверь. Пахло джутовым ковриком, который я положил в прихожей, и сухими цветами. Посреди комнаты она обернулась ко мне, у нее было серьезное напряженное, полное решимости лицо, как будто она осмелилась на что-то опасное.

- Я влюблена в тебя, - сказала она.

Положив руку мне на грудь, она приподнялась и поцеловала меня. Ее губы были расслаблены и прохладны. Она снова поцеловала меня, одновременно снимая кожаный пиджак и позволяя ему соскользнуть на пол. Мы все еще стояли в темноте. На стене живым серебристым светом поблескивало зеркало, собрав в себе, словно магнит, все небольшое

освещение, которое было вокруг.

Я притянул ее к себе. Она припала ко мне, как будто хотела слиться с моим телом. В ней ощущались напор и устремленность, что подразумевало опытность. Я почувствовал себя менее искушенным, чем она. Где-то вдалеке послышался свист петарды.

В спальне мы раздели друг друга так же осторожно и медленно, как она разворачивала мой подарок. Который, кстати, казался единственным, что на ней осталось и с чем она не захотела расстаться. Когда она легла, монета соскользнула между ее грудей и устроилась в ложбинке у ключицы. В темноте ее нагота казалась такой черной, что я мог в ней вполне исчезнуть.

- Поцелуй меня, - прошептала она, - поцелуй меня везде.

Я начал со ступней и стал медленно продвигаться выше. Я перевидал столько женских тел, и в этой комнате тоже, даже на этой же кровати, но каждый раз пребывал в состоянии какого-то вымученного ожидания. Все время искал отметины, шрамы - улики. Я был детективом, который отсеивает подозреваемых. Сейчас же, с Джульеттой, я знал, что ничего такого никогда не видел, все в ней мне было незнакомо.

- Твои волосы пахнут фейерверком, - пробормотала она. Я старался оттянуть тот момент, когда войду в нее. Хотелось доставить ей как можно больше удовольствия. Почему бы и нет. Впервые я мог себе это позволить. Помнится, она коснулась ладонью моей руки и я почему-то зафиксировал время: часы показывали двадцать пять минут первого. Она лежала подо мной с неподвижным лицом, как будто была так переполнена страстью, что могла расплескаться.

- Войди в меня сейчас, - прошептала она.

Куда ни помотришь в Амстердаме в начале января, везде увидишь отпечаток запустения. После Нового года на улицах полно выброшенных елок, которые валяются, роняя редкие порыжевшие иголки. Они очень быстро облетают, оставляя голый остов. Водостоки и канавы забиты остатками китайских гирлянд и петард, разноцветными бумажками, промокшими и полинявшими. Мертвые деревья, мертвые листья... Наверное, это мертвое время в любом городе. Праздник миновал, люди опять вышли на работу, и еще не скоро наступит очередной праздник. В это время очень странно быть влюбленным. Кажется, что выбиваешься из повседневности. Чувствуешь себя избранным. Удачливым.

В тот год погода была холодной и промозглой. После закрытия бара я приходил домой и находил Джульетту спящей в моей постели. Иногда, услышав, как открывается дверь, она приподнималась на кровати с широко распахнутыми глазами и произносила мое имя. Она еще была в полусне. Я гладил ее по голове, целовал, и она опять падала на подушки. Когда ее дыхание становилось равномерным, я шел на кухню с зелеными стенами и готовил себе травяной чай. Тихо сидел и читал английские газеты. За окном тоже было тихо, только за две-три улицы от меня слышался шум ночного транспорта - вкрадчивое шуршание, напоминавшее мне звук работающего кондиционера. Иногда из спальни доносился шорох простыней - это Джульетта поворачивалась на другой бок. Где-то через час и я укладывался в кровать, пристраивался к ее телу, положив руку ей на бедро. Иногда я просто лежал в тишине, позволяя мыслям спокойно скользить в темноте. Время замедлялось. Раскрывалось. Я парил в свободном полете. Я был счастливее, чем ожидал, особенно при данных обстоятельствах. И в то же время я чувствовал, что мое счастье заслужено мной. Я так долго ждал его. Я его заслужил. И это придавало моему состоянию особую ценность, делая мое счастье еще более значимым. Утром, если я просыпался раньше, что случалось редко, я лежал и смотрел на спящую Джульетту. Ее лицо слегка блестело, как будто в коже содержались вкрапления золота. Мне нравились темные линии на ее ладонях и едва

уловимый запах, - смесь пастернака и овсяного печенья. По выходным мы оставались в кровати до одиннадцати или двенадцати часов, иногда просто лежали обнявшись и разговаривали. На улице всегда было так пасмурно, что в хозяйственном магазине на углу горел свет. Потом, надев кимоно, которое я купил в Осаке много лет тому назад, Джульетта шла на кухню и ставила воду для кофе. Пока разогревалось молоко, она бесцельно бродила по квартире, рассматривая разные безделушки. Я наблюдал, как она проходила мимо двери в спальню, в слишком большом для нее кимоно, подол которого тянулся за ней как подвенечное платье. Иногда она зачитывалась книгой или засматривалась в окно, тогда раздавался внезапный крик, она мчалась на кухню, к сбежавшему молоку. Она никогда не подпоясывала кимоно, поэтому, когда наконец подходила ко мне, неся кофе, спереди кимоно распахивалось обнажая гладкую ложбинку между грудей, живот со слегка выпирающим пупком, гладкие и черные волосы на лобке, такие же прямые и блестящие, как и на ее голове, внутреннюю поверхность бедер, узкие колени, ступни... Если был будний день и у Джульетты были занятия по драме, я обычно опять засыпал. Потом мы встречались в кафе или шли в кино. Вечером я готовил ранний ужин, выходил из дома и шел до работы пешком. Хотя ей и не очень нравилась Густа, иногда Джульетта приходила в полночь в бар. Она садилась за круглый столик в углу и читала пьесу или сценарий. Когда я проходил мимо, собирая пустые стаканы и пепельницы, она поднимала на меня глаза и улыбалась, как бы говоря: «Не странно ли, что я нахожусь здесь? Это так на меня не похоже». У нее всегда было такое представление о себе, что ее не ожидают, что она не к месту, как бы сюрприз для себя самой и для других.

И в этом мы были с ней похожи.

Однажды в середине января, в одну из суббот, я повез Джульетту в Блумендаль. Я не мог не улыбнуться, когда увидел Изабель. Хотя она, как всегда, и возлежала на диване, но в этот раз на ней было изящное белое платье, а на голове фиолетовый шелковый шарф. На запястьях и пальцах переливалось множество драгоценностей, в том числе и браслет, который ей вручил Баланчин в знак своего восхищения. Она знала, что я привезу с собой Джульетту, и оделась специально для нее. Ее вид так меня поразило, что я не сразу заметил Пола Буталу, который сидел в тени у камина. После знакомства я оставил женщин и подсел к Полу. Он выглядел более подавленным, чем обычно, и то и дело поглядывал то на Джульетту, то на меня, но без любопытства. Я спросил его, знает ли он Париж. Мне хотелось отвезти туда Джульетту на выходные. Он пробормотал что-то о кладбище Пер-Лашез, пожал плечами и смахнул пылинку с лацкана пиджака.

- Благодаря вам мы познакомились, - услышал я слова Джульетты, обращенные к Изабель. - Мы должны быть вам благодарны.

- Думаю, вы преувеличиваете мою роль в этом деле, - ответила Изабель, хотя я видел, что ей приятны слова гостыи.

С болезнью ее жизнь стала слишком ограниченной, приземленной. И влиять на события - любые события, - происходящие вне этой комнаты... Но она быстро устала в тот день, и мы пробыли у нее меньше часа. Когда я наклонился к ней, чтобы поцеловать, она взяла меня за руку и попросила дать обещание, что я приеду к ней опять... пока не поздно. Хотя бы на полдня или всего лишь на утро. На большее ее не хватит в любом случае. И мы снова вместе поработаем над балетом. Я обещал приехать к ней сразу же после того, как вернусь из Парижа. У меня есть новый вариант начала, который я хочу ей показать.

В поезде я спросил Джульетту, что она думает об Изабель. Джульетта сидела, прислонившись к окну, и смотрела в проносящуюся мимо темноту.

- Она грандиозна, правда? - сказала Джульетта. - Я всегда думала, что такие люди интересуются только собой. Но она не такая.

Я улыбнулся:

- Но может быть такой.

Однако Джульетта, казалось, не слышит меня.

- Я теперь знаю, почему ты говорил сам с собой тем вечером, - сказала она. - Потерять такого человека, как Изабель... - она еще некоторое время смотрела в темноту, потом повернулась ко мне. В ее глазах светился восторг: - Ты видел тот браслет?

Мы приехали в Париж в пятницу и остановились в маленькой гостинице недалеко от вокзала Gare de l'Est. Наш номер находился на верхнем этаже. Стены комнаты были оклеены обоями с огромными красными розами, похожими на взрывы, как сказала Джульетта, а кровать все время скрипела - не только когда мы занимались любовью, но и когда просто садились на нее. В тот вечер мы поужинали в пивной на улице Faubourg St. Martin, а в половине двенадцатого отправились на такси в клуб, о котором слышала Джульетта. Вход был закрыт, и на улице вдоль тротуара стояла толпа людей, ожидая, когда можно будет войти. Все смотрели на прохаживавшегося у входа охранника, одетого в токсидо. Когда мы вышли из такси, охранник, увидев нас, подал нам знак рукой, приглашая войти. Толпа послушно расступилась, и мы прошли в клуб. Потом мы смеялись над тем, как шикарно смотрелись. Вернулись мы в гостиницу в три часа утра и, слегка опьяневшие, забрались в постель. Джульетта стянула с меня рубашку, которая была еще пропотевшей после танцев, задержав на секунду руку на овальном блестящем шраме, оставшемся от татуировки.

- Странно, - сказала она, - у нас обоих есть шрамы...

Больше она ничего не произнесла, и я вздохнул с облегчением. Многие женщины, с которыми я спал, спрашивали меня про шрам, и я придумывал разные истории - автомобильная авария, спортивная травма, срочная операция аппендицита. Я никому не сказал правды, и сейчас не хотел этого делать. Думаю, в глубине души я понимал, что моя любовь к Джульетте коренится в стремлении обезопасить, отсечь себя от прошлого. Рядом с ней я чувствовал себя защищенным от прошлого и вовсе не хотел рисковать этим чувством. Я был счастлив возле нее, погружен в настоящее, которое продолжалось бесконечно...

Это были простые, но памятные дни. Мы ходили по холодным, залитым солнцем улицам, пока не начинали гудеть ноги. Однажды попросили какую-то японку сфотографировать нас на фоне Эйфелевой башни, пили в барах анисовый ликер, даже посетили Пер-Лашез, о котором говорил Пол Бутала, и были поражены размерами и помпезностью этого кладбища, которое больше напоминало город. Вдоль вымощенных дорожек тянулись ряды могил, оформленные в виде домиков и храмов, иногдаobelisks или пирамид, а то и в виде неожиданных экзотических монументов. Постепенно я узнавал Джульетту. Хотя иногда она могла быть очень собранной и сдержанной - у могилы Эдит Пиаф она простояла ровно минуту со склоненной головой, - у нее случались эмоциональные всплески. Например, в тот день, когда она повела меня по льду канала. Вечером в воскресенье, в наш последний вечер в Париже, она опять показала себя с этой стороны. Нас пригласили на обед к мадам Соффнер, которая была давнишней знакомой ее отца. Чтобы не придти с пустыми руками, мы купили букет пурпурных роз, таких, как на обоях в нашем номере. В седьмом районе, недалеко от дома мадам Соффнер, мы увидели, как к одному из зданий подъехал черный лимузин. Дверца распахнулась, и из машины вышла Катрин Денев. Я узнал ее по лунно-светлым волосам и ясной, светящейся коже. Прежде чем я успел что-либо сказать, Джульетта уже направилась к ней. Я наблюдал, как она протянула актрисе букет, который мы купили для мадам Соффнер. Катрин Денев взглянула на цветы, потом на Джульетту и улыбнулась. Пока Джульетта возвращалась ко мне, кинозвезда вошла в дом в сопровождении двух мужчин в черных костюмах.

Я спросил у Джульетты:

- Что ты сказала ей?

- Я сказала, что она великолепная актриса. Magnifique, и что я тоже хотела бы стать актрисой, Джульетта вдруг нахмурилась. - Я нормально сказала «magnifique»?

- Нормально. А что она ответила?

- Что розы очень красивые. И пожелала мне удачи в моей карьере.

- Значит, это действительно была она?

-Да.

Джульетта посмотрела в сторону дома, в который вошла актриса; внутренний холл, залитый эффектным золотым светом, был пуст.

- Теперь у нас нет ничего для знакомой твоего отца, - сказал я.

- Да, действительно. Это проблема, - протянула Джульетта так серьезно и с таким сосредоточенным выражением на лице, что я невольно рассмеялся.

Но проблему мы решили. Купили мадам Соффнер бутылку шампанского в магазине, который оказался открытым. А сорт шампанского оказался ее любимым.

Бывают периоды, когда жизнь поворачивается к нам своей светлой стороной, когда все получается, что бы ни сделал. Прошло столько времени с тех пор, как предыдущий период закончился для меня, что теперь я ощущал себя так, будто мою жизнь окунули в сироп и она стала восхитительно, почти невыносимо сладкой.

В конце месяца, в один из вторников, Джульетта решила переночевать у себя в квартире. На следующий день у нее с утра был просмотр в театре, который находился рядом с ее домом. В шесть часов вечера мы попрощались у подъезда моего дома. С Нового года это была всего лишь вторая ночь врозь, и я, помнится, обнял ее так крепко, что она пробормотала, что я ее раздавлю. Я пожелал ей удачи, поцеловал ее на прощание, а потом смотрел, как она уходит, стройная и прямая в длинном темном пальто, с черными волосами, которые блестели каждый раз, когда она проходила под фонарем.

Тем вечером в бар зашла одна шотландская пара. Они прилетели в Амстердам на неделю в отпуск. Он работал геологом в нефтяной компании, а она была художником-гримером. Их звали Билл и Эмма. Когда бар уже закрывался, они сказали мне, что собираются в клуб, и спросили, не хочу ли я к ним присоединиться. Обычно у меня было правило никогда никуда не ходить с посетителями бара. К тому же в половине второго ночи меня тянуло в тишину и покой собственной квартиры, а с начала января появился еще и дополнительный стимул -Джульетта, даже если она спала, когда я приходил. Но в ту ночь Джульетты не было, и я подумал: а почему бы нет?

На улице похолодало, мы все ускоряли шаг, и изо рта у нас шел пар. Эмма шла на высоких шпильках и все время спотыкалась на булыжниках мостовой и трамвайных рельсах, невольно чертыхалась. Однако она не выходила из себя и всякий раз улыбалась, нагоняя нас.

Сначала мы пошли в клуб на улице Сингел, затем в другой, на Регулирсдварсстрат. Билл и Эмма танцевали, а я пил пиво и смотрел. В клубе было жарко, но я наслаждался отдыхом и не жалел, что пошел с ними. В три пятнадцать утра мы сидели в зале второго этажа. Здесь были темно-красные стены, приглушенное освещение и синие бархатные диваны в форме раковин. Эмма рассказывала о том времени, когда она работала с Лайзой Минелли, а я

думал, что могу рассказать, как Джульетта встретила с Катрин Денев, когда заметил, что фужер Билла опустел.

- Повторить, Билл? - спросил я. Билл кивнул:

- Спасибо.

- Эмма?

Она покачала головой:

- Нет, спасибо.

Я подошел к стойке бара, которая имела изогнутую форму и удачно вписывалась в угол зала. На бармене были черный жилет и галстук-бабочка темно-синего цвета с блестками. Позади него на стеклянных полках, подсвеченных снизу, рядами стояли бутылки. Я встал между мужчиной и девушкой и заказал два пива.

Помню, что стоял и смотрел на свои руки, когда боковым зрением уловил какое-то легкое, замедленное движение. Потом я увидел, как сантиметрах в десяти от моей правой руки на стойку бара опускается волос. На черной лакированной поверхности он был отчетливо виден. Длинной с палец, волнистый и рыжий.

Я застыл, ощущая, что воздух вокруг меня сгустился и сомкнулся. И внутри этого застывшего шара громко стучало мое сердце. С каждым его ударом у меня перед глазами появлялось и исчезало черное расплывчатое пятно...

Когда я повернулся, чтобы посмотреть на девушку рядом со мной, она уже отходила от стойки. Я проследил, как она прошла через зал и села на один из диванов. И только тогда посмотрел на волос, который упал с ее головы. Я осторожно потрогал его пальцем, и меня захлестнуло волнение - я его узнал.

- Два пива.

Я посмотрел на бармена, который поставил передо мной две кружки и ждал, когда я расплачусь.

Я вернулся за столик. Девушка сидела позади меня, у окна.

Я медленно откинулся назад и оглянулся. Она сидела ко мне в профиль, с ней было еще два человека. Ее лицо не имело значения. У нее было тело Астрид, и это на минуту смутило меня. Мне всегда казалось, что рыжие волосы были у Гертруд. Но учитывая, в каком я был тогда состоянии, ничего удивительного, что мог все перепутать.

- С тобой все в порядке? - спросил Билл.

В моей голове звучали слова, которые я услышал в белой комнате, когда рыжий волос плавно опустился по воздуху на пол. «Скажи мне, что ты хочешь получить в награду». Я поднялся.

- Извините, я на минуту.

Я подошел к девушке и остановился напротив нее. На ней была черная блузка с длинными прозрачными рукавами и черная юбка. На большом пальце левой руки поблескивало широкое серебряное кольцо. Ей могло быть и лет тридцать - тридцать пять. Она хорошо выглядела. Она всегда хорошо выглядела. Наверное, всегда будет такой.

- Кажется, мы знакомы? - спросил я.

Она подняла на меня глаза. Блестящие глаза без всякого намека на любопытство. В них ничего не колыхнулось. Я смотрел, как она зажигает сигарету. Ее спутники, мужчина и женщина, повернулись друг к другу и начали разговаривать. По выговору мужчина был американцем.

- Мы встречались, - сказал я, - не так ли?

Теперь мои слова не походили на вопрос, и если она была удивлена или взволнована, то не показала этого.

- Я не понимаю, о чем вы говорите, - ответила она, затягиваясь сигаретой. Затем, выпустив дым через ноздри, слегка отвернулась и стряхнула пепел о край пепельницы.

Я смотрел, как ее худая рука двигалась под газовой тканью блузки, изучал ее изящные, но сильные пальцы. Пепел упал с кончика сигареты и рассыпался. Я внимательно приглядывался к ней, и все ее движения были мне знакомы.

Потом она подняла лицо, и вдруг я заметил в нем жесткость.

- Отстань, - сказала она.

Ее спутники быстро переглянулись.

Вспышка гнева, такая же, как в белой комнате. Я улыбнулся ей. Ее глаза были грязно-зеленого, можно сказать, болотного цвета. Я опять улыбнулся и покачал головой.

- Я позову охрану, - процедила она.

Я отвернулся, все еще улыбаясь, и сел за свой столик рядом с Биллом, спиной к девушке. Билл замолчал на середине предложения.

- Что-то не так? - спросил он.

Эмма с любопытством смотрела на меня.

- Ты знаешь ее? - опять спросил Билл.

Я взял свою кружку. У меня все так же сильно билось сердце, но сейчас хотя бы перестали появляться черные пятна перед глазами. Я вспомнил, скольких женщин с тех пор перевидал, - и вот она здесь, почти через пять лет, одна из трех, которых я искал. Что теперь? - думал я. Что теперь?

Я посмотрел на Билла.

- Я знаю, кто она, - сказал я.

- Звучит таинственно, - сказала Эмма.

- Да, - рассмеялся я. - Действительно, - я отхлебнул пива. Оно было теплым и пенистым, похожим на слюну.

Оставив Билла и Эмму на диване за разговором, я отошел в общий зал клуба, сказав им, что иду в туалет. На самом деле мне хотелось побыть одному, чтобы никто на меня не смотрел. Я облокотился на металлические поручни, которые образовывали что-то вроде балкона над танцплощадкой. Взгляд мой упал вниз на танцующих. Музыка была громкой. Диско и фанк, музыка семидесятых годов. Мне хотелось все ясно обдумать, но мой мозг был, казалось,

парализован. Я не мог быть пьян. Я выпил всего три кружки пива.

Переведя взгляд вверх, я увидел, что та девушка вышла на балкон и повернула направо к туалетам. Она меня не заметила. Она была одна.

Я оставил свою кружку и последовал за ней. Пройдя через черные вращающиеся двери, я очутился в небольшом коридоре, освещенном инфракрасным светом. Мимо проскользнул мужчина в жилете, его щеки и лоб казались алыми, а вместо глаз зияли пустоты. Меня обдало запахом пота и лосьона после бритья. Идти ли мне за девушкой или подождать здесь?

Я подошел к двери, на которой было написано «Женский туалет», и, толкнув дверь, оказался в большой комнате с ярко-фиолетовыми полосами на стенах. Справа, метрах в четырех от меня, стояла девушка. Больше никого не было видно. Я слышал, как она мыла руки под краном, а снизу, из танцевального зала, доносился приглушенный гул музыки...

Когда я шел через комнату к ней, она стояла, закрыв лицо руками, как будто играла в прятки и считала до ста, чтобы потом идти меня искать. Она увидела меня в зеркало, когда я приблизился к ней сзади. Я не стал с ней разговаривать. Мне нечего было сказать. Я зажал ей рот рукой и затащил ее в одну из пустых кабинок. Прикрыв дверь, я рванул на себя ее блузку, которая разорвалась легко, как бумага. Я увидел ее грудь, которая выглядела знакомо. Но мне этого было недостаточно. Мне были нужны твердые доказательства, чтобы не оставалось и тени сомнения. Я схватил ее юбку. Рот девушки был открыт, наверное, она кричала, но я почему-то ничего не слышал. В любом случае мне нужны были обе руки. Я рванул юбку, она затрещала. Пытаясь вырваться и выбежать в дверь, девушка царапала мне лицо своими острыми ногтями, но я прижал ее к туалетному бачку. Она оказалась верхом на сиденье туалета, едва удерживая равновесие. Волосы на ее лобке были густыми и почти черными. Я таких не помнил. А как же круглый шрам в виде монеты? Он должен быть - наверняка. На какой же ноге? Придерживая ее рукой за горло, я наклонился. Шрама не было. Может быть, я все перепутал? Может, шрам был у одной из двух других женщин? Я услышал журчание воды в трубе и, казалось, увидел, как она вливается в бачок, завихряясь на поверхности... В ней была определенная красота и цвет дутого стекла. Отпустив горло девушки, я посмотрел на ее тело, почти обнаженное, колготки и юбка были спущены до колен, ключья блузки свисали с плеча, а один манжет был все еще застегнут. Форма ее груди, бедер, ног... Я стоял и пытался вспомнить. Но слишком много тел прошло перед моими глазами. Я смотрел на тело этой девушки сквозь тела сотен других. Они все были со мной, в моей голове, они мешали мне. Не было никакой ясности.

Позади меня послышались голоса, и кто-то резко толкнул дверь кабинки. Я почти упал на девушку, которая почти свалилась с сиденья туалета, прижав руку к горлу - ее поза поразила меня неожиданно изысканной изломанностью. Я поднялся, отошел в сторону и открыл дверь кабинки. Передо мной стоял мужчина с выражением глупого удивления на лице. На нем была голубая клетчатая рубашка с короткими рукавами. Мне показалось, что я видел его в зале.

- Эй!

Я оттолкнул его, чтобы пройти. Кто-то стал звать по-голландски полицию. Я побежал. В коридор, в инфракрасный свет пустоты вместо глаз. Через вращающиеся двери, вдоль балкона, хватаясь рукой за перила. Вниз по лестнице... Вдруг вокруг оказалось слишком много людей, слишком много лиц, один опрокинутый фужер, потом разлился еще один, следующий накренился. Наконец я оказался на улице, холод охватил меня, это все же был январь, а я забыл пальто. Я шел в сторону огня Рембрандтплейн и дрожал. Мое пальто осталось в клубе на голубом бархатном диване, но я не мог за ним сейчас возвращаться. Меня охватило чувство потери, и как бы ни было это ощущение потери собственности тривиальным, - а возможно, именно поэтому, - я вдруг осознал, что сам себя не знаю. Я был

кем-то без имени, без дома. Это не было похоже на то чувство, которое испытывают люди на пороге смерти - как будто находишься вне своего тела. Нет, я не был ни вне, ни внутри тела. Я не был нигде.

Я остановился у спортивного магазина, чтобы отдышаться. В витрине были выставлены клюшки для гольфа, лыжи, хоккейные клюшки. Теннисные ракетки располагались веером, как хвост павлина. Я услышал громыхание трамвая за спиной, его звонок. Инстинктивно я отступил ближе к витрине. В это мгновение что-то ударило меня между лопаток. У меня потемнело в глазах. Сначала я подумал, что меня задело трамваем. Но потом услышал, как кто-то выругался. Голос звучал за моей спиной, над моей головой. Я узнал выговор. Это был американец.

Я лежал на земле лицом вниз, боли не было, было просто холодно. Земля пахла жевательной резинкой и металлом. Я мог видеть площадь Рембрандтплейн, которая немного наклонилась набок. Зеленые и желтые неоновые огни. На одной из видеореклам передвигается ковбой. Сначала он выхватывает пистолет и наклоняется вперед, потом выпрямляется и прячет пистолет в кобуру. Потом снова выхватывает пистолет, наклоняется вперед. Так продолжается до бесконечности, и ковбой ничего не может поделывать. Например, он никогда не выстрелит из своего пистолета. Никогда не сядет на лошадь, никогда не растянется на своей походной кровати, надвинув шляпу на глаза, и никогда не заснет. Как много обычных, нормальных вещей он никогда не сможет сделать...

Двое полицейских поставили меня на ноги. Неподалеку стояла их белая машина с вращающимся голубым сигналом на крыше. Они взяли меня под руки и повели назад к клубу. Американец шел впереди нас. То и дело он оглядывался на меня. Его лицо было белым от ярости. В какой-то степени он был как тот неоновый ковбой.

У входа в клуб собралась небольшая толпа. Я подумал о том, где сейчас могут быть Билл и Эмма. Полицейские провели меня вверх по крутой лестнице, мимо билетной кассы, и втолкнули в помещение офиса. Темно-красные стены, серые жалюзи, две пальмы в кадках. Около автомата с водой сидела девушка с наброшенным на плечи пледом. Полицейские подвели меня к ней, но она не поднимала глаз. Она все крутила и крутила на пальце кольцо, как будто оно обладало силой изменить положение вещей и перенести ее в другое место, в другую жизнь.

- Это он? - спросил один из полицейских.

Я не отрываясь смотрел на вертевшееся на пальце девушки кольцо. Круг, еще круг. Казалось, я слышу шорох металла по коже пальца - слабый шелест, как будто муха потирает свои лапки.

Полицейский опять повторил свой вопрос тем же спокойным голосом. На этот раз девушка бегло взглянула на меня, не дольше секунды.

- Да, - ответила она.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Посмотрите на карту Амстердама, и сразу увидите, что город напоминает отпечаток пальца. Четыре главных канала образуют ряд концентрических полукругов, с которыми

перекликаются такие улицы, как Дамрак и Нъивезейдс-Ворбургвал. В самой середине территория, где находится район красных фонарей, представляет собой более компактный отпечаток пальцевого узора, его сердцевину, в которой линии уже не искривляются, а плотно прижимаются друг к другу, почти параллельны, как будто сжаты под давлением: Вармусстрат, Ауде-зейдс-Ворбургвал, Аудезейдс-Ахтербургвал, Кловенирсбургвал.

Однако отпечаток пальца представлен не целиком. Он отпечатался частично, смазанно, как след на оконной раме, или на ручке двери, или на краю ящика письменного стола. Достаточно ли будет такого отпечатка для полиции, чтобы установить личность? Возможно, нет. Будет ли это основанием к обвинению? Вряд ли. Кто бы ни совершил преступление, оставив этот отпечаток, несомненно, он избежит наказания.

В некотором смысле город пытался подсказать мне это. Ты никогда не решишь этой загадки. Тебе лучше забыть о ней. Но я, конечно, ничего не слышал.

Посмотрите на карту. На ней все показано.

Вся история.

Я сидел на жестком стуле под яркой лампой дневного света и ждал. Напротив меня на белой стене висели электрические часы. Я наблюдал, как секундная стрелка легко, словно нож, намазывающий масло, пробегает мимо цифр. Без четверти пять.

Меня отвезли в полицейский участок позади Лейдсеплейн. Когда я пил жидкий, обжигающе горячий кофе, который мне предложили, я думал о своей кухне с зелеными стенами, утопающими в тени у потолка, о том, как мог бы сидеть за столом, освещенным лампой. Я слышал шуршание газеты в своих руках, переворачивавших страницы, гул воды в водопроводных трубах, проходящих в стене кухни, и шум холодного ветра, дующего в оконное стекло. Из окна моей кухни я мог видеть громаду темного здания через дорогу, а вдалеке левее от него, огни машин на шоссе. А если откинуться на стуле и взглянуть через плечо, то можно увидеть контуры тела спящей в моей постели Джульетты - только не сегодняшней ночью...

Я отхлебнул кофе. Без пяти пять. Наконец ко мне подошел полицейский и сказал, что протокол на меня смогут составить только после девяти часов. Он говорил почти извиняющимся за такую задержку тоном. У него были глаза с красными прожилками и гладкое блестящее лицо, как будто он только что побрился. Вам лучше сейчас поспать, сказал он. Взяв меня за руку выше локтя, он провел меня мимо множества дверей в камеру, в которой стояла узкая кровать и туалет без сиденья. Он забрал мои туфли, часы и ремень, положил все в пластиковый пакет и заклеил его.

- Что со мной будет? - спросил я, внезапно испугавшись. Он неправильно меня понял и сказал:

- Ничего не будет. До утра.

Наверное, я заснул. Потому что, помню, вскочил с кровати, когда открылась дверь. Когда я понял, где нахожусь, меня обдало жаром. Если бы все это мне просто приснилось: девушка на синем бархатном диване, потом она в туалете, потом она сидит, завернувшись в плед. Поднимает на меня глаза с поплывшей тушью. Да. Это он. Конечно же, все должно было быть наоборот. Это я должен был сидеть, закутавшись в плед, и обвинять ее...

Я не мог понять, почему все пошло наперекосяк. Меня ввели в большую серую комнату без окон. Я сел и стал ждать. У меня слезились глаза, наверное, от усталости. Мои локти и колени были покрыты синяками после того, как меня сбили с ног недалеко от клуба. Через несколько минут вошел полицейский с гладким лицом. Я обрадовался, когда его увидел,

все-таки знакомое лицо, какая-то связь. Он обошел вокруг стола, разложил перед собой стопку бланков и документов.

- Долгая у вас смена, - сказал я. Он взглянул на меня:

- Простите?

- Вы долго работаете.

- А, да, - он слегка улыбнулся и заглянул в бумаги.

Дверь опять открылась, и вошел другой полицейский, неся поднос с булочками и кофе, который он поставил на стол между нами. Полицейский с гладким лицом вытянул вперед руку, ладонью вверх, жестом показывая, что я могу угощаться. Я налил себе кофе, добавил молока, потом взял булочку. Она была великолепна. И мне почему-то вспомнился вкус пива, которое я попробовал в день своего освобождения из белой комнаты, пять лет тому назад.

Пока я ел, полицейский сообщил мне, что по голландским законам с момента составления протокола меня имеют право задержать на один срок до шести часов, потом могут продлить задержание на два срока по двадцать четыре часа каждый. После этого меня либо отпустят, либо предъявят обвинение. Такова стандартная процедура. В случае, если предъявят обвинение, мне положен адвокат. Все, что он говорил, было очень разумно и понятно, поэтому я просто кивал, не зная, какие задавать вопросы.

Следующие полчаса ушли на заполнение многочисленных форм, в которых он писал четким, аккуратным почерком с небольшим наклоном влево. Потом у меня взяли отпечатки пальцев, сфотографировали и отвели назад в камеру. Полицейский сказал, что со мной поговорят сегодня же утром, но позже. Что меня допросят. Мне следует подготовиться к этому, предупредил он.

Когда перед обедом меня вывели из камеры, оказалось, что обстановка в полицейском участке полностью изменилась. Когда я шел по коридору, проходящие мимо полицейские бросали на меня укоризненные взгляды, а остальные смотрели холодно и отчужденно, как на подопытного животного. Полицейского с гладким лицом, который обращался со мной вежливо, нигде не было видно.

На этот раз, когда меня ввели в серую комнату, за столом сидели двое полицейских. У одного было вытянутое лицо и узкие плечи, его звали Снел. Он курил сигарету, небрежно выпуская дым из ноздрей. Другой, Питере, был лысоватым, с квадратной головой. Оба выглядели усталыми и недовольными. Они бы с удовольствием оказались где угодно, только не в этой комнате, и виновником их присутствия здесь оказался я. Как только я сел перед ними на стул, меня сразу же охватило паническое ощущение вины.

Они хотели услышать мою версию происшедшего предыдущей ночью. Я изложил голые факты, как они мне запомнились. Потом наступила пауза. Питере постукивал ручкой по блокноту, лежавшему перед ним. Страница была чистой, он ничего не записал. Меня немного задело то, что он не удосужился сделать ни одной пометки. Снел встал и начал прохаживаться взад и вперед, засунув руки в карманы. Он оказался неожиданно высоким, и от талии его туловище слегка наклонялось вперед. Сбоку он смотрелся как лыжник, прыгающий с трамплина.

- Вы рассказали нам о том, что вы сделали, - сказал Снел гнусавым голосом, - но не сказали, почему сделали это.

- Я не смогу объяснить, - признался я.

Снел искоса взглянул на меня, упираясь подбородком в плечо.

- Не можете объяснить, почему это сделали? -Нет.

- По информации, которую мы получили сегодня утром, -произнес Питере, - вы напали на девушку, пытаетесь ее изнасиловать.

Я покачал головой:

- У меня не было намерения насилловать ее. Это было не изнасилование.

- Но вы сорвали с нее всю одежду, - возразил Питере. -Да.

- Если это не изнасилование, то что же? - удивился Снел. Он облокотился на стену, засунув руки в карманы.

Я не мог придумать ответ на этот вопрос. Хотя руки и ноги у меня были холодными, на груди и между лопаток выступила испарина.

- Почему вы напали на девушку? - спросил Питере.

- Я уже сказал, что не могу этого объяснить.

Опять оказавшись в камере, я крепко уснул. Мне приснилось, что Стефан Элмере женился на крупной грудастой женщине. Туго обтянутая бледно-розовым платьем, она с трудом балансировала в своих босоножках на высоких каблуках, так что страшно было на нее смотреть. Улыбаясь как самый закоренелый фаталист, Стефан сообщил мне, что у него уже есть пятеро детей, а теперь его жена ждет шестого. Потом мне снилось, что какой-то мужчина стрижет мне волосы. Он ужасно напортачил, местами выбрив мою голову, а местами оставив клочки волос, как у клоуна. Я обычно работаю в зоопарке, сказал он. Проснулся я оттого, что дверь камеры с грохотом распахнулась. Полицейский, которого я ни разу еще не видел, принес мне обед.

Вечером со мной опять беседовали Снел и Питере. Они добивались от меня объяснения. Хотя факты говорили сами за себя, мотив моих действий оставался непонятным. Если бы я только мог дать им более или менее ясное описание того, что творилось тогда в моей голове...

- Вам, может быть, проще изложить ваше объяснение письменно? - сказал Снел. Он присел на угол стола, болтая одной ногой и опираясь на другую, и предложил мне сигарету.

Я покачал головой:

- Спасибо. Я не курю.

- Девушка заигрывала с вами? - спросил он. - Она провоцировала вас чем-нибудь? Вы ведь симпатичный мужчина.

Он прикурил от своей золотой зажигалки, выпустил по своему обыкновению дым из ноздрей и отошел в дальний угол комнаты.

- Нет, она не заигрывала со мной.

Питере, казалось, был удивлен моим ответом. Наморщив свой большой квадратный лоб, он наклонился над блокнотом и что-то записал.

- Что, если так? - предложил Снел. - Вы увидели ее в клубе, и она сразу же вам понравилась. Вы не знаете, что на вас нашло, вы не могли себя сдержатъ, - он передвинул сигарету в

уголок рта и глубоко затаился. - Вы хотели ее.

Это была настолько простая, но в то же время непохожая на меня версия случившегося, что я, должно быть, улыбнулся.

- Я сказал что-нибудь смешное? - Снел оперся о стену, теперь держа одну руку в кармане.

- В каком-то роде, - сказал я.

- А уточнить нельзя? -Нет.

- Значит, вы не нашли ее привлекательной? - вернулся к своему вопросу Снел. - Ну, что она...
- он помедлил, - неотразима?

-Нет.

Снел вернулся к столу, затушил в пепельнице сигарету и сел.

- Как вы относитесь к женщинам?

- Извините, - сказал я, - уточните, пожалуйста, что вы имеете в виду.

Снел наклонился вперед, сложив перед собой руки, вялые как перчатки.

- У вас есть обида на женщин? - он помолчал, а потом уточнил: - У вас есть претензии к этой женщине?

- Я бы не назвал это обидой, - сказал я, - Но вопрос интересный.

- А как вы это назовете?

Я уставился в стол. Его серая металлическая поверхность была свежеевыкрашена и не имела еще никаких царапин. Я не знал, какая полицейским еще будет от меня польза. Я сказал все, что мог. Почему они так зациклились на мотиве? Может, пытаются найти для меня лазейку? Или заманивают меня в ловушку?

- Итак... - Снел зажег еще одну сигарету.

- Сожалею, - произнес я, - но мне нечего сказать.

Питере издал такой звук, как будто резко выдохнул, получив удар в живот. У него это получилось непроизвольно - нечто среднее между сардоническим смешком и возгласом отвращения.

- Один последний вопрос, - сказал Снел, - у вас есть девушка?

Я кивнул:

- Да. Есть.

- А что она подумает обо всем этом? Я неожиданно повысил голос:

- Она к этому не имеет никакого отношения. -Нет?

- Нет. Это совсем другое.

Питере отвернулся в сторону и что-то быстро проворкотал. Затем выбрал из стопки одну из форм и придвинул ее ко мне.

- Вот, - сказал он. - Изложите свои показания.

Той ночью я просыпался раз десять. Разболелся правый локоть, и я никак не мог найти удобное положение на кровати. К тому же где-то все время хлопали двери, и слышался гул голосов. В полицейском участке, наверное, никогда не было тихо. Я лежал под лампой дневного света и вспоминал, как писал свои показания. Я не мог избежать таких слов, как «разорвал» и «сорвал», также пришлось употребить слово «тащить». На бумаге весь эпизод выглядел намного ужасней. Но хуже всего было то, что я не мог дать никакого вразумительного объяснения своему поведению, хотя в конце заявления я признавал, что поступил неправильно и глубоко сожалею о случившемся, а также об оскорблении и возможных травмах, которые я мог причинить.

Прочитав бумагу, Снел резко взглянул на меня:

- Хотите что-нибудь добавить?

Тон, каким он задал вопрос, предполагал, что я, возможно, упустил что-то важное. Но мне не удалось сообразить, что именно. Наверное, мои сожаления были неуместными в таком признании и выглядели неискренними, но я не мог с этим ничего поделать, поэтому просто покачал головой.

Я лежал на узкой кровати и смотрел в потолок, ощущая себя так, будто весь день провел во сне. В памяти остались только непосредственные, конкретные детали реальности - как выглядели полицейские, какой был вкус у булочек. Наверное, я находил какое-то успокоение, отвлечение в таких деталях, пускай мелких и незначительных. Однако теперь - можно сказать, наконец-то - до меня начала доходить вся тяжесть и безнадежность моего положения, а в середине следующего дня я лишился последних остатков заблуждения, которые еще у меня оставались.

Я только что проснулся после непродолжительного сна, когда дверь открылась и полицейский сообщил, что ко мне пришел посетитель. Мне разрешается провести с ней десять минут, сказал он.

С ней?

Я нервно сглотнул. Лицо у меня вспыхнуло, а пол начал уходить из-под ног, как будто я заваливался вперед. Джульетта уже сидела за столом, когда я вошел в комнату для допросов. Я немного помедлил, стоя за ее спиной, вбирая в себя здоровый блеск ее черных волос и округлость плеч под вязаным черным свитером. Да, это была она, но ее появление выглядело таким необычным, таким неуместным, что казалось почти галлюцинацией.

Я обошел вокруг стола и сел напротив. Полицейский, который привел меня, встал около двери с плотно сжатыми губами и неморгающими глазами, как ребенок, который в игре притворяется невидимым.

- Джульетта... - сказал я.

До этого она смотрела на свои руки, а сейчас подняла на меня глаза. Она казалась уставшей. Глаза глубоко запали, а кожа приобрела сероватый оттенок вместо золотистого, который я помнил. Я попытался улыбнуться.

- Ты получила роль? Она озадаченно моргнула.

- Прослушивание, - сказал я. - Ты получила роль?

- Ах это, - закивала она. - Да, получила.

- Замечательно.

Я смотрел, как она медленно снимает перчатки. Когда она снова взглянула на меня, ее глаза были полны слез.

- Что ты сделал? - спросила она срывающимся от напряжения голосом. Это прозвучало не как вопрос, в этих словах выразилось все ее замешательство. Интересно, что ей сказали?

- Джульетта...

Она покачала головой и, не смотря на меня, коснулась уголка глаза тыльной стороной руки.

- Джульетта, послушай. Это не то, что кажется.

- Разве? -Нет.

Я опустил глаза. Джульетта зашмыгала носом, затем высморкалась. Вдруг я понял, что впервые вижу, как она плачет.

- Это не то, что ты думаешь, - снова сказал я.

Я повторил эти слова дважды, и хотя говорил правду, вдруг понял, что звучат они очень неубедительно, неестественно. Как-то виновато. Помнится, я сразу увидел, что они не сработали. Вся моя жизнь состояла из отчаянных и безрезультатных повторений.

Нет, гораздо хуже. Я был похож на продавца, который изо дня в день приносит на рынок одни и те же фрукты, пока они не прогниют до самой сердцевины и не останется ничего, кроме гнили.

Я наконец поднял взгляд на Джульетту.

- Ничего не изменилось, - жалким лепетом вырвалось у меня.

Но я знал, что ошибаюсь. Лед треснул, и мы провалились. Между нами пролегла пропасть, которую нелегко перешагнуть.

Конечно, я мог бы рассказать ей все. У меня была такая возможность - тогда, в три часа ночи, в парижской гостинице. На потрескивающих обоях тихо взрываются красные розы, мы лежим рядом, ее пальцы поглаживают шрам... Но она не спросила, а я не ответил, мы занимались любовью, а вокруг нас парило невысказанное...

Джульетта сказала, что принесла несколько писем из моей квартиры. Их конфисковали при входе, но потом передадут мне. Пока она говорила, к нам подошел полицейский, который стоял у двери, и объявил, что наше время истекло. Я не попросил Джульетту прийти еще. Просто опять повторил то, что уже говорил раньше, что все это не то, чем кажется. И когда она посмотрела на меня расстроенными, несчастными глазами, сказал ей, что люблю ее, а она печально кивнула, поворачиваясь к двери.

Только позже мне пришла в голову мысль о том, что полицейские могли попросить ее навестить меня, надеясь, что это прольет дополнительный свет на мою личность.

В четверг вечером, после тридцати восьми часов задержания, Снел и Питере вызвали меня в комнату для допросов. Снел, как всегда, курил. Мягким, но серьезным голосом он объявил, что мне предъявлено обвинение в нанесении оскорбления действием и попытке изнасилования. От девушки поступило заявление, и хотя потерпевшая все еще не оправилась от шока, она намерена дать ход обвинению, а в моем объяснении нет оснований для того, чтобы дело прекратить. Фактически Снел, затягиваясь сигаретой, говорил о том, что

наши показания очень хорошо дополняют друг друга, как будто мы с девушкой в сговоре. Он поднял глаза к потолку, выпустил из ноздрей две шикарные струи дыма и опять повторил: «Очень хорошо дополняют». Было ясно, что мое поведение заинтриговало его.

Через час ко мне пришел государственный адвокат, которого назначили представлять мои интересы. Это был коротышка с румяным добродушным лицом, как только я увидел его, сразу понял, что у меня нет никаких шансов выиграть дело. Наедине в камере я сказал ему, что признаюсь в оскорблении действием, но не возьму на себя попытку изнасилования, поскольку нет никаких тому доказательств того. Он возразил:

- Вы пошли за ней в туалет, затащили ее в пустую кабинку, сорвали с нее одежду. Косвенных улик более чем достаточно. - Он снисходительно улыбнулся, что в данной ситуации казалось неуместным.

- Я не тронул ее, - сказал я.

- Вам помешали, - ответил адвокат. Я с удивлением посмотрел на него:

- На чьей вы стороне?

- Я говорю только то, что скажет представитель обвинения, - адвокат сложил перед собой ладони, как будто собирался читать молитву. - Конечно же, я на вашей стороне, но вы должны мне помочь.

Однако от меня было мало пользы, и вскоре он ушел, глядя в пол и качая головой. В этот момент я был готов связаться с Полом Буталой или с Изабель и спросить их совета, но потом решил, что не стоит их беспокоить, они и так уже сделали для меня предостаточно.

На следующий день рано утром, после крепкого, как ни странно, сна, мне сообщили, что по совету общественного обвинителя меня должен допросить судья, ведущий мое дело. Меня опять привели в комнату для допросов; я уже так хорошо знал туда дорогу, что мог бы найти ее с завязанными глазами. Судья, статный мужчина с почти седыми, белыми волосами, ворвался в комнату с внезапностью штормовой волны, обрушивающейся на скалы. Он задал мне те же вопросы, что и Снел с Питерсом, хотя и более формально и отстраненно. Когда через пятнадцать минут я оказался в своей камере, меня не покидало ощущение, что беседа прошла плохо. И все равно я не мог предугадать, чем все это закончится. События развивались с такой нарастающей скоростью, что казалось, были организованы. Передо мной появлялись и исчезали разные люди, на которых желательно было произвести положительное впечатление. Я едва успевал перевести дыхание - и это, как ни странно, несмотря на долгие часы одиночества в камере. От меня требовали, чтобы я нес полную ответственность за свои действия в прошлом, а в настоящем я, кажется, потерял всякий контроль над происходящим.

Вечером мне принесли письма, пришедшие на дом, - те, которые принесла с собой Джульетта. Как я и ожидал, конверты были вскрыты, но в самих письмах не было сделано никаких помяток. Большинство из них оказались обычной ерундой, годящейся для мусорной корзины, - письмо из банка о моей кредитной карте, предложение займа, - но среди них была открытка от Стефана. Он писал из Нью-Йорка, где работал по заданию, делая фотосюжеты. Он писал в своем духе: «Как там твой бар? Надеюсь, ты не переспал еще с Густой!» - и я вдруг осознал, как резко все в моей жизни изменилось. Прошло несколько минут, прежде чем я смог вернуться к последнему из писем. Это был прямоугольный белый конверт с напечатанным в левом верхнем углу адресом юридической конторы. Письмо было от господина Веркховена, в нем он сообщал мне о том, что я являюсь душеприказчиком Изабель ван Занен, он извещает меня о том, что согласно ее завещанию я наследую ее квартиру в Блумендале. Я не сразу смог осознать, что это значит. Я опять перечитал письмо - и все равно не нашел в нем смысла, содержание письма казалось неполным, размытым; в голове у

меня все смешалось, как будто я смотрел на чернильное пятно или плохо сделанную ксерокопию. Я отложил письмо в сторону и лег на кровать. В душе царило полное опустошение, в голове не было ни одной мысли, их место заняли всего лишь два слова: Изабель умерла. Эти слова повторялись в моем мозгу опять и опять, бесконечно, пока не потеряли смысла...

Последний раз я видел Изабель в середине января. Мы с Джульеттой съездили на поезде в Блумендаль и провели с ней около часа, правда, я почти не говорил с ней. В тот день, насколько я помню, в комнате висело некоторое напряжение, которое я приписал тому, что две самые близкие для меня женщины встречаются в первый раз. Я вспомнил также, что на обратном пути в Амстердам Джульетта повернулась ко мне и сказала: «В молодости Изабель, должно быть, была очень красива». Эти слова заставили меня улыбнуться. Я рассказал Джульетте о фотографии, которую Изабель показала мне однажды, после того как после ужина выпила две порции бренди, что было для нее необычно. На той фотографии, сделанной в 1953 году в «Валдорф Астории», Изабель была в белом вечернем платье, с бриллиантами в ушах и на шее, с безукоризненной кожей и черными блестящими волосами, косо зачесанными на лоб и закрывавшими правую бровь... «Конечно, она все еще красива, - поспешила добавить Джульетта, почувствовав, что едва не допустила бестактность. - Я имела в виду, что жаль, когда встречаешь кого-то впервые и человек уже стар. Сразу понимаешь, что ты упустил что-то, и от этого становится грустно».

Я вспомнил свою первую встречу с Изабель. Тогда ей было около шестидесяти, но она все еще пребывала на вершине славы. Я зашел к ней за кулисы в «Сэдлерс Уэллз», чтобы выразить свое восхищение ее работой. Я сказал ей, что учусь в студии Королевского балета и надеюсь танцевать в балетной труппе в Амстердаме. Мы поговорили минут пять, и мне ничего не запомнилось, кроме ее великолепного английского и того, с каким пренебрежением она оглядела меня с ног до головы. В конце года в студию Королевского балета приехал агент из голландской труппы, и я стал одним из нескольких танцовщиков, которых он отобрал для просмотра. Невозможно вообразить мое волнение, когда он отвел меня потом в сторону и спросил, не хотел бы я стать членом труппы... Осенью следующего года, однажды днем, когда я уже прожил в Амстердаме около полугода, по громкоговорителю в студии труппы передали, что меня в приемной ждет посетитель. Я был вспотевшим и взъерошенным, в рваной футболке и велосипедках из лайкры, а Изабель - в костюме от Шанель и темных очках. Она трижды поцеловала меня, потом отступила назад и осмотрела с ног до головы. «Итак, - произнесла она с легкой улыбкой, - вы танцуете в Нидерландах, как и планировали». В тот момент я, конечно, не имел понятия о том, как она меня нашла, это казалось мне счастливой случайностью. Только годы спустя я узнал, что это Изабель послала агента, чтобы он посмотрел и отобрал меня, это Изабель все организовала...

Я снова взял в руки письмо от юриста. Господин Веркховен полагал, обращаясь ко мне, что, как один из близких друзей, я уже знаю о кончине Изабель, и это придало его письму некоторую краткость и деловитость, что только усилило мое потрясение и замешательство от этой новости. Прошло всего чуть больше двух недель с тех пор, как я видел ее в последний раз. Ее уход оказался неожиданно быстрым, почти жестоким.

Я повернулся на бок и стал смотреть в стену, покрытую неприличными надписями, рисунками мужских гениталий и следами от затушенных сигарет. Мои глаза затуманились. Я почувствовал, что погружаюсь на дно, в темноту... Во всем этом было одно утешение - она не узнала о моем позоре.

В ту ночь я находился между сном и явью. Я открывал дверь в квартиру Изабель. Медленно, как в тумане, шел через холл, осознавая, что на стенах висят картины, а в серебряном блюде у зеркала лежат засушенные лепестки роз. Я шел на ощупь по проходу, ведущему в гостиную. Все комнаты были погружены в темноту, в которой угадывались таинственные очертания мебели. На всем лежал отпечаток заброшенности. С улицы не проникало никакого света, не

светила луна, во всем была какая-то пыльная серость, струящаяся снаружи через стеклянные двери. Я увидел вычищенный камин и аккуратно разложенные на диване подушки. Я сел в кресло, в котором всегда сидела Изабель, когда еще была здорова. Это было кресло с высокой спинкой, обтянутое изысканной и роскошной тканью - желтого, зеленого и золотого цветов. На столе возле кресла лежала стопка разрозненных листов - на них она делала записи по балету, над которым мы вместе работали. Хотя я и был знаком с транскрипцией, которую она использовала, но для меня она всегда выглядела интригующе загадочной, как руны, высеченные на камнях, или планы экспериментальной тюрьмы. Я знал, что мы далеко продвинулись в нашей работе, но оставалось еще многое сделать, и только я мог это продолжить. Пока я читал то, что она написала, меня окружала аура египетских сигарет. Я подумал, что сигареты, должно быть, остались с ранней осени, еще до того как у нее обнаружили рак. Несколько листов бумаги, испещренных карандашными пометками, запах сигарет в воздухе - вот все, что осталось от нее. Как быстро, как неожиданно мы уходим... Сидя в ее кресле, я начал разговаривать с ней. Я говорил то, чего не успел сказать ей при жизни. И то, чего она никогда не разрешила бы мне произнести в ее присутствии... Но в этом и заключается суть бдения, Монолог, а не беседа. Человека, к которому я обращался, больше не было. Она не могла перебить меня или не согласиться, она даже не могла ответить мне. Эта односторонность разговора, сам факт, что только один человек говорит, заставляет понять, что он потерял.

Доски пола казались черными в полутьме, за стеклянной дверью едва проступали смутные очертания леса, который по цвету был на тон темнее, чем небо. С северо-востока дул ветер, но больше не раздавалось никаких звуков. Хотя была середина ночи, но Бутала, подумалось мне, наверняка не спит у себя наверху, сидя в кожаном кресле с рюмкой бренди на столике, под рукой. Может быть, рассматривает атлас, который я подарил ему, или пролистывает альбом с фотографиями татуированных мужчин. Единственное, что обнаруживает его присутствие в комнате, это дым от сигариллы, который поднимается в свете лампы спиралью к потолку, или звук от сдвигающейся манжеты белой рубашки, когда он переворачивает страницу или разглаживает усы...

Когда я открыл глаза, было уже утро. Я зевнул и потянулся. Раздвинув стеклянные двери, вышел на террасу и облокотился на деревянные перила, глядя на деревья в саду и подставляя лицо влажному воздуху.

После завтрака я пошел прогуляться вдоль пляжа. Бродил, подняв воротник пальто и засунув руки в карманы. В спину мне дул порывистый ветер, причем такой сильный, что иногда я невольно начинал даже бежать, разбрасывая ногами песок, который оседал длинными, извивающимися, как змеи, линиями. Вокруг не было ни души. Конечно, все же зима. Справа от меня волны накатывали на берег, слышался глухой рокот, серые волны взрывались кремово-белой пеной...

Скрип ключа в замке, дверь моей камеры приоткрывается...

Я медленно опускаю ноги на пол. Сажу на краю кровати не двигаясь, стараясь не потревожить воспоминания о том, как я посетил комнаты, в которых когда-то жила Изабель. Если делать резкие движения, то все рассыплется, как кусочек дерева возрастом в пять тысяч лет, который вдруг вынесут на свет и воздух. Я чувствовал, как по всему телу разливается спокойствие, как будто меня погрузили в прохладную воду. Наверное, это было осознание того, что я уже не могу опускаться глубже, что уже достиг того места, того основания или скалы, на котором можно начинать строить.

В то утро меня привели в комнату для допросов, где уже были Снел, Питере и мой адвокат. Снел вытянул сигарету из пачки, лежавшей перед ним, и задумчиво постучал ею по золотой зажигалке. Адвокат наблюдал за ним с терпеливым выражением, что только подтвердило мое недоверие к нему.

- Вы бледны, - сказал Снел.

- Ничего. Я в порядке, - ответил я и сел за стол. Снел зажег сигарету и со вкусом затянулся.

- Боюсь, у меня плохие новости.

Я почувствовал, что горько улыбаюсь:

- Пришла беда - открывай ворота.

- Простите?

- Ничего, - сказал я, - продолжайте.

Снел сообщил, что судья, который опрашивал меня позавчера, нашел, что я не иду на контакт. Он рекомендовал оставить меня в предварительном заключении до суда, который состоится через два месяца. В своем отчете он отметил, что я представляю опасность для общества, так как могу повторно совершить подобное преступление.

Я начал смеяться. А начав, уже не мог остановиться, хотя видел, что это шокировало трех мужчин, сидевших за столом. Прошло не меньше минуты, прежде чем мне удалось взять себя в руки. Все еще всхлипывая, я извинился. Снел протянул мне бумажную салфетку. Я поблагодарил.

Полностью оправившись, я откинулся на стуле и повернулся к Снелу:

- Мне можно сделать один телефонный звонок? Полицейский немного подумал, затем подал знак Питерсу, который шумно поднялся. Пока Питере отсутствовал, мой адвокат наклонился ко мне, его румяное лицо излучало обычное добродушие.

- Должен напомнить вам, что вы имеете право хранить молчание.

Конечно, он же не знал, что у меня в голове, но все равно его совет был не к месту и таким неподходящим, что я опять начал смеяться. Не смог удержаться. Адвокат сидел на стуле с выражением крайнего удивления.

Дверь открылась. Это был Питере с телефоном. Он воткнул штепсель в розетку внизу на стене и поставил аппарат передо мной.

- Мне нужен номер, - сказал я. Питере нахмурился.

- Какой номер?

- Мне нужен номер полицейского управления, - пояснил я, - на улице Марникстрат.

Питере повернулся к Снелу, который вытащил из внутреннего кармана пиджака черную записную книжку. Он перевернул несколько страниц, затем посмотрел на меня и, выпуская из ноздрей сигаретный дым, назвал семизначный номер.

Все трое внимательно наблюдали за мной, когда я набирал цифры. Я услышал гудки, наконец ответил женский голос. Я глубоко вздохнул, собрался.

- Доброе утро, - произнес я. - Могу я поговорить с мистером Олсеном?

Послышался быстрый шуршащий звук, похожий на шуршание бумаг, потом линия очистилась и я услышал его голос, прозвучавший совсем близко, как будто он был там все время.

- Олсен слушает.

- Здравствуйте, мистер Олсен, - я назвал свое имя. - Мы познакомились на дне рождения Пола Буталы. Почти пять лет тому назад.

- А, да. Танцовщик, - сказал он. Прошло несколько секунд. -Вы так и не принесли мне мое пиво.

Меня несколько обескуражила острота его памяти. В то же время я подумал, что это может обернуться в мою пользу.

- Это было грубо с моей стороны. Простите, - я помолчал, потом сказал: - За мной должок.

Олсен рассмеялся.

- Ну, что я могу для вас сделать?

- Боюсь, что это долгая история...

- Ничего. Я не спешу.

Я начал описывать события, произошедшие в понедельник вечером, события, которые закончились моим арестом. Я говорил меньше чем тридцать секунд, дойдя до места, когда рыжий волос девушки упал рядом со мной на стойку бара, и тут Олсен перебил меня.

- Вы начали рассказ с середины, - мягко сказал он. - Возвращайтесь к началу...

Примечания

1

Греческое вино с привкусом сосновой смолы.

2

У меня были крылья (франц.).

3

МОЙ (голландск.).

4

Двойной поворот в воздухе (франц.).

5

Па-де-де (доел. Танец вдвоем) - (франц.).

6

Большой летящий прыжок в балете.

7

Навсегда, с любовью - Б. (франц.).

8

Черт! Я не могла и подумать, что ты так сделаешь (франц.).

9

Ищите? (голландск.).

10

Что ты хочешь?

11

Ты глухой? Отвали (голландск.).

12

Английская поговорка, обозначающая «подражать кому-либо».

13

Двойной поворот в воздухе (франц.).

14

Счастливого путешествия! (франц.).

15

Напиток, в состав которого входит ром, сахар, лимонный сок, и который пьют со льдом.

16

Дословно: вода Нила (голубовато-зеленоватый оттенок).

17

Воспаление мочевыводящего канала.